

СОВРЕМЕННАЯ
ВОЙНА
ВЪ РУССКОЙ
ПОЭЗИИ

ПЕТРОГРАДЪ

НА ПОМОЩЬ ПОЛЬШѢ

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

ВЪ

РУССКОЙ ПОЭЗИИ

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

ВЪ

РУССКОЙ ПОЭЗИИ

ПЕТРОГРАДЪ
1915

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАН.
Отъ составителя	XIII
Славянство.	
Общеславянскій гимнъ. «Гей, славяне». <i>Леонида Афанасьева</i>	1
Славянскій гимнъ. <i>Александра Бахирева</i>	3
Сербскій національный гимнъ. <i>Леонида Афанасьева</i>	4
Молитва славянъ. <i>Н. Б. Хвостова</i>	6
Славянамъ. <i>Кл. Голицына-Муравкина</i>	7
Славянскіе орлы. <i>Ив. Соколова</i>	8
Славянская стража. <i>Дмитрия Вертуна</i>	10
Сербская пѣсня. <i>Н. А. Карпова</i>	12
Домбровна. <i>И. Пересѣтова</i>	13
Болгарамъ. <i>Н. К. Савенко-Новоспасской</i>	15
Галицкая Русь.	
Галици. <i>Н. Б. Хвостова</i>	16
Гроза. <i>В. Опочина</i>	18
Сонетъ Червонной Руси. <i>А. Мейсера</i>	19
Галицкая пѣсня. <i>Георгія Иванова</i>	20
«Ночи темны, тучи грозны...» <i>И. Пересѣтова</i>	22
На взятіе Львова. <i>Н. К. Савенко-Новоспасской</i>	24
Воинамъ южной дружины. <i>Михаила Бяляева</i>	25
Польша.	
Наша младшая сестра. <i>Т. Щепкиной-Куперникъ</i>	26
Стансы Польшѣ. <i>Федора Соломуба</i>	28
Польшѣ. <i>Валерія Брюсова</i>	30

	СТРАЖ.
Братьямъ. <i>Федора Солоуба</i>	32
Защита Варшавы. <i>Ю. В. Ревякина</i>	33
Въ Ченстоховѣ. <i>В. П. Рябова-Бѣльскаго</i>	34
Польшѣ. <i>Бенедикта</i>	35
Польшѣ. <i>Сергѣя Копыткина</i>	36

Война.

Стансы о войнѣ. <i>Дмитрія Цензора</i>	37
Надъ миромъ смерть. <i>Н. Капталинской</i>	39
Послѣдняя война. <i>Валерія Брюсова</i>	40
Воронъ къ ворону летитъ. <i>А. Измайлова</i>	42
Благословеніе. <i>Игоря Свѣрякина</i>	46
На начинающаго Богъ. <i>Федора Солоуба</i>	47
18 июля 1914 года. <i>М. Веселковой-Килмитетъ</i>	48
Война. <i>В. Мизуркевича</i>	49
Война за миръ. <i>Влад. Гиляровскаго</i>	50
Впередъ. <i>Т. Соколовской</i>	52
Четырнадцатый годъ. <i>Сергѣя Копыткина</i>	53
Цвѣта войны. <i>Н. Минскаго</i>	55
Ушли... <i>М. Веселковой-Килмитетъ</i>	57
Съ войны. <i>Князя Федора Касаткина-Ростовскаго</i>	59
Ночная молитва. <i>Ю. В. Ревякина</i>	60
Въ избѣ лѣсника. <i>Князя Федора Касаткина-Ростовскаго</i>	63
Война. <i>Князя Федора Касаткина-Ростовскаго</i>	65
Въ дни войны. <i>Сергѣя Копыткина</i>	66
Братскія могилы. <i>М. Веселковой-Килмитетъ</i>	67
Пѣснь о смерти. <i>Дмитрія Цензора</i>	69
Первыя панихиды. <i>Евгенія Рышкова</i>	71
Плѣннымъ. <i>Танкреда</i>	72
Пѣсня надъ рубашкой. <i>Т. Щепкиной-Куперникъ</i>	73
Образокъ. <i>Вл. П. Лебедева</i>	76
Закружился, словно вьюга... <i>А. Волинцевой</i>	77
Срѣтеніе царя. <i>Сергѣя Городецкаго</i>	78
Спаси, Господи, люди твоя... <i>А. Случевской-Коростовицъ</i>	80
Листокъ осенній цвѣта крови... <i>Якова Година</i>	81
На безумныхъ враговъ чловѣка... <i>Л. Андрусона</i>	82

	СТРАИ.
Боевая. <i>Як. Окунева</i>	83
Подводная лодка. <i>В. Веленова</i>	85
Мародеръ. <i>Сергѣя Михалева</i>	87
Старый вопросъ. <i>Валеря Брюсова</i>	89

Родина.

Съ нами Богъ! <i>Н. Б. Хвостова</i>	91
О Русь! <i>Маули</i>	92
Русь. <i>Евгени Нампиченко</i>	94
Salute. <i>Мих. Андреева</i>	96
Ушли. <i>Ив. Соколова</i>	97
Нашимъ дѣтямъ. <i>Татяны Бергманъ</i>	98
Разговоръ съ миролюбомъ. <i>И. Гриневской</i>	100
Сонетъ Петрограду. <i>А. Мейснера</i>	102

Казаки.

Въ станицѣ. <i>В. Опочина</i>	103
Ночлегъ казаковъ. <i>С. Толстова</i>	105
Казацья пѣсня. <i>Н. Акивицева</i>	108
Сторожевой пикетъ. <i>Тихобережскаго</i>	110
Голосъ Дона. <i>Владимира Воинова</i>	111

Герои.

Памяти князя Олега Константиновича. <i>Вл. Жуковскаго</i>	117
Героямъ. <i>В. Рутковскаго</i>	118
Радко-Дмитріеву. <i>Н. К. Савенко-Новоспасской</i>	120
Миръ павшимъ. <i>Вл. Краковскаго</i>	121
«Въ бою». <i>Князя Федора Кисаткина-Ростовскаго</i>	123
Памяти Нестерова. <i>А. Рославлева</i>	125
Пѣснь о Нестеровѣ. <i>Вл. Черевкова</i>	126
На смерть летчика. <i>Г. Галикой</i>	127
Бѣлая одежда. <i>Н. Тэффи</i>	128

Мать.

Послѣднее прощанье матери. <i>И. Гриневской</i>	129
Мать. <i>В. Вадимовой</i>	130

	СТРАИ.
Я четыре сына въ мукахъ родила... <i>Натали Грушко</i> . . .	132
Орина, мать солдатская. <i>Ал. Дрождинка</i>	133
Колыбельная. <i>Бенедикта</i>	136

Сестра милосердія.

Сестра. <i>И. Вилде</i>	138
Сестра. <i>Дмитрія Цезора</i>	140
О—га А—на. <i>А. Мейснера</i>	142
Сестра милосердія. <i>А. Воина</i>	143

Англія.

Пѣснь британца. <i>Василія Князева</i>	145
Шотландская пѣсня. <i>А. Д'Актиля</i>	147

Бельгія.

Брабансона. Переводъ <i>В. К.</i>	149
Бельгійскій національный гимнь. <i>Леониди Афанасьева</i>	150
Бельги. <i>Т. Щепкиной-Куперникъ</i>	152
Бельгія. <i>Ал. Рославлева</i>	154
Бельги. <i>И. Тимковскаго</i>	155
Бельгійцамъ. <i>Милія Стремина</i>	157
Антверпенъ палъ. <i>Дмитрія Цезора</i>	159
Утѣшеніе Бельги. <i>Федора Солоуба</i>	160
Антверпенъ. <i>Александра Блока</i>	162
Три креста. <i>З. Гиллиусъ</i>	164
Антверпенъ. <i>Вл. Краковецкаго</i>	165
Льежъ. <i>Владимира Воинова</i>	166
Бельгійская колыбельная. <i>Арх. Бухова</i>	169
Брюгге. <i>Т. Щепкиной-Куперникъ</i>	172

Франція.

Парижу. <i>Дмитрія Цезора</i>	175
Парижъ. <i>Д. Коковцова</i>	178
Рефмсскому собору. <i>А. Мейснера</i>	180
Рефмскій соборъ. <i>Э. Ростана</i> . Переводъ <i>Н. Минскаго</i>	181
Гибнущая святыня. <i>Н. Архангельскаго</i>	182

	СТРАН.
Разрушеніе Реймсскаго собора. <i>А. Рославлева</i>	841
Соборъ Богоматери <i>А. Липецкаго</i>	185
Реймскій звонарь. <i>А. Измайлова</i>	186

Враги.

Вильгельмъ Второй. <i>Федора Солоуба</i>	190
Тевтону. <i>В. Уманова-Капзуновскаго</i>	191
Видѣніе кайзера. <i>Сергѣя Копыткина</i>	193
Подъ гнетомъ проклятій... <i>Ф. Е. Зарика-Несвицкаго</i>	195
О чемъ пѣла флейта. <i>Донъ-Аминадо</i>	197
Вы можете разрушить башни... <i>М. Бузмина</i>	199
Забывтій. <i>Потемкина</i>	200
Въ караулѣ. <i>Танкреда</i>	202
Въ молитвѣ. <i>Танкреда</i>	204

Юморъ и сатира.

Подъ полумѣсяцемъ Босфора. <i>А. Мейснера</i>	205
Въ Берлинѣ. <i>Мистика</i>	207
Серенада. <i>П. Г.</i>	209
Ученая армія. <i>Веда</i>	211
Басенка. <i>М. Стремкина</i>	213
Нео-русскіе классики. <i>В. Барятинскаго</i>	214
Басни Крылова. I. Тришкинъ кафтанъ. — II. Напраслина. <i>А. Измайлова</i>	216
Вольное подражаніе Лермонтову. <i>С. Толстова</i>	218
Дружеская переписка. <i>Донъ-Базиліо</i>	219
Пожаръ. <i>Танкреда</i>	221
Телеграммы — и картины... <i>Танкреда</i>	223
Der Rogotino. <i>В. Барятинскаго</i>	225
Гордость Германіи. <i>Хафиза</i>	229
Гуси. <i>А. Измайлова</i>	233
Конецъ Германіи. <i>Омикрона</i>	234
Что думаетъ Вильгельмъ II, когда ему не спится. <i>В. Мазуркевича</i>	237
Обычное явленіе. <i>В. Мазуркевича</i>	238
Ни Богу свѣчка, ни чорту — кочерга. <i>Яго</i>	239

	СТРАН.
Герцогиня Люксембурга. <i>Василія Клязева</i>	241
На Зигесъ-алле. <i>Вега</i>	242
Изъ «Сенсацій» мадамъ де-Курдюковой. <i>Бенедикта</i>	244
Изъ тетради пародій. Гренадеры. <i>Сэра Гея</i>	246
Тризна большихъ похоронъ <i>Арк. Бухова</i>	248
Австрійская колыбельная пѣсня. <i>Вега</i>	251

Народное творчество.

I. Мобилизація и сборы на войну	253
1. Не думалось—пришлось	253
2. Фабричная	255
3. Тюремная	256
II. Война	—
1. Утромъ рано на разевѣтъ	—
2. Пѣсня	258
III. Женскія частушки	259
IV. Сатира	261
1. Нѣмецъ пивомъ облакался	261
2. Вотъ такъ нѣмцы, ой-да ну	262
3. Шли въ Гумбину мы на нѣмца	263
4. Похлебали каши съ щами	—
5. Закрутивши кверху усь	264
6. Нѣмчура совсѣмъ зазнался	265
7. Какъ пришли мы за границу	266
8. Подобрали нѣмцы штаны	266
9. Сучья дочь Германія	267
10. Нѣту, нѣту фонаря	—
11. Государевымъ приказомъ	—

Добавленіе.

Благовѣсть боя. <i>К. Бальмонта</i>	269
Передъ германскимъ посольствомъ. <i>Бориса Сидовскаго</i>	270
Болгарамъ. <i>Сергія Маковскаго</i>	272
Воскресше богатыри. <i>Аполлона Коринфскаго</i>	273
Утѣшеніе. <i>Анны Ахматовой</i>	276

**Алфавитный указатель авторовъ, произведенія которыхъ
вошли въ эту книгу.**

Агнивцевъ, Н.	108.
Андреевъ, Мих.	96.
Андрусонъ, Л.	82.
Архангельскій, Н.	182.
Афанасьевъ, Леонидъ	1, 1, 150.
Ахматова, Анна	276.
Балясный Мих.	25.
Барятинскій, В.	211, 225.
Бахиревъ, Александръ	2.
Бенедиктъ	35, 136, 211.
Берхманъ, Татьяна	98.
Блокъ, Александръ	162.
Брюсовъ, Валерій	30, 40, 89.
Буховъ, Арк.	169, 218.
Вадимова, В.	130.
Вегеновъ, В.	85.
Вергунъ, Дмитрій	10.
Веселкова-Кильшгегъ, М.	48, 51, 67.
Вильде, П.	138.
В. К.	149.
Воннъ, А.	143.
Вольнцева, А.	77.
Wega	211, 212, 251.
Галина, Г.	127.
Гиляровскій, Вл.	50.
Гиппусъ, З.	161.
Годинъ, Яковъ	91.
Голыцынъ-Муравлинъ, кн.	7.
Городецкій, Сергѣй	78.
Гриневская, И.	100, 129.
Грушко, Наталья	132.
Дактиль, А.	147.
Донъ-Аминадо	197.
Донъ-Базиліо	219.
Дрождининъ, Ал.	133.
Жуковскій, Вл.	177.
Заринъ-Несвицкій, Ф. Е.	195.
Ивановъ, Георгій	20.
Измайловъ, А.	42, 186, 216, 233.
Карповъ, Н. А.	12.
Касаткинъ-Ростовскій, кн. Фѣдоръ	59, 63, 65, 123.
Кашгалинская, Н.	39.

Князевъ, Василій	145, 211.
Коковцовъ, Д.	178.
Копыткинъ, Сергѣй	36, 53, 66, 193.
Коринфскій, Апол.	273.
Краковецкій, Вл.	121, 165.
Кузминъ, М.	199.
Лебедевъ, Вл. П.	76.
Липецкій, А.	185.
Мазуркевичъ, В.	19, 237, 238.
Маугли	92.
Мейснеръ, А.	19, 102, 142, 180, 205.
Мпнскій, Н.	55.
Мистикъ	207.
Намѣтниченко, Евгения	94.
Окуневъ, Як.	83.
Омикронъ.	234.
Опочининъ, В.	103.
Пересвѣтовъ, П.	13, 22.
Потемкинъ.	200.
Ревякинъ, Ю. В.	33, 60.
Рославлевъ, А.	125, 154, 184.
Рутковскій, В.	118.
Рышковъ, Евгени	71.
Рябовъ-Бѣльскій, В. П.	34.
Савенко-Новоспасская, П. К.	15, 24, 120.
Сэръ Гей.	246.
Соколовъ, Ив.	8, 97.
Соколовская, Т.	52.
Сологубъ, Осдоръ	28, 32, 47, 160, 190.
Стреминъ, Милій	157, 213.
Сѣверянинъ, Игорь.	16.
Танкредъ.	72, 202, 204, 221, 223.
Тимковскій, И.	155.
Тихобережскій	110.
Толстовъ, С.	105, 218.
Тэффи, Н.	128.
Умановъ-Каплуновскій, В.	191.
Хвостовъ Н. Б.	6, 16, 91.
Хафизъ	229.
Пензоръ, Дмитрій	37, 69, 140, 149, 175.
Черевковъ, Вл.	126.
Щепкина-Куперникъ, Т.	26, 73, 152.
Яго	239.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

*Настоящій сборникъ произведеній русскихъ поэтовъ обнимаетъ собою только часть того, что было ими написано въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отъ начала современной войны. Представить вниманію читателей всю русскую поэзію, посвященную этой войнѣ, не представляется возможнымъ: это заняло бы слишкомъ много мѣста и удорожило бы настоящій сборникъ, издаваемый съ благотворительной цѣлью — на помощь **Польши**. Составитель сборника, имѣя передъ собою обширный матеріалъ современнаго поэтическаго военнаго творчества, взялъ изъ него, какъ ему казалось, только самое характерное, причемъ его вниманіе остановили на себѣ не только произведенія уже извѣстныхъ „признанныхъ“ поэтовъ, но и начинающихъ, молодыхъ, маловѣдомыхъ, чьи писанія находили себѣ мѣсто по преимуществу на страницахъ провинціальныхъ изданій. Въ интересахъ справочныхъ весь матеріалъ разбитъ на отдѣлы, согласно внутреннему содержанію стиховъ и разработанной темы.*

Быть может, настоящий починъ найдетъ себѣ продолжателей, и тогда въ историю русской поэтической литературы будетъ сдѣланъ своеобразный вкладъ, свидѣтельствующій, какіе моменты и какія явленія современной войны особенно вдохновляли русскихъ поэтовъ. Если въ настоящий сборникъ не попалъ кто-нибудь изъ современныхъ авторовъ, то составитель приноситъ ему свои извиненія; это случилось не по какой-нибудь предвзятости, а вслѣдствіе того, что съ пропущеннымъ произведеніемъ или не удалось своевременно ознакомиться, или оно появилось въ печати послѣ того, какъ настоящий сборникъ былъ уже составленъ и сданъ въ печать.

Въ составленіи настоящаго сборника мнѣ оказали содѣйствіе своими совѣтами и указаніями: П. Н. Венцель (Бенедиктъ), В. А. Мазуркевичъ, А. Ф. Мейснеръ, Н. П. Соколовъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, которымъ и приношу мою сердечную товарищескую признательность, какъ равно и В. М. Шахову, помогшему матеріально осуществить настоящее изданіе.

Б. Глинскій.

*19—X—911.
Петроградъ.*

СЛАВЯНСТВО

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЙ ГИМНЪ.

«ГЕЙ, СЛАВЯНЕ!»

(Переложене).

Гей, славяне! Днесь свободно
Рѣчь родная льется
До тѣхъ поръ, покуда сердце
За отчизну бьется!

Живь и крѣпокъ духъ славянекій,—
Будежь жить въ kami!
Не потушитъ громъ и буря
Нашей мести пламя!

Намъ языкъ дарованъ Богомъ,
Онъ исполненъ силы;
Кто жъ его лишитъ насъ можетъ
Передъ тьмою могилы?

Если все на свѣтѣ люди
Станутъ злы, какъ гномы,—
Намъ не страшно: съ нами Богъ нашъ,
Онъ разсылетъ грѣмы!

Если даже вихорь гнѣвный
Въ грозной силѣ встанетъ,
Сломить дубъ, скалу расщепить,
Грудь земли изранить,—

Мы стоять все такъ же будемъ,
Мощные, какъ стѣны!
Гибель тѣмъ, кто чаеъ встрѣтить
Въ насъ позоръ измѣны!

Леонидъ Афанасьевъ.

СЛАВЯНСКІЙ ГИМНЪ.

(Посвящается братьямъ-славянамъ).

Ликуй, народъ, душою ясной:
Но воля русскаго Царя
Зажглась надъ родиною прекрасной
Давно желанная заря.

Ликуй, народъ: промчалась годы,
И „старый русский великанъ“
Подъ свѣтлымъ знаменемъ свободы
Идетъ къ семьѣ родныхъ славянъ.

Онъ скажетъ намъ: „Вы долго ждали,
Я долго мракомъ скованъ былъ,
Но свѣтъ пришелъ, завѣсы пали,
И васъ я, братья, не забыть.

„Пришелъ я сбросить рабства бремя.
Пришелъ какъ братъ, а не какъ врагъ,
Я васъ зову, родное племя,
Подъ мой свободный, свѣтлый стягъ.

„Мы вмѣстѣ, дружную семью,
Посѣмъ правду на землѣ
И будемъ жить одной душою
Въ Варшавѣ, въ Прагѣ и въ Кремлѣ“.

Александръ Бахиревъ.

СЕРБСКІЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ ГИМНЪ.

(Переложене).

Боже правый, Ты, что дивомъ
Охранялъ насъ въ бѣдствій дни,
Вновь внемли сердецъ призывамъ
И опять насъ сохрани.
Благо жизни щедро множа,
Къ мощи, къ славѣ двинь народъ!
Сохрани, всеильный Боже,
Короля и сербскій родъ!

Сербскимъ братьямъ дай сплоченье
Въ славномъ дѣлѣ безъ измѣнъ,
Миръ несетъ врагу смятенье,
Сербству—твердость крѣпче стѣнъ.
Пусть на сербской вѣтви къ счастью
Зрѣеть братства чудный плодъ!
Сохрани, о Боже, властью
Короля и сербскій родъ!

Пусть надъ вѣрной головою
Не падеть твой гнѣвный громъ!

Осѣни своей рукою
Поле, ниву, градъ и домъ!
А подступитъ врагъ лукавый, —
Для побѣдъ веди народъ!
Сохрани, о Боже правый,
Короля и сербскій родъ!

Изъ могильной тьмы пріяло
Сербство новый блескъ зарп.
Время новое настало,
Новымъ счастьемъ подари!
Плодъ борьбы пятивѣковой,
Королевство защищай,
И Петра для славы новой
Мощной силой сохраняй!

Леонидъ Афанасьевъ.

МОЛИТВА СЛАВЯНЪ.

Стучать мечи, гремятъ оковы,
И черно-желтый вьется флагъ:
На насъ грядеть многовѣковѣй,
Непримиримый, алчный врагъ.

Въ семью славянъ внося раздоры,
Насъ, братьевъ, ссоря и дѣля,
Себѣ беретъ онъ наши горы
И наши мирныя поля.

Поруганъ храмъ, гонима вѣра.
Неправосуденъ швабскій судъ,
Подъ хитрой маской лицемѣра
Пьетъ нашу кровь тевтонецъ-спрутъ.

Очамъ Твоимъ, Господь, открыты
Людей неправые пути:
Мы ждемъ Твоей святой защиты,
Грозы удары отврати!

Укрой Твой миръ отъ непогоды,
Сердца жестокиа смири
И солнцемъ правды и свободы
Весь край славянскій озари!

Н. Б. Хвостовъ

СЛАВЯНАМЪ.

Славяне, мы пдемъ! Тотъ день наступитъ вскорѣ.
Когда, въ сиянн любви и торжества,
Славянскіе ручки сольются въ русскомъ морѣ.
И Русь произнесетъ великія слова:
„Освобожденные, я къ вамъ пришла съ любовью!
„Всевышній мнѣ помогъ вамъ радость принести.
„Я проложила путь для васъ своею кровью,
„Объединитесь всѣ на томъ святомъ пути!
„То для славянства путь любви и возрожденья,
„Работы творческой исконныхъ свѣтлыхъ силъ.
„Пусть вѣдаетъ весь мръ, что для объединенья.
„Для общаго труда Господь васъ воскреситъ“.

Кн. Голицынъ-Муравлинъ.

СЛАВЯНСКІЕ ОРЛЫ.

Подъ грозной тучей, что легла
Надъ Вислой, Припятью и Бугомъ.
Средь блеска молній, два орла
Нежданно встрѣтились другъ съ другомъ:
„Здорово, братецъ!“

„Здравствуй, братъ!“

— „Откуда?“

„— Путь держу далекій:

„Съ родныхъ холмовъ чрезъ Днѣпръ широкій,

„Туда, все дальше, на закатъ!

„Лечу вослѣдъ казачьей лавъ,

„Героямъ-витязямъ вослѣдъ,

„Навстрѣчу ихъ великой славы.

„Громамъ неслыханныхъ побѣдъ!

„А тамъ, гдѣ сѣверъ хмурить далъ,

„Отъ стогновъ царственной рѣки

„Мои глаза считать устали

„Неисчислимыя полки;

„Они идутъ и днемъ и ночью,

„Все ближе, строже, все грознѣй...

„О, если бъ видѣлъ ты воочью

„Всю силу родины моей!

„Орлинымъ сердцемъ гордо чую
„Паденье вражескихъ преградъ,
„Туда стремлюсь, туда лечу я!
„А ты откуда?“

„— Отъ Карпатъ!

„Отъ страдныхъ гнѣздъ на старой грани
„Тебѣ родныхъ издревле мѣсть,
„Гдѣ покоренные славяне
„Несутъ отъ вѣка тяжкій крестъ;
„Гдѣ звонъ цѣпей и мракъ темницы,
„Весь гнетъ и ужасъ бытія,
„Гдѣ Стрый и Львовъ, и Черновицы,
„Гдѣ Русь Червонная моя!
„Но пробилъ часъ, и въ тюремъ своды
„Проникъ желанный лучъ зари:
„Въ защиту правды и свободы
„Пришли твои богатыри!
„Несу я вѣсть отъ Буковины,
„Отъ Сана топкихъ береговъ:
„Что богатырскія дружины
„Сметаюгъ полчища враговъ,
„Что путь открытъ на Пештъ, на Краковъ,
„На Вѣну... и со всѣхъ сторонъ
„Лишь гулъ побѣдъ твоихъ юнаковъ
„И слава сѣверныхъ знаменъ!..“
„— Такъ будемъ вмѣстѣ съ этой славой!..“

И тамъ, гдѣ тучъ рѣдѣла мила,
При блескѣ солнца, два орла
Слнлися вдругъ въ одинъ—двухглавый!

Ив. Соколовъ.

СЛАВЯНСКАЯ СТРАЖА.

Къ Дунаю, славяне, къ Дунаю,
Къ исконно-славянскому краю,
Всѣ помыслы ваши несите—
Въ завѣтномъ бою
За долю свою
Вы съ помощью братьевъ спѣшите!

Дунай—колыбель нашей славы,
Гнѣздо онъ славянской державы.
При Самъ-Царѣ прадѣды наши
Тамъ билнсь съ врагомъ,
Хранили свой домъ
И пили медовыя чаши.

У Сама родились три сына,
Три истыхъ, какъ онъ, славянина:
Полякъ, Чехъ и Русь.
При смерти отецъ
Тому далъ вѣнецъ,
„Кто вражбихъ не вынесетъ узъ!“...

И въ міръ растеклися три брата.
Родителя воля имъ свята,
И бьются съ тѣхъ поръ безъ конца—
За имя, за свѣтъ,
Свободы завѣтъ,
За гордое знамя отца.

Два брата не справились съ рокомъ,
А младшій на свѣтъ шпрокомъ
Устроилъ могучее царство.—
Да братьевъ спасти
И ладъ завести
Сосѣдей мѣшаетъ коварство.

Забыли сыны о Дунаѣ.
Иныя нагрянули стан
И заняли прадѣдовъ нивы;
Но съ давнихъ временъ
Насъ манитъ трезвонъ
Туда, гдѣ Дуная разливы.

Тамъ грянетъ послѣдняя битва,
Всѣхъ общая свяжетъ молитва.
Найдется и доля родная,—
И тамъ сторожить.
И братьямъ трубить
Славянская стража Дуная...

Дмитрій Вергунъ.

СЕРВСКАЯ ПѢСНЯ.

Снова ты будешь, родная.
Участь оплакивать вдовью, —
Тихія воды Дуная
Снова окрасились кровью.

Вторгнулся врагъ кичливый,
Волкомъ онъ рыцетъ насытымъ;
Наши родимыя нивы
Топчетъ онъ конскимъ копытомъ.

Слышимъ,—труба боевая
Воетъ звончѣй и побѣднѣй,
Храбрыхъ бойцовъ призывая
Къ битвѣ кровавой, послѣдней.

Дрогнуть отъ топота нивы,
Дрогнетъ земная утроба;
Слыша родные призывы,
Мертвые встанутъ изъ гроба.

Н. А. Карповъ.

ДОМБРОВНА ¹⁾.

(Кролевецкая баллада).

На поморьѣ славянскомъ,—подъ Кролевцемъ, подъ
Гданскомъ. —
Звѣрскій смѣхъ раздается да стоны:
То язычннковъ крестятъ, а язычницъ безчестятъ
Господа крестоносцы-тевтоны.
Вотъ гроемейстеръ маститый—Юнгиненъ знаменитый—
Въ замокъ Мальборгъ конгуровъ сзываетъ:
Онъ зоветъ не на пьянство, не на травлю крестьянства.—
Онъ съ Витовтомъ войну затѣваетъ:
— Польша спорить съ Литвою, а Руси той порою
Отъ Литвы попадетъ на орѣхи.
Мы пойдемъ, нану силу имъ покажемъ, а съ тылу
На Витовта накинутся чехи.
— Гохъ!—весь орденъ взываетъ, свой доспѣхъ надѣваетъ,
Лошадей наряжаетъ въ попоны

¹⁾ Домбровна—славянское названіе Грюнвальда, гдѣ въ 1410 году произошла знаменитая битва между тевтонскимъ орденомъ и славянами.

II, закрывшись щитами, страшно водить усами:
 Всѣхъ побьютъ, молъ, лихіе тевтоны!
 Ъдутъ рыцари лугомъ, совѣщаясь другъ съ другомъ
 О раздѣлѣ добычи богатой...
 Влещутъ латы да шлемы... Молвятъ нѣмцы:—А гдѣ мы?—
 — Близъ Домбровны,—отвѣтилъ вожатый.
 Молвятъ нѣмцы другъ другу:—Знать, Литва съ перепугу,
 Какъ клопы, позапряталась въ щели?—
 Но въ отвѣтъ надъ равниной исполнинской щетинной
 Сотни коней вдали зачернѣли...
 — Бей литовцевъ проклятыхъ!—Рѣжь комтуровъ усатыхъ!—
 Все смѣшалось въ кровавомъ туманѣ...
 Бьетъ Литву мечъ тевтонскій... Но звучитъ топотъ конскій:
 То на выручку скачутъ смоляне!
 Вслѣдъ за русскими—справа сыпетъ польская лава,
 Впереди—Земовитъ Мазовецкій,
 Съ нимъ и Зындрамъ, а рядомъ—Жижка съ чешскимъ
 отрядомъ
 Въ тылъ заходитъ армадѣ нѣмецкой...
 Что тутъ нѣмцевъ помято! Что тутъ рыцарей взято!
 Земовиту, однако, все мало:
 — Гей,—кричитъ онъ,—паночки! Это—только цвѣточки.
 А для ягодъ—пора не настала!
 Идите большаго дива!...—
 Люди ждуть терпѣливо,
 Пять вѣковъ и три года все ждали...
 Вдругъ земля всколыхнулась, Русь проснулась,
 встряхнулась,—
 Люди сонъ наяву увидали!

II. Пересвѣтовъ.

БОЛГАРАМЪ.

Все окуталь дымъ зловѣщій—
Лѣсъ, деревни и поля.
Отъ пальбы, отъ грома сѣчи
Задрожала вся земля.
Бьется тамъ славянства племя,
Всѣ отвагою полны,
Цѣль одна владѣть всѣми...
Гдѣ жъ Болгарин сыны?
Иль забыли вы, что дѣды
Наши дрались много разъ
И подъ славный громъ побѣды
Возродили къ жизни васъ?
Ваши швы колосятся:
Ихъ вспоила наша кровь.
До сихъ поръ еще хранятся
Груды русскихъ череповъ.
А теперь стыдомъ измѣны
Занятали вы себя.
Или вамъ дороже Вѣна,
Чѣмъ славянская семья?
Братья, братья, врагъ ужъ грозно
Въ смертный бой полки ведетъ...
Такъ скорѣй, пока не поздно,
Съ общимъ знаменемъ впередъ!

Н. К. Савенко-Новоспасская.

ГАЛИЦКАЯ РУСЬ

ГАЛИЦІИ.

Блѣднѣеть мракъ, уходитъ ночь,
Въ сияньи день родится новый.
Вставай, возлюбленная дочь,
Снимай разбитыя оковы!

Довольно слезъ ты пролила,
Томясь въ страданьи на чужбинѣ:
Подъ сѣнь родимаго крыла
Вступай, свободная отнынѣ!

И—мать, печальница твоя,
Пади же, дочь, въ мои объятія!
Давно ужъ ждеть тебя семья:
Сестра Москва и съ нею братья.

Въ истокахъ Невскихъ сынъ Петра,
Надъ Волгой сынъ отъ Ярослава,
И на Украинѣ сестра
Единокровная Полтава.

Одесса, Клевъ, Могилевъ —
Вся Русь — семьей объединенной
Прислали витязей-пословъ
Къ тебѣ, красавицѣ Червонной.

Они сошлись, и тихій Донъ
Разить тевтоновъ въ грозной сѣчѣ...
Ты слышишь сабель острыхъ звонъ?
Орудій смерти слышишь рѣчи?

Со всѣхъ концовъ родной земли
Сыны ея стремятся къ бою,
Они, Галиція, пришли
Къ горамъ Карпатскимъ за тобою.

Нѣтъ на рукахъ твоихъ цѣпей,
Разрушенъ сводъ тюрьмы суровой, —
Сливайся съ родной своей
Великой, Малой, Бѣлой, Новой!

Н. Б. Хвостовъ.

Г Р О З А.

Воздухъ сгущенный, давя, какъ дурманъ,
Тяжко дымился косматыми тучами..
Съ запада ползъ непроглядный туманъ
И осѣдаль надъ Карпатскими кручами..

Грянула Божья гроза! по землѣ
Громъ небывалый прошелъ перекатами..
Вспыхнули молнии... въ каждой скалѣ
Эхо проснулось, гремя за Карпатами..

Развѣ не легче дышать? кругозоръ
Развѣ не шире? гроза небывалая
Тучи разносить... и въ выступахъ горъ
Ярко заря загорается алая..

В. Опочининъ.

СОНЕТЪ ЧЕРВОННОЙ РУСИ.

Гляжу впередъ безъ страха,—не робѣя.
Восходятъ тѣни гдѣ-то далеко:
Хмельницкаго, Шевченка, Кочубея...
За ними—тѣнь слѣпного Василько.
...За рubeжомъ... Тамъ сердцу не легко...
За рubeжомъ... Но та же все Украина.
И тѣ же ночи, темныя, какъ тайна,
И тѣ же сны Оксаны и Грицко...
Далекъ ли путь отъ Львова до Полтавы!
Поставимъ стягъ единой русской славы!
Единая наслѣдственная кровь
Сольетъ въ одно и наши пѣсни, стени...
Страна славянъ, твои разбиты цѣпи
И ждуть тебя Свобода и Любовь.

А. Мейснеръ.

ГАЛИЦКАЯ ПѢСНЯ.

Неподвижны крылья мельницъ.
Что молоть-то? Хлѣбъ не сжать.
Грустно вѣтки липъ-отшельницъ
Надъ Галиціей дрожать.
Горько, братья, тошно, братья,
Посылать своихъ дѣтей
Подъ австрійскія проклятья,
Подъ удары ихъ плетей!
Въ день суровый бабы выли—
Не излечится тоска,
Если въ рекруты забрили
И сына, и муженька.
Да велятъ итти сражаться
Съ братомъ русскимъ, какъ съ врагомъ.
Какъ же сердцу тутъ не сжаться
Тайной мыслью о другомъ!
Съ Богомъ, братья! Рабство сбросимъ,
Смѣло воспрянемъ безъ оковъ,
Мы недаромъ имя носимъ
Угрюсусовъ отъ вѣковъ.

Пусть война встаетъ пожаромъ---
Въ немъ свободы намъ заря,
Тамъ трепещетъ въ блескѣ яромъ,
Знамя Бѣлаго Царя.
Прочь кокарды и погоны
Швабовъ! Выше русскій стягъ!
Мы австрійскіе патроны
Не истратимъ на пустякъ!
Пусть не сняли урожая,
Но зато нашъ мирный край,
Австрияковъ поражая,
Сниметъ славы урожай!

Георгій Ивановъ.

«НОЧИ ТЕМНЫ. ТУЧИ ГРОЗНЫ...»

(Посвящается Н. В. Рувскому).

Тѣни мрачныя спустились
На просторъ родныхъ полей.
Тучи грозныя сгустились,
Ночь все ближе, все темнѣй.
Въ царствѣ рабскаго молчанья,
Средь унылой жуткой тьмы,
Взоръ пугаютъ очертанья
Львовской габсбургской тюрьмы.
Крѣпко выходы забиты,
Словно крышкой гробовой.
Тѣ, кто тамъ,—людьми забыты.
Что грозить имъ, Боже мой!
Тише... Въ церкви ль зазвонили?
Звуки плавные растутъ...
Что за щекотъ? Соловыи ли
Предразвѣтный гимнъ поютъ?
Прѣсвистъ издали несется.
Свистъ все ближе, все сильнѣй.
Доль гудить, земля трясется,
Снова жизнь забила въ ней...

Это явь? Иль сновидѣнье?
Боже! Старый русский Львовъ,
Слышишь ты? Вѣдь это—пѣнье
Шагомъ ѣдущихъ донцовъ:
Взвыль тюремщикъ вѣроломный,
Въ дикой паникѣ бѣжить,
А вдогонку „*Ночи темны,*
Тучи грозны...“ все звучить...
Яркій лучъ блеснулъ съ востока,
Надъ землею рѣдѣетъ мгла,
И нашъ Львовъ вдохнулъ глубоко:
Тучи скрылись! Ночь прошла!

И. Пересвѣтовъ.

НА ВЗЯТИЕ ЛЬВОВА.

Сердце радостно забилося снова,
Снова сбиты полчища враговъ.
Нѣтъ ужъ больше Лемберга чужого,
Есть родной, старинный русскій Львовъ.
Боже, этой радостной минуты
Ждали мы ужъ многіе года,
И порой казалось, что замкнуты
Двери въ Львовъ для русскихъ навсегда.
Но нашъ мечъ пробилъ себѣ дорогу
Въ русскій край давно минувшихъ дней,
Въ древній край Владимира Святого,
Володаря и Владимирка князей.
Подъ своей державой, Русь Святая,
Возвращенныхъ приглубь сыновъ.
И, въ свою семью ихъ призывая,
Дай покой имъ, ласку и любовь.

И. К. Савитко-Новоспасская.

ВОИНАМЪ ЮЖНОЙ ДРУЖИНЫ.

Стоите вы у поля битвы
И смѣлой грудью рветесь въ бой...
Къ вамъ, къ вамъ прикованы молитвы
И взоръ любви Руси святой!
Синѣютъ передъ вами горы —
Тамъ тоже Русь сѣдыхъ Карпатъ.
Заставы ваши и дозоры
Ужъ занимаютъ древній скатъ.
Грохочетъ бой, и ты, дружина,
Шагнешь впередъ за Прутъ, за Санъ
И силой мощной неполина
Разсѣешь ты коварный станъ.
Скорѣе братьямъ дай свободу,
Въ разстрѣлахъ гибнуцимъ, въ крови,
И вѣковую ихъ невзгоду
Развѣй ты подвигомъ любви.
Неси же стягъ на поле битвы
За древній Галичъ нашъ родной!..
Благословятъ тебя молитвы
И взоръ любви Руси святой!..

Михаилъ Балленый.

ПОЛЬША

НАША МЛАДШАЯ СЕСТРА.

Край намъ близкій Польша, Польша,—
Наша младшая сестра,—
Занялся развѣтъ твой смутно
Въ грозномъ пламени костра.
Дымъ пожаровъ, рѣки крови,
Безъ пощады злобный врагъ.
И дѣтей голодныхъ стоны.
И разграбленный очагъ.
Мирныхъ сель опустошенье,
Ярость пуль, набата жуть...
Вотъ, сестра, въ какое время
Всходишь ты на новый путь.
Вся израненная. Польша,
Утонаешь ты въ крови,
Но не бойся, есть въ Россіи
Много силы и любви.
Ты, сестра, за насъ страдала.
Жертва бѣдная, прости,—
Мы твои залечимъ раны,
Мы должны тебя спасти.

Мы дѣтей твоихъ накормимъ.
Обогрѣемъ бѣдняковъ,
Пріютимъ несчастныхъ братьевъ
И вернемъ имъ отчій кровъ.
Всепрощенья, примиренья
И любви святой залогъ
Въ эту тяжкую годину
Намъ найти поможетъ Богъ.
Для родной и близкой Польши
Кто-что можетъ—пусть даетъ:
Дайте щедро, дайте больше
Хлѣба, ласки и заботъ.
Пусть увидитъ, что за бурей
Будетъ свѣтлая пора,—
Оживетъ и встанетъ Польша—
Наша младшая сестра.

Т. Щепкина-Куперникъ.

СТАНСЫ ПОЛЬШѢ.

Ты никогда не умирала,—
Всегда плѣнительно жива,
Ты и въ неволѣ сохраняла
Твои державныя права.

Тебя напрасно хоронили,—
Себя сама ты сберегла,
Противоставивъ грозной силѣ
Надежды, пѣсни и дѣла.

Твоихъ поэтовъ, мать родная,
Всегда умѣла ты беречь,
Восторгомъ сердца отвѣчая
На ихъ пророческую рѣчь.

Не заслужили укоризны
Твои сыны передъ тобой,—
Ихъ каждый трудъ былъ для отчины
Надъ Вислой, какъ и надъ Невой.

И нынѣ, въ годъ великой битвы,
Не шлю проклятiя войнѣ.
Съ твоими и мои молитвы
Соединить отрадно мнѣ.

Не для ея страданiй дольше ---
Молю небеснаго Отца, ---
Перемѣни великой Польнѣ
На лавры тернiя вѣнца.

Федоръ Сологубъ.

ПОЛЬЩЬ.

Орелъ, одноплеменный!
... Вѣрь слову русскаго народа:
Твой перлъ мы свито сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ!

О. Тютчевъ.

Провидецъ! Стихъ твой осужденный
Не наше ль время прозрѣвалъ,
Когда „орелъ одноплеменный“
Напрасно крылья расширялъ!

Сны, что тебѣ туманно снились,
Предстали намъ, воплощены,
И вѣщимъ свѣтомъ озарились
Въ багровомъ заревѣ войны.

Опять родного намъ народа
Мы стали братьями,—и вотъ
Та „наша общая свобода,
Какъ фениксъ“, править свой полеть.

БРАТЬЯМЪ.

На милый край, гдѣ жизнь цвѣла,
До Вислы на равнины наши
Тевтоновъ ярость разлила
Огонь и смерть изъ полной чаши.
Какъ въ день Послѣдняго Суда,
Сверкаль огонь, гремѣли громы,
Пылали наши города,
И разрушались наши дома.
Когда ожесточенный бой
Къ инымъ предѣламъ устремлялся,
На нашихъ улицахъ разбой
Тевтонской рати начинался.
Презрѣвши страхъ дѣтей и дѣвъ,
На слезы отвѣчая смѣхомъ,
Въ безстыдство перешедшій гнѣвъ
Къ безумнымъ тяготѣлъ потѣхамъ.
И кровь струилася, и вновь
Вставалъ угарный дымъ пожара,
И пепломъ покрывала кровь
Родныхъ и милыхъ злая кара.
Изъ милыхъ мѣсть насъ гонить страхъ,
Но говоримъ мы нашимъ дѣтямъ:
— Не бойтесь: въ русскихъ городахъ
Мы всѣ друзей и братьевъ встрѣтимъ.

Федоръ Сологубъ.

ЗАЩИТА ВАРШАВЫ.

Да, онъ надѣялся, коварно-злой врагъ.
Прійти и разгромить прекрасную Варшаву,
И, въ мирѣ укрѣпивъ тевтоновъ гордыхъ славу,
Надъ Вислой свѣтлою поднять побѣдный стягъ...

Да, онъ надѣялся, что старые раздоры
И раны старыя покажутъ рознь славянь.
Увы, ошибся онъ, урокъ великій данъ
Въ минуту славную: забыты всеѣ укору,

Забыта вся вражда, и русскіе полки
Варшава свѣжими осыпала цвѣтами.
Съ молитвой жаркою, съ горячими слезами
Тамъ провожали въ бой побѣдные штыки.

И русскіе пошли, великою любовью,
Союзомъ дружескимъ согрѣли ихъ сердца,
И выдержали бой тяжелый до конца
И земли польскія полили жаркой кровью.

Варшава спасена! Сгорая отъ стыда,
Жестокий врагъ бѣжитъ, склонивъ свои знамена,
И злобный замыселъ кичливаго тевтона
О грудь славянскую разбился безъ слѣда.

Ю. В. Ревякинъ.

ВЪ ЧЕНСТОХОВЪ.

Плачетъ сынъ: „Душа томится!
Гдѣ отецъ? О мать, не скрой!“
— За него, родной, молиться
Будемъ Господу съ тобой!..

„Близко ли наши полки?
О, какъ мнѣ, матушка, жутко!“
— Тише, идутъ пруссаки...
Слышишь ихъ крики, малютка?

Смолкъ ребенокъ, къ взрослой жметя.
Бьется птичкой сердце въ немъ.
Шумъ все ближе раздается
Въ переулкѣ, за окномъ...

Это не сонъ и не бредъ:
Двери прикладами сбиты;
Брезжитъ далекій разсвѣтъ,
Темною тучей повитый...

Снова тишь вокругъ и дрема,
Никого никто не ждетъ,
Только кровь у оконъ дома
Молча къ небу вопіеть...

В. П. Рябовъ-Бѣльскій.

ПОЛЬШЪ.

(Сонетъ).

Всѣ бѣды, ужасы всѣ вражьяго вторженья
Познать пришлось тебѣ, о Польская земля!
Врагъ злобный твоего искалъ унниченья,
Добычу жданную заранѣ дѣля.

Губителенъ былъ слѣдъ тевтонскихъ ордъ движенъ,
Опустошившихъ мирныя поля...
Но тяжкій швабскій млатъ ковалъ для насъ сближенъ.—
На Ченстохова звонъ звучалъ отвѣтъ Кремля.

Не надо пышныхъ фразъ, не время суесловью, —
Сильнѣе не скрѣпить связующихъ насъ узъ:
Тѣ узы спаяны пролитой вмѣстѣ кровью!

О, Польша! Пусть удѣлъ твой нынѣ и печаленъ, —
Недолго ужъ нести невзгодъ и бѣдствій грузъ.
И обновленною ты встанешь изъ развалинъ.

Бенедиктъ.

ПОЛЬШЬ.

Не можетъ быть невзгоды большей,
Чѣмъ та воинственная мгла,
Что надъ несчастной, гордой Польней,
Какъ страшный призракъ, залегла.

Судилъ Господень Помысль дальній
Странѣ мазуровъ и полянъ
Быть раскаленной наковальней
Въ борьбѣ за первенство славянъ.

Германскій вепрь, пронзенный пикой,
Учюя смерти голоса,
Рыча и брызжа пѣной дико,
Вломился въ польскіе лѣса.

Онъ сжегъ поля, разграбилъ селы,
Разбилъ сѣдые города.
Онъ осквернилъ твои костелы,
Дикарь, не знающій стыда.

Не плачь, сестра! Злодѣйствамъ вражымъ
Придетъ конецъ... близка пора —
Твои мы раны перевяжемъ,
Мы нецѣлимъ тебя, сестра!

Сергій Копыткинъ.

В О Й Н А

СТАНСЫ О ВОЙНѢ.

Да, въ мірѣ не было священнѣй,
Правдивѣй не было войны!
Полна высокихъ отреченій,
Полна безмѣрной глубины, —
Надежды столькихъ поколѣній
Въ ея чертахъ отражены!

Холмы изъ тѣль, моря изъ крови. —
Но скорбью духъ не омраченъ.
И только гнѣвъ сдвигаетъ брови
Предъ злобой вражескихъ племенъ.
И мечь святая наготовѣ
Для ихъ разбойничьихъ знаменъ.

Да, нуженъ былъ глаголь изъ стали,
Быть нуженъ всенародный сдвигъ,
Чтобъ свято сызнава звучали
„Россія“, „Родина“... И вмѣстѣ
Мы героическими стали,
И каждый вышее постигъ.

Теперь, забывъ печали наши
И наши скучныя слова,
Мы жадно пьемъ изъ полной чаши
Борьбы, надеждъ и торжества,
И нѣтъ восторженнѣй и краше
Мечты, которая жива:

Освободить весь мѣръ отъ гнета!
Пусть кровь безцѣннѣ воды, —
Но алыя штормъ порветъ тенета
Безправья, злобы и вражды.
Не станетъ грознаго оплота
Для вѣчно алчущей Бѣды.

Когда же имена убитыхъ
Мы, уцѣлѣвшие, сочтемъ, —
Мы выжжемъ ихъ на славныхъ плитахъ,
Чтобъ повторять ихъ каждымъ днемъ!
Тогда не будетъ позабытыхъ
Въ странѣ, очищенной огнемъ.

И не смутить народной вѣры
Огнемъ губительныхъ мортиръ!
Пусть кровь людскую пьетъ безъ мѣры
Земля, и Смерть справляетъ шуръ, —
Мы на зарѣ великой эры:
Безсмертнымъ въ мѣръ станетъ Миръ!

Дмитрий Цензоръ.

НАДЪ МІРОМЪ СМЕРТЬ.

Надъ міромъ смерть простерла крылья,
Кровавый саванъ молча палъ.
Борьбы напрасныя усилья...
Надъ міромъ смерть простерла крылья,
Загробный слышится хоралъ.

И тонетъ тьма въ волнахъ кровавыхъ,
И тонетъ въ небѣ мертвый взоръ.
Все суета, земной нѣтъ славы...
И тонетъ тьма въ волнахъ кровавыхъ,
Лишь смерти воля да просторъ.

Но близокъ грозный часъ возмездья!
Господь всеиленъ и могучъ.
Все ярче на небѣ созвѣздья...
И близокъ грозный часъ возмездья,
И смерть мерцаетъ изъ-за тучъ.

Взойдетъ заря надъ полемъ брани,
Надъ смертью солнце заблеститъ.
Не будетъ слезъ, ни воздыханій.
Заря взойдетъ надъ полемъ брани,
Христовъ улыбкой озаритъ.

Н. Капиталинская.

ПОСЛѢДНЯЯ ВОЙНА.

Свершилось! Рокъ рукой суровой
Приподнять завѣсу времянь.
Предъ нами лики жизни новой
Волнуются, какъ дикій сонъ.

Покрывъ столицы и деревни,
Взвились, бушующа, знамена.
По пажитямъ Европы древней
Идетъ послѣдняя война,

И все, о чемъ съ безплоднымъ жаромъ
Пугливо спорили вѣка,
Готова разрѣшить ударомъ
Ея желѣзная рука.

Но вслушайтесь! Въ сердцахъ стѣенныхъ
Не голосъ ли надеждъ возникъ?
Призывъ племень порабощенныхъ
Врывается въ военный крикъ.

Подъ топоть армій, громъ орудій,
Подъ ньюнора гудящій летъ,
Все то, о чемъ мы, какъ о чудѣ,
Мечтали, можетъ быть, встаетъ!

Вѣдь слишкомъ долго мы коенѣли
И длили Валтассаровъ ширь!
Пусть, пусть изъ огненной купели
Преображенный выйдетъ мѣръ!

Пусть падаетъ въ провалъ кровавый
Строенье шаткое вѣковъ, —
Въ невѣрномъ озареннѣ славы
Грядущій мѣръ да будетъ новъ!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть съ гуломъ падаютъ столбы, —
Началомъ мира и свободы
Да будетъ страшный годъ борьбы!

Валерій Брюсовъ.

ВОРОНЪ КЪ ВОРОНУ ЛЕТИТЬ.

(Баллада).

Воронъ къ ворону летить,
Воронъ ворону кричнтъ:
„Вѣщій братъ мой, гдѣ леталъ,
Гдѣ леталъ и что видалъ?“

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
„Облетѣлъ я бѣлый свѣтъ,
Покружилъ за вражьемъ станомъ,
Былъ за Вислой, былъ за Саномъ,
Ночь и день летѣлъ назадъ, —
Плохо дѣло, черный братъ!
Не запомню за столѣтъя
Я такого лихолѣтъя..

Ночью нервой налетѣлъ
Я на поле мертвыхъ тѣлъ.
Другъ и врагъ сплелся въ объятъѣ, —
То-то пиръ вороньей братьѣ!
Дѣвы, жены позади, —
Крестъ кровавый на груди.

Пусто. Вѣтеръ лишь холодный
Въ уши имъ шумить отходной...
Въ мутныхъ звѣздахъ неба твердь,
И вдвоемъ — Вильгельмъ и Смерть,
Мертвецовъ даря парадомъ, —
Другъ съ подругой, — ѣдутъ рядомъ.

Возлѣ Рейнскихъ береговъ
Помнишь замокъ Рюнггенгофъ?..
На исходѣ новой ночи
Здѣсь на мигъ смежилъ я очи.
Утромъ внемлю шумъ людей,
Крики черныхъ лебедей.
Древній замокъ нолонъ гула,
Трубныхъ звуковъ караула...
Вѣщій братъ мой и сосѣдъ,
Я узналъ людской секретъ!
Въ замкѣ узница томится,
Синеокая дѣвица,
Блѣдной ручкой рветъ цвѣты,
Въ бездну смотритъ съ высоты
Да слѣдить, какъ прудъ вскачали
Черны лебеди печали...
Много ль дѣва точитъ слезъ, —
Знаетъ только вѣрный несть ¹⁾).

Какъ безъ сна проводить ночи, —
Видятъ звѣзды. Божьи очи.

¹⁾ Великой герцогинѣ люксембургской Аделаидѣ-Марии германцами, въ концѣ концовъ, разрѣшено оставить при себѣ ея собаку и черныхъ лебедей.

А какъ вздохи глубоки, —
Слышать прусские стрѣлки,
Что шагаютъ подъ стѣнами
Съ закаленными штыками...

Третья ночь была безъ сна,
Спнь небесная ясна.
Надъ землею лился бездной
Градъ свинцовый и желѣзный.
Тяжко дымный воздухъ выль, —
Высоко я къ небу взмыль:
Бросивъ внизъ снопы-зарницы,
Тамъ стальные плыли птицы...
Ихъ неясный страненъ ликъ,
Небесамъ ихъ мерзокъ крикъ.
Крыльевъ ихъ завидя круги,
Прочь орлы летятъ въ испугѣ...
Гдѣ желѣзный грифъ летѣль, —
Груда тамъ кровавыхъ тѣль.
Любо! Гей, летимъ, товарищъ.
Пировать среди пожарницъ!..."

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
„— Я и сытъ, и время нѣтъ!
Нынче я лечу гонцомъ
Въ дальній хуторъ надъ Донцомъ.
День и ночь у хуторка
Ждетъ казачка казака.
Я на крышу прилечу,
Клювомъ въ крышу застучу:
Ой, казачка, не плошай! —
Понимай воронограб! —

Понимай воронографъ,
Больше духу припасай!
Ой, ужаленъ милый твой
Въ сердце самое пчелой.
Вспасть ему не прѣзжать,
Губъ твоихъ не цѣловать.
Земляной просторенъ гробъ.
Отпѣвалъ его не попъ, —
Буйный вѣтеръ отпѣвалъ.
Очи — я ему склевалъ...”

А. Измаиловъ.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

И не сочувствую войнѣ,
Какъ проявленью грубой силы.
Страшны досрочныя могилы
И оскорбительны вдвойнѣ.

Къ побѣдѣ красная стезя,
И скорбь на ней — исходъ конечный.
Безразумной и безсердечной
Войнѣ сочувствовать нельзя.

Но есть великая война —
Война народной обороны:
Отбросить вражьи легіоны
Встаетъ пронзенная страна.

Когда отечество въ огнѣ,
И нѣтъ воды, лей кровь, какъ воду...
Благословеніе народу!
Благословеніе войнѣ!

Игорь Свєрдянинъ.

НА НАЧИНАЮЩАГО БОГЪ.

На начинающаго Богъ!
Въщанью мудрому повѣрьте.
Кто шлетъ сосѣдямъ злыя смерти,
Тотъ самъ до стона изнемогъ.

На начинающаго Богъ!
Его твердыни стануть пылью,
И обречетъ Господь безсилью
Его, зачинщика тревогъ.

На начинающаго Богъ!
Его кулакъ въ бронѣ желѣзной.
Но разобьется онъ надъ бездной
О нашъ незыблемый чертогъ.

Федоръ Сологубъ.

18 ИЮЛЯ 1914 ГОДА.

О, Боже вѣчный, Боже правый!
Ты видишь все... Хотѣлъ престѣчь
Вражду родной Орель Двуглавый
И возвѣщаль: „вложите мечь!“

Ослѣплены самохвалами,
На слабыхъ ринулись враги,
И онъ летитъ, взмахнувъ крылами,
Туда, гдѣ слышится: „помоги!“

„Взвивайтесь, братскія знамена!
„Иду!“ — звучитъ отвѣтный кликъ.
Опять вернулось время оно,
Все ближе, ближе русскій штыкъ...

И сердце русское, ты то же
И такъ же, какъ и въ оны дни,
Съ Царемъ на подвигъ рвешься... Боже,
Царя храни!

М. Веселкова-Киллитетъ.

ВОЙНА ЗА МИРЪ.

На небѣ яркія зарницы,
Предвѣстникъ грозъ, рокошетъ громъ,
И отъ деревни до столицы
Русь встала въ вихрѣ боевомъ.
Переродилась, отрезвѣла,
Вздригнула мощная страна.
Рука и сердце ищутъ дѣла,
Душа огнемъ борьбы полна.

* * *

И вижу я полетъ орлиный,
Всѣ племена, народъ и Царь
Сплотились крѣпко въ духъ единый.
Несутъ всѣ жертвы на алтарь.
Слились сермяга и порфира
Въ стѣнахъ незыблемыхъ Кремля
И добываетъ миръ для міра
Желѣзомъ русская земля.
И силенъ, правдой вдохновенный,
Въ борьбѣ съ коварствомъ исполнивъ —
Кто побѣдитъ? Тевтонъ надменный
Иль благородный славянинъ?

* * *

Двоимъ намъ тѣсно! Не искали
И не хотѣли мы войны,
Мы для спасенья братьевъ встали,
Пошли за честь родной страны,
И грозно на защиту права
Волной поднялся весь народъ. —
Кто всталъ за правду — честь и слава,
А мечъ поднявшій — да падеть!

Влад. Гилъровский.

ВПЕРЕДЪ.

Безъ трепета — впередъ, сыны земли великой,
Съ сверкающимъ мечомъ, впередъ, на братскій зовъ!
Впередъ!.. Прислушайтесь: все громче битвы клики,
Плачь женщинъ и дѣтей съ Дунайскихъ береговъ...

Всегда крѣпки бойцы за право и отчизну,
За вѣру праотцевъ, за пядь земли родной.
И павшимъ воннамъ великой славы тризной
Да будетъ всѣхъ славянъ единство и покой!

Въ Святомъ Георгіи найдемъ оплотъ и силы!
Стекайтесь полчища безстрашныхъ росіянъ,
И сгинетъ чуднице кроваваго насилья,
Пронзенное мечомъ богатырей славянъ!..

Т. Соколовская.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

Огнемъ безмѣрнаго страданья,
Грѣздомъ невиданныхъ невгодъ
Отмѣченъ въ безднахъ мірозданья
Нашъ годъ, четырнадцатый годъ.
Сплелись зловѣщія созвѣзды
Надъ нами въ знаменьяхъ луча.
Караеть Богъ мечомъ возмездья
Обожествленіе меча.

А если тамъ, на звѣздахъ прочихъ,
Способны чувствовать, какъ мы,
И различать свѣтила ночи
Сквозь океанъ безбрежной тьмы,
То каплей крови, жуткоцвѣтной,
Чуть уловимой, чуть замѣтной,
Имъ представляется земля,
Затѣмъ, что битвою всесвѣтной
Пылають горы и поля;
Затѣмъ, что кровью въ годъ ненастный
Всѣ города напоены
И надъ землею поднять красный,
Безумный факель Сатаны.

.

Богъ Милосердный! Богъ прощенья!
Богъ человѣческой души!
Взгляни... услышь... Одно мгновенье!
Слезой единой сожалѣнья
Тотъ факель смерти потуши!

Сергѣй Копыткинъ.

ЦВѢТА ВОЙНЫ.

Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Сойдемся и ударимъ на враговъ.
Цвѣтъ бѣлый — цвѣтъ нетронутыхъ снѣговъ,
Хранящихъ жизнь во тьмѣ земного лона,
Цвѣтъ сѣверныхъ просторовъ, цвѣтъ мечты,
Цвѣтъ спящихъ силъ на днѣ души народной,
Цвѣтъ родины моей, въ мечтахъ свободной,
Цвѣтъ будущей великой полноты.
Кто вѣритъ въ русскій жребій, — юнъ и старъ
Возстанемъ противъ хищника-барона,
Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Сойдемся противъ западныхъ татаръ.
Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Сойдемся и сразимъ сверхъ-дикарей.
Цвѣтъ синій — цвѣтъ лазоревыхъ морей,
Цвѣтъ гордыхъ моряковъ, цвѣтъ Альбіона.
Онъ первый, подъ оградой синихъ водъ,
Провозгласилъ гражданскихъ правъ святыню,
Домъ гражданина онъ возвелъ въ твердыню,
Шагъ каждый — въ равновѣсіе свободъ.

Отчизну воли, разума, закона
Отъ „ярости тевтонской“ оградимъ.
Подъ бѣло-сине-красныя знамена,
Съ Британіей сойдясь, мы побѣдимъ!

Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Насъ всѣхъ зоветъ священная война.
Цвѣтъ красный — цвѣтъ румяныхъ устъ, вина,
Цвѣтъ крови, смѣха, красочности, звона.
Цвѣтъ Франціи — эдема всей земли.
Парижъ, твоихъ бульваровъ и предмѣстій
Сапогъ набѣглый „бѣлокурыхъ бестій“
На этотъ разъ не осквернитъ въ пыли.
Нева и Сена, Темза и Гаронна
Идутъ на Рейнъ послѣднею волной,
Грядетъ весь міръ послѣднею войной
Подъ бѣло-сине-красныя знамена.

И. Минскій.

УШЛИ...

Ушли... Одинъ въ углахъ знакомыхъ
У старыхъ дѣдовскихъ пконъ
Въ убогихъ избахъ и въ хоромахъ
Огонь немеркнущій зажжентъ.

Еще не кончена работа.
Не убранъ желтый хлѣбъ съ полей.
Душа болитъ... Но шепчетъ кто-то:
„Ты русская и слезъ не лей!..“

„Мы тоже провожали близкихъ,
„Крушились тоже мы о нихъ, —
„Побѣды ихъ — на обелискахъ.
„И шумъ ихъ славы не затихъ.“

„Кто палъ въ бою, кто, невредимый,
„Вернулся къ намъ подъ кровъ родной, —
„Но долгъ свершенъ былъ предъ родимой
„Святою нашею страной!..“

О, сердце женское! Ты снова,
Какъ и сто долгихъ лѣтъ назадъ,
На подвигъ скорбный свой готово:
„Иди, мой мужъ!.. Мой сынъ!.. Мой братъ!..

„Идите всѣ!“.. Ни слезъ, ни стона...
Мы отдаемъ любовь свою...
Предъ ликомъ Божиимъ — оборона
Она вамъ лучшая въ бою!..

М. Веселкова-Кильшитетъ.

СЪ ВОЙНЫ.

ВСЕНОЩНАЯ.

Закатъ спокойно тихъ... Последними лучами
Окрашены вдали зеленые лѣса,
Замолкъ бивака шумъ... Туманный дымъ клубами
За роцею тянется, отъ кухонъ, въ небеса.

За старымъ кладбищемъ построены колонны
Пѣхотнаго полка, безмолвны и строины.
Столь въ глубинѣ карре... На немъ блестятъ иконы,
И голосъ пастыря звучитъ среди тишины.

Сосредоточенно, въ торжественномъ молчаньи,
Солдаты молятся... Быть можетъ, завтра бой.
Невольно прошлаго встають воспоминанья
Здѣсь, въ тишинѣ, предъ каждою душой.

Въ безмолвыи вечера, предъ днемъ тяжелой битвы,
Подъ куполомъ небесъ, открыты все сердца.
Понятнѣй и яенѣй знакомы молитвы
Въ природы близости и близости Творца.

И мысль, въ сердцахъ сокрытую глубоко,
Молящійся душой стремится повторить:
— Храни, Благой Господь, оставшихся далеко!
Дай, Боже, мощь врага скорѣе сокрушить!

Князь Федоръ Касаткинъ-Ростовскій.

НОЧНАЯ МОЛИТВА.

(Посвящается русским воинамъ.)

I.

Когда лѣтняя ночь до разсвѣта
Убаюкаетъ степи Украйны,
На степяхъ вѣковыя могилы
Открываютъ забытыя тайны...
Свой пріютъ безмятежный оставя.
Поднимаются старыя тѣни,
И пѣвецъ между ними садится
И бандуру кладетъ на колѣни.
То не сѣрый туманъ покрываетъ
Наши степи отъ края до края, —
Это славныя, старыя тѣни,
Собираются, пѣснямъ внимая.
То не шепчетъ ковыль, наклоняясь,
И не шумъ отъ пороговъ несется, —
Это старая пѣснь бандуриста
Съ тихимъ рокотомъ струнъ раздается.
Онъ поетъ про минувшую славу,
Какъ въ плѣну погибали турецкомъ,

Онъ гремитъ о казакъ Нечаѣ
И о Байдѣ поетъ молодецкомъ...
И на каждую ночь до разсвѣта
Дивныхъ пѣсень-сказаній хватасть,
Даже самъ бандуристъ вдохновенный
Славнымъ рыцарямъ счета не знаетъ!
Гдѣ ни глянь, ихъ чернѣютъ могилы, —
Смѣлыхъ воиновъ вѣчныя хаты, —
Отъ пороговъ и Чернаго моря
До равнины, гдѣ встали Карпаты.
Гдѣ ни глянь, по Руси безпредѣльною
Тамъ ихъ кости легли не напрасно —
За свободу, за вѣру святую
И за славу отчизны прекрасной...

II.

Въ ночь побѣды подъ стѣнами Львова
Бандуриста потухшія очи
Вдохновенья огнемъ запылали,
Точно звѣзды украинской ночи.
И ударилъ онъ въ звучныя струны,
Напрягая могучія руки:
— Гей, послушайте, рыцари-друзи,
Что творятъ наши славные звуки!
Точно молнія въ тучахъ небесныхъ,
Засіяла ихъ доблесть святая,
И ведутъ они грозныя битвы,
Ни сомнѣнья, ни страха не зная!..
Задрожали Угорскія скалы,
Всколыхнулись поля и озера,

Врагъ бѣжитъ озлобленный и блѣдный
И во вѣкъ не омоетъ позора!..
Повернитесь вы всѣ, что терпѣли
За отчизну, за вѣру святую,
Повернитесь лицомъ на Карпаты
И свершите молитву ночную:
„Ой ты, Боже нашъ, Боже великій,
„Вспомни старыя раны и муки,
„Вспомни подвиги слугъ твоихъ вѣрныхъ,
„Протяни необорныя руки,
„Помоги нашимъ внукамъ-героямъ,
„Что безъ страха тамъ кровь проливають:
„Пусть враги передъ русскою силой
„Легче снѣга подъ солнцемъ растають“...
И молитва кругомъ зазвучала,
Точно дальняго грома раскаты,
И склонились всѣ славныя тѣни,
Обратившись лицомъ на Карпаты.

Ю. В. Ревякинъ.

ВЪ ИЗБѢ ЛѢСНИКА.

Я помню ночь, мы шестеро сидѣли
Въ густомъ лѣсу, въ избушкѣ лѣсника,
Кругомъ рвались австрійскія шрапнели,
И пулеметовъ трескъ звучалъ издалика.

Намъ было холодно... Фонарь, шинелью скрытый,
Бросалъ на насъ багровый лучъ пороѣ,
Былъ темень небосводъ, покровомъ тучъ закрытый,
И сычъ встревоженный кричалъ во тьмѣ лѣсной.

Бой дѣлался сильнѣй... Все ближе пролетая,
Снаряды падали, сверкая въ тьмѣ небесь,
Короткой молніей окрестность озаряя,
Рвались... И вторилъ имъ, гудя, безмолвный лѣсъ...

Склонясь въ пустомъ углу, надъ трубкой телефона,
Мы жадно слушали далекия слова:
— „Отбили“... — „Отошли“... — „Еще идетъ колонна“.
— „Патроновъ дайте“... „Держимся едва“...

То были жуткія мгновенья въ домѣ этомъ, .
А ночь была темна... минутъ тянулся рядъ.
Вдругъ, въ поздній часъ... за мигъ передъ разсвѣтомъ
У дома самаго разорвался снарядъ...

На мигъ прервались провода отвѣты,
Связь порвалась... А гдѣ-то впереди
Усилилась стрельба... Раздалась крики гдѣ-то.
И сердце замерло мучительно въ груди...

Я помню эту ночь... Кошмаръ большого бреда...
Разсвѣтъ... Туманный дождь... Избушку лѣсника.
Вновь телефонный гулъ...

И тихій звукъ: „побѣда“,
Что голосъ намъ сказалъ, едва, издалека!

Князь Федоръ Касаткинъ-Ростовскій.

В О Й Н А.

Сожженныхъ рядъ домовъ... Даль стоптанныхъ полей...
Туманный сѣрый дождь... Видъ—мрачный и суровый.
Повозки, полныя тьмой женщинъ и дѣтей,
Лохмотья и узлы оставшихся безъ крова,
И плачь, и стонъ, и выстрѣлы вдали,
И пологъ дыма сѣрый и пожарный,
И запахъ труповъ отъ земли,
Тяжелый, душный и кошмарный.
Мундиры рваные... патроны на поляхъ,
И ночь какъ день отъ зарева отсвѣта,
И радостный подъемъ волненія въ бояхъ,
И мысль о тѣхъ, чье сердце плачетъ гдѣ-то,
Кому далекихъ грусть понятна и родна,
Кто молится вдали и мучится душою.
— Тотъ ужасъ, что порой зовется красотою,
То—ты война!

Князь Федоръ Касаткинъ-Ростовскій.

ВЪ ДНИ ВОЙНЫ.

ВЪ ПОЛЕВОМЪ ЛАЗАРЕТѢ.

Ночь порветъ наболѣвшія нити.
Врядъ ли ихъ дотянуть до утра.
Я прошу объ одномъ, напишите,
Напишите три строчки, сестра.
Вотъ вамъ адресъ жены моей бѣдной.
Напишите ей нѣсколько словъ,
Что я въ руку контуженъ безвредно,
Поправляюсь и буду здоровъ.

Напишите, что мальчикъ Вову
Я цѣлую, какъ только могу,
И австрийскую каску изъ Львова
Я въ подарокъ ему берегу.

А отцу напишите отдѣльно,
Какъ прославленъ нашъ доблестный полкъ.
И что въ грудь я былъ раненъ смертельно,
Неполняя мой воинскій долгъ.

Сергѣй Копыткинъ.

БРАТСКІЯ МОГИЛЫ.

Нѣтъ, не рыдайте на этихъ могилахъ,
Слезы нарушать ихъ чуткій покой...
Въ грезахъ побѣдныхъ, огненнокрылыхъ
Дремлетъ здѣсь каждый герой.

Золотомъ осень въ лѣсу заблестала.
Дочиста сжата послѣдняя рожь.
Сердце, ты биться въ груди перестало.
Замерло, ждешь!..

Гулко бѣжить по полямъ опустѣлымъ
Эхо шаговъ изъ родимой земли, —
Это на помощь тѣмъ, славнымъ и смѣлымъ,
Новыя рати пошли.

Дышитъ весельемъ улыбка солдата,
Къ русскимъ побѣдамъ проложенъ тутъ слѣдъ.
Вѣтеръ доноситъ: „Здорово, ребята!“
— „Рады стараться!“ — отвѣтъ.

Смотрять — кругомъ никого. Лишь зарею.
Словно сіянемъ святыхъ, залиты,
Стражами встали надъ взятой землею
 Наши кресты.
Небу навстрѣчу открыли объятъ...
Плакать, рыдать здѣсь нельзя.
Грезять побѣдами павше братья, —
 Къ славъ ведетъ ихъ стезя!

М. Веселкова-Кильшитъ.

ПѢСНЬ О СМЕРТИ.

Кто стучитъ въ мое окно?
Подошелъ, — за нимъ темно.
Я подумалъ: дождикъ дробный,
Листъ засохнй, вѣтеръ злобный
Бьются въ стекла... Нѣтъ, — давно
Смерть стучитъ въ мое окно.
Я очнулся, я приникъ:
Вижу смерти бѣлый ликъ,
Слышу зовъ Россіи вѣщій,
Слышу битвы громъ зловѣщій.
Я очнулся, я приникъ...
Смерть мнѣ машеть: — „Эй, ко мнѣ!
Посмотри, — земля въ огнѣ.
Я вѣнецъ даю герою,
Царство будущее строю.
Слава праведной воинѣ,
Жизни, зрѣющей въ огнѣ!..“
— „Ты жестока и стара!“
— „Нѣтъ, я добрая сестра.
Въ этотъ часъ въ твоей отчизнѣ
Только я свѣтлѣе жизни.

Выходи за мной, пора.
Я святая, я сестра..."
Я склонился, замолчалъ.
Старый мръ безумнымъ сталъ.
Съ долгой жаждой наготовъ
Истомился онъ по крови.
Какъ я жалокъ, какъ я малъ.
Передъ часомъ, что насталъ!
Смерть, возьми меня съ собой
Въ этотъ бой, всемірный бой,
Что волнами жаркой крови
Духъ земной очистить вновъ.
Кто отступитъ предъ судьбой?
Смерть, возьми меня съ собой!

Дж. Цензоръ.

ПЕРВЫЯ ПАНИХИДЫ.

Торжественно-печальны пѣснопѣнья,
Дрожащихъ свѣчь неровенъ блѣдный свѣтъ...
О павшихъ войнахъ возносятся моленья,
Душа полна печали и смятенья.
Они ушли — ихъ больше съ нами нѣтъ!..
Они ушли въ расцвѣтѣ лѣтъ и силы.
За родину пожертвовавъ собой.
За рубежомъ ихъ братская могила
Другихъ бойцовъ на подвигъ вдохновила—
И новые ряды идутъ на бой.
Не надо слезъ! И смолкнуть пусть рыданья...
Ихъ конченъ путь и славенъ ихъ удѣлъ, —
Ихъ въ лучшій міръ, гдѣ нѣту въздыханья.
Земныхъ скорбей, печали и страданья,
Призвалъ Господь почить отъ ратныхъ дѣлъ!

Евгеній Рынковъ.

ПЛѢННЫМЪ.

Поклонъ вамъ отъ родины милой —
Туда, въ иноземную даль.
Не знайте тревоги унылой,
Забудьте тоску и печаль.

Мгновенны ненастье и бѣды.
Какъ прежде, свѣтлы небеса,
И свѣтлою пѣсней побѣды
Звенять и поля, и лѣса.

И, вызволить русскаго рады —
Того, кто случайно плѣненъ,
Спѣшать боевые отряды
Подъ сѣнью родимыхъ знаменъ...

Поклонъ вамъ отъ родины милой.
Горячею лаской полна,
Плѣненные кровныя силы
И помнить, и любить она.

Танкредъ.

ПѢСНЯ НАДЪ РУБАШКОЙ.

Выводя свою ровную строчку,
Просижу я всю ночь напролетъ,
Всю-то долгую зимнюю ночку
Сонъ усталыхъ очей не сомкнетъ.

Сердце мое надрывается,
Кровью оно обливается...
Что я могу еще дать?
Только --- плакать, молиться и ждать.

Вотъ ужъ скоро работа готова,
Ужъ немного осталось мнѣ..
Ахъ, кому ты придется, обновя,
На далекой, на страшной войнѣ?

Кто тебя, какъ подъ праздникъ, надѣпетъ,
Собираясь безтрепетно въ бой.
Или послѣ окоповъ замѣнитъ
Всю измокшую ветошь тобой?

И пойдетъ ли въ тебѣ онъ къ побѣдамъ?
Или крови горячей пятно
Навсегда несмываемымъ слѣдомъ
Въ смертный часъ обожжетъ полотно?

Кто бъ ты ни былъ, мой воинъ безвѣстный,
Но съ надеждой въ работу мою
Я съ молитвой Царицѣ Небесной
Образокъ освященный зашью.

Боже мой, Боже мой! Доживу ли?..
Но пускай тебя въ битвѣ, какъ щить,
Отъ меча и отъ вражеской пули
Мягко вымытый холстъ защититъ!

Въ немъ жаркія слезы зашиты,
Всѣ тревоги безсонныхъ ночей..
Вѣдь иной, вѣдь надежнѣй защиты
Не найти мнѣ для жизни твоей.

Вдругъ — ниспослано будетъ судьбою
Словно чудо какое-нибудь,
Вѣлый холстъ мой прикроетъ собою
Моего ненагляднаго грудь?..

Не его—не его—такъ другого!
Для него пусть другая сошьеть...
Все равно для кого — я готова
Просидѣть всю-то ночь напролетъ!

Сколько женщинъ отъ края до края
Наклоняются нынче къ шитью,

И дрожить въ нихъ душа, замирая,
О любимыхъ, далекихъ—въ бою...

Сколько молятъ въ тоскѣ безутѣшной,
Какъ и я, на великой Руси:
Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшной—
Моего дорогого спаси!

Сердце мое надрывается,
Кровью оно обливается...
Что я могу еще дать?
Только—плакать, молиться и ждать!

Т. Щепкина-Куперникъ.

ОБРАЗОКЪ.

Дорогое предвѣщанье,
Встрѣчи радостной залогъ--
Милой ручкой на прощанье
Мнѣ повѣшенъ образокъ...

Ужъ давно меня съ другими
Поѣздъ мчитъ на смертный бой,
Но мечтами дорогими
Я--съ тобой еще... съ тобой!

И надеждой, тихимъ миромъ
Вдругъ смѣняется тоска,
Чуть коснусь я подъ мундиромъ
Дорогого образка...

Шумны возгласы и рѣчи,
Звонъ оружія кругомъ...
Ближе, ближе время встрѣчи--
Боя съ бѣшенымъ врагомъ!..

Пусть кровавою волною
Бой кипитъ, суровъ, жестокъ...
Я спокоенъ: ты--со мною.
Мой завѣтный образокъ...

Вл. П. Лебедевъ.

* * *

Закружился, словно вьюга,
Грозный кличъ: война! война!
Провожая мужа-друга,
Плачетъ русская жена:

„Скоро, витязь мой желанный,
„Ты пойдешь на смертный бой.
„Богъ вѣнчаетъ славою бранной
„Тѣхъ, кто жертвуетъ собой.
„Ты пойдешь на подвигъ ратный,
„Образокъ возьми. Въ слезахъ
„Я молилась Благодатной,
„Передъ Нею склоняясь во прахъ, —
„И Владычица покровомъ
„Защититъ тебя святымъ.
„Буду ждать тебя подъ кровомъ.
„Я съ малюткою своимъ.
„Вѣковѣчной Ярославной
„Буду здѣсь я тосковать,
„Буду ждать побѣды славной.
„Буду сердцемъ друга звать“.

А надъ русскою землею
Вьется кличъ: война! война!
Смѣло рвется витязь къ бою.
Плачетъ вѣрная жена.

А. Волынцова.

СРЪТЕНЬЕ ЦАРЯ.

Народъ съ утра спѣшилъ на площадь
Къ дворцу на срѣтенье Царя.
Тѣснилась флаговъ русскихъ ронда,
Цвѣтами яркими горя.
Национальныхъ пѣснопѣний
Опять катился мощный валь.
И Александра вѣщій геній
Вѣнокъ побѣды поднималъ.

Да, не бывало у столицы
Такого утра съ давнихъ лѣтъ!
Въ подъѣздъ влетали вереницы
Автомобилей и каретъ.
Примчались сербы, намъ родные,
Быль пышенъ быстрый съѣздъ Двора.
И проходили запасные
Подъ клики дружнаго „ура“.

До полдня близко было солнцу,
Когда раздался пушекъ гулъ.
Глазами къ каждому оконцу
Народъ съ мечтою жадной лънулъ.

Изъ церкви доносилось пѣнье...
Передъ началомъ битвъ, какъ встарь,
Свершивъ великое моленье,
Къ народу тихо вышелъ Царь.

Что думалъ Онъ въ тотъ мигъ великій,
Что чувствовалъ, Державный, Онъ,
Когда восторженные клики
Неслись къ нему со всѣхъ сторонъ?
Какая сказочная сила
Была въ благихъ Его рукахъ,
Которымъ мечъ судьба вручила
На славу намъ, врагамъ на страхъ!

Какъ море въ мощный часъ прилива,
Народный хоръ не умолкалъ,
И Царь, внимая терпѣливо,
Главу отвѣтно наклонялъ.
Къ нему невидимыя нити
Изъ всѣхъ сердецъ неслись, горя...
Такъ въ незабвенный часъ событій
Свершилось срѣтенье Царя.

Сергей Городецкій.

СПАСИ, ГОСПОДИ, ЛЮДИ ТВОЯ...

Ласковый сумракъ лампы полнотной
Тихо въ глаза мнѣ глядитъ,
Словно луна въ этотъ часъ неурочный
Комнату всю серебрить.
Хочется вѣрить, чему-то молиться—
Только молиться не въ мочь...
Встать бы, предъ образомъ тихо склониться
Съ робкой мольбой въ эту ночь:
Боже! не надо мнѣ яркихъ видѣній—
Блискихъ душъ сохрани!
Съ жаркой мольбою тогда на колѣни
Встану, какъ въ прежніе дни...

А. Случевскал-Коростовецъ.

* * *

Листокъ осенній цвѣта крови
И шлю на грозныя поля—
Гдѣ гуломъ зыблется земля,
Гдѣ рвы и рѣки цвѣта крови...
Гдѣ дышать пламенной грозой
Неумолимыя орудья...
И жутко мнѣ, какъ отъ безлюдья...
И сердце полнится грозой.
Ахъ, если бѣ сердце переслать
Съ листкомъ краснѣющимъ въ конвертѣ.
Убить любовью ужасъ смерти,
Любовь и душу переслать!
Летѣть туда, гдѣ рѣки крови,
Гдѣ гуломъ зыблется земля—
Летѣть на грозныя поля
Листкомъ осеннимъ цвѣта крови!..

Яковъ Гординъ.

* * *

На безумныхъ враговъ чловѣка,
Ради братской всемірной любви,
Ополчился весь міръ —и безумцы
Захлебнутся въ невинной крови.
Грозно мчатся вездѣ другъ на друга
Тучи скованныхъ смертью людей,
Всѣ въ крови и въ дыму, и въ пожарахъ
Всѣ въ крови!
За свободу отъ страшнаго рабства
Всюду льется горячая кровь,
На развалинахъ царства безумныхъ
Навсегда воцарится любовь.

Л. Андрусонъ.

Б О Е В А Я.

Стой! Ровнѣй! Плечо къ плечу!

Чу!

Кровью воздухъ напоенъ,

Слѣва, справа—всюду стоить...

Штыкъ впередь! Шеренгу вздвой!

Въ бой!

Слышишь воющій набать?

Стонетъ гулко мѣдный адъ,

Небо—пламень: все въ крови...

Или!

Пусть легить шрапнель, звеня,

Пляшетъ смерть среди огня...

Знай, зарядовъ не жалѣй,—

Бей!

За спиною край родной

Ждетъ своихъ орловъ домой,

Побѣдите здѣсь, а тамъ—

Къ намъ!

Кто багровый тамъ стоить

И хохочетъ, и гудить?

Страшенъ смѣхъ въ такую ночь!

Прочь!

За далекимъ лѣсомъ мать
Васъ послала умирать,
Оросила васъ слезой...

Стоп!

Эй, кто живъ, постройся въ рядъ,
За снарядомъ шли снарядъ,
Цѣлься мѣтко—Богъ за насъ...

Разъ!

Як. Окуневъ.

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА.

Таящій смерть, таинственный и грозный,
Во мглѣ пучинъ ползеть желѣзный кротъ.
Онъ страшень всѣмъ—и яхтѣ граціозной,
И крейсерамъ, стальнымъ владыкамъ водъ.

Его глаза, сроднясь съ зеленой мглою,
Какъ у акуль, сверкаютъ злымъ огнемъ,
И видитъ онъ во мракѣ подъ водою,
Какъ видимъ мы, питомцы суши, днемъ.

Его шаги безшумны и зловѣщи,
Не слышитъ ихъ надводный часовой,
И въ грудь врага его стальные клещи
Куда хотятъ—ударъ направятъ свой.

И страшень онъ, какъ смерть, въ минуту гнѣва.
Царямъ морей нѣтъ силъ бороться съ нимъ:
Онъ жалитъ ихъ межъ латъ желѣзныхъ, въ чрево
Его жь укусъ ничѣмъ неисцѣлимъ.

Ударъ, огонь—и нѣтъ владыки моря!
Идетъ ко дну, закованный въ броню,
Тотъ властелинъ, кто, съ мощью молній споря,
Кто громъ танлъ, готовый вѣчно къ бою,

И пролагалъ сквозь бури смѣлый путь,
Могъ сѣять смерть и все предать огню;
Кто бить привыкъ и видѣть предъ собою
Лицо врага и вражескую грудь.

А здѣсь предъ нимъ невѣдомый и страшный
Приноситъ смерть, а самъ неуязвимъ,
Съ нимъ не сойтись открыто въ рукопашной,
Не умереть въ объятяхъ вмѣстѣ съ нимъ:

Придетъ во мглѣ, укуситъ, ядовитый,
И вновь уйдетъ въ зеленомъ мракѣ водъ,
И лишь вдали, туманами сокрытый,
Межъ гребней волнъ на мигъ одинъ всплыветъ.

Вокругъ него плывутъ, качаясь, трупы,
А онъ, борьбой и кровью опьяненъ,
Стоитъ межъ скалъ и, прячась за уступы,
Вновь жертву ждетъ, зловѣщій скорпионъ.

В. Вегеновъ.

МАРОДЕРЪ.

Голубѣютъ сумерки, и слышнть
Въ нихъ земля таинственную былъ...
Вѣтеръ сонный ласково колышетъ
Зыбко никнущій, испуганный ковыль...

Разбѣжится и, забывшись въ бѣгъ,
Набѣжитъ на жуткій слѣдъ гробницъ—
На куски изломанной телѣги
И на маски жуткихъ, мертвыхъ лицъ...

А едва лишь стануть дали хмуры
И затихнетъ у окоповъ стукъ,
Въ поле выползуть осклизлыя фигуры,
Шаля землю щупальцами рукъ...

— „Трупъ...“ Вокругъ слезящіяся кочки...
— „Есть...“ Кинжалъ врѣзается въ сукно,
Рветъ на шеѣ тонкую цѣпочку
И бросаетъ алое пятно...

СТАРЫЙ ВОПРОСЪ.

Не надо заносчивыхъ словъ,
Не надо хвальбы неумѣстной.
Предъ строемъ опасныхъ враговъ
Сомкнемся спокойно и тѣсно.

Не надо обманчивыхъ грезъ,
Не надо красивыхъ утопій:
Но Рокъ подымаетъ вопросъ:
Мы кто въ этой старой Европѣ?

Случайные гости? орда,
Пришедшая съ Камы и съ Оби,
Что яростью дышитъ всегда,
Все губить въ безмысленной злобѣ?

Иль мы—тотъ великій народъ,
Чье имя не будетъ забыто,
Чья рѣчь и понынѣ поетъ
Созвучно съ напѣвомъ санскрита?

Иль мы—тотъ народъ-часовой,
Сдержавшій напоры монголовъ,
Стоявшій одинъ подъ грозой
Въ вѣка испитаній тяжелыхъ?

Иль мы—тотъ народъ, кто обрѣлъ
Двухъ сфинксовъ на отмели невской,
Кто міру титановъ привелъ,
Какъ Пушкинъ, Толстой, Достоевскій?

Да, такъ, мы—славяне! Инымъ
Донинѣ ль нашъ родъ ненавистенъ?
.Легендой ли кажутся имъ
Слова историческихъ истинъ?

И что же! священный союзъ
Ты видишь, надменный германецъ?
Не съ нами ль свободный французъ,
Не съ нами ль свободный британецъ?

Не надо заносчивыхъ словъ,
Не надо хвальбы величавой.
Мы явимъ предъ ликомъ вѣковъ,
Въ чемъ наше народное право.

Не надо несбыточныхъ грезъ,
Не надо красивыхъ утопій.
Мы старый рѣшаемъ вопросъ:
Кто мы въ этой старой Европѣ?

Валерій Брюсовъ.

РОДИНА

СЪ НАМИ БОГЪ!

Русь! Къ рубежу твоему подошелъ
Врагъ беззастѣнчивый, смѣлый, лукавый!
Въ бой ополчайся на подвигъ кровавый!
Выше взвивайся, красавецъ двуглавый,
Мощный, побѣдный, державный орелъ!

Витязей-внуковъ безстрашная рать
Помнить, какъ шли чудо-витязи-дѣды
Съ недругомъ биться мечомъ до побѣды
Грудью впередъ, а нагрянули бѣды—
Лечь за Царя и за Русь умирать!

Смѣло навстрѣчу военныхъ тревогъ!
Духомъ не пали мы тяжелой годиною!
Дружной семьею, что стаетъ орлиной,
Встанемъ за родину всею, какъ единой,
Русь отъ врага отстоимъ! Съ нами Богъ!

Н. Б. Хвостовъ.

О РУСЫ!

Въ голодѣ, въ холодѣ—скудная, сѣрая,
Грѣшная хмельной гульбой,
Ты ль это, крѣпкая, съ силою, съ вѣрою
Нынѣ возстала на бой?
Ты ль это грозно—волной перекатною
Бросила гнѣвную рать,
О необъятная, о непонятная,
Въ пламени яркомъ заря незакатная,
Наша великая мать!...

Ты — точно море, что бездною зыбкою
Кроетъ свои жемчуга,
Ты--точно Волга, что съ кроткой улыбкою
Нѣжитъ волной берега,
Ждешь, когда вѣтры завоютъ налетные,
Ждешь половодной весны,
Чтобы явить тогда міру--несчетные
Грозно-прекрасные сны!..

...Туча надвинулась. Нивы убогія
Скрыла великая тѣнь...

Вдругъ поднимаются гордыя, строгія,
Духомъ — высокія, силою — многія
Дѣти твоихъ деревень...
Вдругъ—безъ конца, безъ предѣла, нежданная,
Деньги рѣкой потекли...
Гдѣ жъ они нищія, темныя, пьяныя
Дѣти убогой земли?

И всенародной страдою омытая —
Вся-то чиста да бѣла,
МоЩью вѣнчанная, славой повитая,
Ты свою рать повела...
Въ сѣчѣ кровавой врага ослабѣлаго
Ты погнала предъ собой...

Ты — это ты быстролетнаго, смѣлаго
Сына любимаго — кречета бѣлаго —
Слала въ подоблачный бой...
Въ мирѣ — смиренная, въ битвѣ — отважная,
Краше завѣтной мечты,
Въ бранной порфирѣ царица сермяжная —
Русь — это ты!..

Маягл.

Р У С Ь.

Мужайся, родина моя,
Великая, святая!..
Горитъ во тьмѣ зоря твоя,
Горитъ, не угасая!..

Съ тобою Богъ... Съ тобою Царь...
Съ тобою правда Божья...
Не ты ли въ мѣрѣ, какъ алтарь,
Алтарь средь бездорожья?..

Не по тебѣ ль прошелъ Христосъ
Отъ края и до края,
Алмазы чистыхъ свѣтлыхъ слезъ
На грудь твою роняя?..

Не ты ли, мудрая, какъ змій.
И кроткая, какъ голубь,
Пробьешь во мракѣ злыхъ стнхій
Таинственную прорубь?..

И брызнетъ свѣтлая струя,
Вѣщая правду Божью,
Во мракъ земного бытія,
Измученнаго ложью!..

Мужайся, Русь! Великъ твой стягъ,
Стягъ правды и свободы,
И предъ тобою дрогнетъ врагъ,
И ницъ падутъ народы!..

Мужайся, родина моя,
Великая, святая!..
Горить во тьмѣ заря твоя,
Горить, не угасая!..

Евгенія Нампѣвиченко.

S A L U T E.

Орлы Россіи, расправьте крылья!
И съ вѣрой въ Бога— скорѣй впередь!
Пронитанъ воздухъ багровою пылью, —
Святое дѣло вдали васъ ждетъ.

Впередь! Съ надеждою во мракъ вечерній, —
И пусть не выдастъ родного братья,
Сплотитесь мощно, не бойтесь терній,
Слѣдить за вами Господень взглядъ.

Орлы Россіи, расправьте крылья!
Не бойтесь черно-багровыхъ тучъ, —
И врагъ предъ вами падеть въ безсилы,
И солнце правды засвѣтитъ лучъ.

Мих. Андреевъ.

У Ш Л И.

Ушли!.. Все глуше стукъ колесъ,
И красный глазъ зажмурилъ вѣки
Подъ тихій шумъ осеннихъ слезъ
Въ родной, задумчивой просѣкъ.

Ушли... и снова та же тишь,
Стальные рельсы смотрять строго...
И ты одна, и все глядишь
Туда, куда легла дорога,

И крестишь, крестишь въ сотый разъ,
Съ молитвой въ чистомъ блескѣ взора,
Тотъ путь, гдѣ скрылся красный глазъ,
Куда ушли они такъ скоро...

Ив. Соколовъ.

НАШИМЪ ДѢТЯМЪ.

Дѣти, вы просите радостной сказки,
Той, что была такъ свѣтла...
Знайте, померкли волшебныя краски,
Сказка уже умерла.

Не одноглазый силачъ Верлюка
И не старуха-Яга,—
Съ нами сражается, зла и жестока,
Сила германца-врага.

Дѣти, забудьте героевъ любимыхъ
Вашей волшебной страны,
Подвиги воиновъ нашихъ родимыхъ
Въ сердцахъ хранить вы должны.

Помните тѣхъ, кто безъ ужаса смерти
Съ мужествомъ встрѣтилъ врага:
Дѣти, молитесь о храброе Альбертъ.
Жизнь его намъ дорога,

И сохраните въ душѣ вашей дѣтской
Память о томъ, кто въ бою
Отдалъ за Русь на чужбинѣ нѣмецкой
Юную душу свою.

Память Олега свѣтлѣйшей вашей сказки,
Той, что была такъ свѣтла...
Дѣти, померкли волшебныя краски,
Сказка уже умерла.

Татiana Бергманъ.

РАЗГОВОРЪ СЪ МИРОЛЮБЦЕМЪ.

(По Гомулицкому).

(Съ польскаго).

— Молитву ты оставь, склони на землю вѣжды;
На домъ твой врагъ напаль и грабить въ немъ добро.

— Христось Самъ палачамъ раздалъ свои одежды;
Пусть грабятъ золото мое и серебро.

— Мы на врага могли бѣ теперь напасть нежданно;
И утолить на немъ могли бы мести пыль.

— Но мстить намъ запретилъ Онъ, терніемъ Вѣнчанный,
Онъ кровью своей отъ мести насъ омыль.

— Врагъ заострилъ свой мечъ. Онъ съ тѣломъ твою душу
Загубить навсегда. Возьми копьѣ и щитъ.

— Велѣнья Господа я все же не нарушу.
Молчалъ Господь, когда оплеванъ былъ и битъ!

— Весь въ пламени твой домъ, горять твои закромы.
И полонъ воиновъ твой тихій, мирный дворъ.

— Мой скорбъ—цвѣты души. Ни молніи, ни громы
Ихъ не разрушатъ вѣкъ и не отниметь воръ...

— Ты слышишь стоны ли? Твой край изнемогаетъ.
На родину твою накинудись враги!
То плачетъ родина и сына призываетъ.

— Къ оружію, скорѣй! Господь, мнѣ помоги!.

И. Гриневская.

СОНЕТЪ ПЕТРОГРАДУ.

Не говори: „Что въ имени!“... Оно
Не только слуху легкая услада.
„Санктъ-Петербургъ“ забыть намъ суждено
Для милаго, родного Петрограда.

Всплылъ будто жемчугъ, брошенный на дно...
Лишь новый звукъ... но общая отрада.
Осенній лучъ свѣтлый глядитъ въ окно,
И ожила гранитная громада...

О, городъ скуки, сплина и чиновъ.
Какъ ты воспрять!.. У невеликихъ береговъ
Зажгла фонарь веселая наяда...

Играютъ волны рѣзвою гурьбой.
А тамъ, вдали, кипитъ кровавый бой
За мръ... за Русь, за славу Петрограда.

А. Мейснеръ.

КАЗАКИ

ВЪ СТАНИЦѢ.

Къ запруженной рѣкѣ спускаюсь косогоромъ.
Колеса тормозить тяжелый чернозѣмъ...
Мы пышные хлѣба на дняхъ уже сvezѣмъ. —
Работа начата, торопимся съ уборомъ...

Вдали безбрежна степь за лентою рѣки,
Лишь вкраплены кой-гдѣ какія-то кочевья.
Станица надъ рѣкой: фруктовыя деревья.
И бѣлые дома, и сизые дымки...

Что это? празникъ сегодня?
Люди у каждахъ воротъ.
Отперта церковь Господня,
Валомъ къ ней валить народъ...

Изъ-за садовъ переулка
Сколько сбѣжалось ребятъ...
Колоколь тяжело и гулко
Разомъ ударить въ набать...

Около той водокачки
Что-то читается вслухъ, —
Плачутъ, я вижу, казачки,
Скачетъ казакъ во весь духъ...

Лица задумчиво строги,
Замеръ подавленный крикъ...
На поворотъ дороги
Крестится дряхлый старикъ...

Всѣ говорятъ, что хорунжіи
Громко рассказывалъ тутъ,
Будто бы съ Терека, съ Сунжи
Наши полки ужъ идутъ...

Сборъ объявили сегодня, —
Къ вечеру выступить полкъ...
Отперта церковь Господня,
Благовѣсть грянулъ... и смолкъ.

Онъ замеръ, отлетѣлъ куда-то въ даль безъ грани,
Чтобъ тамъ откликнуться въ тиши другихъ станицъ
И вмѣстѣ всѣхъ сплотить, зовя на поле брани
Предъ волей Господа смиренно павшихъ ницъ...

О, мощная земля!.. мы даже этимъ сборомъ
Всѣхъ гордыхъ силъ твоихъ не вырвемъ, не свезѣмъ...
Глубоко онъ залѣгъ — твой южный чернозѣмъ,
И съверь твой дремучь своимъ извѣчнымъ боромъ...

В. Опочининъ.

НОЧЛЕГЪ КАЗАКОВЪ.

I.

Послѣ шумнаго набѣга,
У спокойныхъ водъ рѣки,
Выбравъ мѣсто для ночлега,
Стали станомъ казаки.
Спутавъ крѣпко, въ лугъ пустили
Утомившихся копей
И окрестность освѣтили
Яркимъ заревомъ огней.
И подъ небомъ необъятнымъ
На равнинѣ луговой
Мирно отдыхомъ приятнымъ
День вѣнчаютъ трудовой.
Надъ огнемъ варится ужинъ.
Дремлетъ призрачный просторъ.
Про дѣла дневныя друженъ
У казаковъ разговоръ.
Дышать рѣчи ихъ отвагой
При разсказахъ, какъ они
Разудалою ватагой
На враговъ неслись одни:

Какъ съ ордой рубилнсь цѣлой.
Быстрымъ вихремъ налетѣвъ,
Наводя атакой смѣлой
На врага и страхъ и гнѣвъ.
И печально въ чувствѣ новомъ,
Въ рѣчи дружеской своей
Поминають добрымъ словомъ
Павшихъ съ славою друзей...
Чу! вотъ пѣсню запѣвають
Молодые голоса;
Пѣснѣ льющейся внимають
И просторъ и небеса.
И звучить въ той пѣснѣ вольной
Далеко для всѣхъ сторонъ
Слава родинѣ раздольной.
Гдѣ течетъ широкій Донъ.

II.

Стихло все въ казачьемъ станѣ.
Вкругъ костры потушены,
Безмятежно спятъ въ туманѣ
Дона славные сыны.
Отъ труда почилъ сила,
И надъ ней со всѣхъ сторонъ
Ночь свой пологъ распустила.
Бережетъ казачій сонъ.
Лишь одинъ подъ кровомъ ночи
Бодръ и чутокъ часовой,
Вдаль свои вперивши очи,
Озираетъ мракъ ночной.

Неподвижна и угрюма
Спитъ равнина широка,
И идетъ за думой дума
Въ головѣ у казака.
Въ сторонѣ волною мѣрной
Блещетъ рѣчка, какъ алмазь,
И небесъ просторъ безмѣрный
Смотритъ тысячами глазъ.
Будто эти звѣзды-очи
И поля и небосклонъ
Берегутъ въ молчаньи ночи
Удалыцовъ желанный сонъ.

С. Толстовъ.

КАЗАЧЬЯ ПЬСНЯ.

Изъ-подъ кочекъ, изъ-подъ пней
Лѣзетъ врагъ оравой!
Гей, казаки, на коней
И айда за славой!

Мать, не хмурь сѣдую бровь,
Провожая сына;
Ты не плачь, моя любовь,
Зоренька-дивчина!

Ты судьбинѣ не перечь,
Не кручинься слезно;
Всѣмъ придется въ землю лечь
Рано или поздно.

Помни—срока своего
Смерть не проворонить!
А кому не срокъ—того
И въ бою не тронетъ!

На враговъ, чертямъ на зло,
Налетимъ мы бурей!
Это наше ремесло
Цѣловаться съ пулей!

Гей, зудить моя рука,
Будеть съ нѣмцемъ рубка!
Помолись за казака,
Вѣлая голубка!

Таеть, таеть сизый дымъ...
Ты прощай, станица,
Мы тебя не посраимъ,
Будемъ лихо биться!

Отшвырнемъ съ родной земли
Нѣмцевъ въ ихъ берлогу,
Даже, если бъ имъ пришли
Черти на подмогу!

Пусть придутъ... Среди гостей
Больше будетъ крику,
Потому что... и чертей
Мы возьмемъ на пику!

Гей, зудить моя рука,
Будеть съ нѣмцемъ рубка!
Помолись за казака,
Вѣлая голубка!

Н. Аглицевъ.

СТОРОЖЕВОЙ ПИКЕТЪ.

Спустилась ночь, луна сияла,
Кругомъ мѣръ Божій мирно спалъ,
На небѣ звѣздъ семья блистала,
И ангелъ смерти пролеталъ.

Подъ луннымъ свѣтомъ на полянѣ
Стоялъ пикетъ сторожевой,
Онъ вспоминалъ о вражьемъ станѣ,
О томъ, какъ шелъ вчерашній бой,
Какъ вдругъ неожиданно изъ засады
Онъ на враговъ своихъ напалъ.
Какъ истреблялъ всѣхъ безъ пощады,
Кто на пути его стоялъ.

Чу! шорохъ, вотъ мелькнула пика,
Невнятный слышенъ разговоръ,
Безшумно, тихо и безъ крика
Шелъ казаковъ ночной дозоръ.
„Шароль!“ Но нѣтъ врагу отвѣта,
Идетъ впередъ дозоръ ночной,
Блеснулъ огонь — и нѣтъ пикета,
Что вспоминалъ вчерашній бой.

Луна попрежнему сияла,
Семьею звѣздной сводъ блисталъ,
А груда тѣлъ уже лежала
На мѣстѣ, гдѣ пикетъ стоялъ...

Тихобережскій.

ГОЛОСЪ ДОНА.

Посвящаю первому георгіевскому кавалеру донскому
казаку Козьмѣ Крючкову.

I.

Утромъ рано — только тучку
Подурмянилъ свѣтъ —
Вѣстовой привезъ летучку,
Боевой пакетъ.
Вызывали атамана
На станичный сходъ,
Табунами изъ тумана
Повалилъ народъ.
Выходили изъ станицы
На зеленый лугъ,
У студеной у криницы
Становились въ кругъ.
— Поздравляю васъ съ походомъ! —
Гаркнулъ атаманъ.
Всколыхнулся надъ народомъ
Голубой туманъ,
И, какъ пыль отъ урагана,
Какъ степной огонь,
Отъ кургана до кургана
Понеслось: „На-кѡнь!“

Загудѣла вся станица,
Ахнули въ набатъ,
Сторонится вереница
Молодыхъ ребятъ,
Тутъ и гики, тутъ и крики,
Гомонъ до небесъ,
Тутъ и шашки, тутъ и пики —
Ровно темный лѣсъ;
Тотъ беретъ на изготовку,
Цѣлится шутя,
Тотъ казенную винтовку
Гладитъ, какъ дитя...
Только старый дѣдъ Данило,
Шипкинской герой,
Смотритъ строго и уныло
На казачій строй
И ворчить, кусая трубку
И глотая дымъ:
— „Эхъ, пропишутъ вонче лунку
Нашимъ молодымъ.
Раньше — дѣло было въ силѣ
Да цѣнили пылъ,
Только тѣ и выносили.
Кто при силѣ былъ;
Коли биться — тѣло въ тѣло,
У ноги — нога,
Не казачье это дѣло —
Не видать врага;
А теперь — умомъ да толкомъ.
Порохъ да свинець.
Ковырнетъ тебя осколкомъ —
И погибъ донецъ!

Миновали наши лавы
Со щетиной шикъ,
Не несетъ намъ больше славы
Нашъ казачій гикъ;
Басурмана, какъ овечку,
Не спибешь съ плеча...“
И старикъ полѣзъ на печку,
Сумрачно ворча.

.
Свечерѣло. Словно ладонь.
Плаваеъ туманъ.
Мокрымъ глазомъ глянуль на Донь
Старый атаманъ,
У околицы станицы
Придержаль коня,
Сунуль пригоршню землицы
За борть чекменя
И, тряхнувши головою
На честной народъ,
Золотою булавою
Указаль впередъ...
Огласили бабы крики
Дальше концы,
Закачались плавно шикъ
И — ушли донцы...

II.

По-надъ яромъ, по-надъ Дюпомъ
Не видать ни зги;
Тихо шепчуть по затонамъ
Заросли куги.

Спитъ казацкая станица
Грустно, какъ вдова.
Гдѣ-то мечется зарница,
Да кричитъ сова.
Землю тучей осѣнило. —
Нѣ-на-что глядѣть...
Вышелъ старый дѣдъ Даннло
Къ Дону посидѣть.
Что-то ноетъ поясица,
Да мутить въ груди.
А уснешь, — такое снится.
Что не приведи...
Сѣлъ Даннло надъ водою
На корявый пенъ.
Спуталъ руки бороною
И застылъ, какъ тѣнь...
Тихо лижутъ берегъ воды.
Ходятъ безъ слѣда.
И припомнилъ, старый, годы
Браннаго труда:
Какъ ходилъ въ чужія страны
Изъ родимыхъ мѣстъ
Добывать на тѣло раны,
На рубаху крестъ.
Видитъ, старый, чьи-то мукы,
Боевой угаръ
И протянутыя руки
Стонущихъ болгаръ.
А теперь — опять граница
Окунулась въ кровь.
И родимая станица
Опустѣла вновь:

Какъ и прежде — ратью бравой,
Заметая слѣдъ,
Казаки попли за славой...
А Данило — нѣтъ.
Не даютъ ему дороги —
Древнiя лѣта:
Слабоваты стали ноги
И рука не та...
Гдѣ ему за казаками?
Что ему война?
И развелъ старикъ руками:
— Вотъ тебѣ и на!
.
Вѣгеръ чубъ сѣдой колышетъ
У закрытыхъ глазъ...
Вдругъ Данило ясно слышитъ
Чей-то властный гласъ:
— „Эхъ, Данило! Грѣхъ мараться!
Не бѣда, не трусь:
Коли нѣту силы драться.
Такъ умри за Русь!“
Полыхнуло въ небо пламя
Гдѣ-то у куги.
Развернулось въ небѣ знамя.
И — опять ни зги...
Только гдѣ-то у затона
Колыхнулась зыбь,
Да тоскливо возлѣ Дона
Простонала вышь...
Всталъ старикъ тогда съ колоды,
Шапку набекрень,
Поглядѣлъ туда, гдѣ воды.

И пошелъ въ курень.
— „Ну-ка, мать! Разставь-ка плечи!
Разомни персты!
Доставай-ка пику съ печи
Да давай кресты!
Ну-ка, внукъ! Иди со свѣчкой!
Живо у меня!
Выноси сѣдло съ насѣчкой
Да сѣдлай коня!
Молодайка! Гдѣ нагайка?
Киверъ не забудь!
Да вина мнѣ мѣру дай-ка
На великій путь!“
Вытеръ губы атаманецъ,
Сивой бородой,
Щеку выкрасилъ румянецъ,
Вьется усъ сѣдой,
Киверъ валится на темя,
Сталь звенить въ чехлѣ...
Шевельнулъ ногою стремя
И пропалъ во мглѣ...
.
Туча небо затемнила.
Спи, старуха! Спи!
Матерой казакъ Данило
Далеко въ степи.

Владиміръ Воиновъ.

Г Е Р О И

ПАМЯТИ КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА.

Поэзія его любовью окружила,
Сознанье русское въ душѣ его зажгла
И въ руку юную на бой съ дракономъ зла
Архистратига мечъ восторженно вложила.

Съ призывомъ родины — въ ней вдохновенья сила —
Сраженій не страшна таинственная мгла,
Младого витязя судьба туда вела,
Гдѣ доблесть русская быliny воскресла.

Онъ побѣдилъ и палъ. Надъ свѣжею землею
День сѣвера ронялъ печально хлопья снѣга.
Надъ гробомъ хмурился товарищъ боевой.

Спи, витязь! Надъ тобой священный щить Олега.
Да будетъ благостень безвременный твой сонъ
Мечтой народною, краскою всѣхъ временъ!

Вл. Жуковский.

ГЕРОЯМЪ.

Подъ волнами бурной стихии,
Въ равнинахъ враждебной страны
За славу великой Россіи
Погибли вы, жертвы войны.

Васъ смерть безпощадно косила,
Сметала, врываясь, шрапнель;
Вы шли, и предъ вами свѣтила
Въ дыму лучезарная цѣль.

Сквозь залпы, сквозь адекое пламя,
Въ туманѣ кровавой дали,
Вамъ вѣяло гордое знамя
Великихъ народовъ земли.

Въ кровавомъ струящемся потѣ,
Но съ ясной надеждой въ груди
Вы знали, за что вы идете,
Вы знали, что ждетъ впереди.

Вы пали у пушекъ „Паллады“,
Въ дремучихъ Карпатскихъ лѣсахъ.
Герои не ждали награды, —
Награда ихъ ждетъ въ небесахъ.

Вашъ даръ драгоцѣненъ отчизнѣ.
И вѣрьте — изъ вашей крови
Мы встанемъ къ торжественной жизни —
Свободы, добра и любви.

В. Гутковскій.

РАДКО-ДМИТРИЕВУ.

Великая сердцу отрада:
Недавно къ намъ вѣсти дошли,
Что съ нами герой Мозенграда
Изъ дальней болгарской земли.
Блестящій на полѣ сраженья.
Онъ помнитъ славянскій завѣтъ,
Не знаетъ онъ въ сердцѣ сомнѣнья,
Въ душѣ колебанія нѣтъ.
Расправя орлиныя крылья,
За братьевъ онъ ринулся въ бой,
Нашъ вождь и отважный, и сильный,
Любимый славянскій герой.
Врагу придется не сладко,
Пришла подчитаться пора.
Да здравствуетъ Дмитріевъ-Радко!
Вождю-славянину ура!

Н. К. Савенко-Новоспаская.

МИРЪ ПАВШИМЪ.

Луна всходила надъ полемъ битвы,
Туманы звали къ сырой землѣ,
И Ангелъ Смерти творилъ молитвы,
И плакалъ кто-то въ осенней мглѣ.

Въ траншеяхъ труны лежали всюду.
Вдали, темнѣя, молчалъ курганъ,
И поле труповъ и мертвыхъ груду
Окуталъ тихо ночной туманъ...

— Миръ павшимъ въ битвѣ!—шептали травы...
Звучалъ невнятно далекій звонъ...
— Миръ павшимъ людямъ—героямъ славы!..
Пошли, Спаситель, имъ тихій сонъ!..

Кругомъ безмолвно лежались тѣни.
Блѣднѣли труны родныхъ солдатъ.
И Ангелъ тихо, склонивъ колѣни,
Ласкалъ ихъ лица, какъ нѣжный братъ...

На влажныхъ травахъ лучи сверкали.
Роса роняла алмазовъ пыль.
Кругомъ молились ночныя дали,
И плакалъ нѣжно сухой ковыль...

— Миръ павшимъ братьямъ... Васъ много пало!..
И Ангелъ тихо ронялъ слезу.
Молитвѣ небо вверху внимало,
Безъ словъ молилась земля внизу...

Вл. Краковецкій.

«ВЪ БОЮ».

(Посвящается памяти А. А. Лауница).

Онъ мимо насъ прошелъ, спокойно улыбаясь,
Съ сияющимъ лицомъ, веселый, молодой,
Привѣтливо рукой махнулъ намъ, удаляясь,
И крикнулъ: „Вотъ и я иду на этотъ бой!“
Солдаты шли, крестясь, спѣша и догоняя,
Пригорокъ ихъ намъ скрылъ... Шелъ сильный бой кругомъ,
Шрапнели сыпались, свистя и завывая,
И яркій день горѣлъ въ сяннѣ золотомъ!
Вернулся онъ чрезъ часъ иль два, не болѣ...
Качаясь, тихо къ намъ носилки поднесли,
Поставили у дома ихъ на полѣ,
И странно-грустные, смущенно отошли.
— Что? раненъ? — Кто?... съ невольною тревогой
Спросилъ одинъ изъ насъ...

Шинелью весь закрыть,
Недвижно онъ лежалъ въ какой-то позѣ строгой,
И кто-то отвѣчалъ: „Поручикъ нашъ... убить!“
И, странно, на глазахъ спокойнаго солдата
Явилась горькая блестящая слеза...

Приподняли шинель... и горькая утрата
Невольно странностью смутила намъ глаза.
— Какъ! Онъ? Что здѣсь промель такой веселый, милый,
Въ комъ была жизнь ключомъ еще вотъ здѣсь, сейчасъ,
Онъ взять теперь безжалостной могилой?
— Не можетъ быть, чтобъ онъ ушелъ отъ насъ!
И слезы шли въ глаза...

А онъ лежалъ спокойно.
Съ улыбкой тихою и кроткой на устахъ.
Перекрестились мы...

Вдали къ окнамъ стройно
Перебѣгать нашъ полкъ, среди огня, въ цѣняхъ.
И, съ нимъ сплотясь, пошли мы къ общей цѣли.
Мгновенье грусти было и прошло.
Мы двинулись впередъ... Кругомъ рвались прапелли.
А солнце въ небесахъ горѣло такъ свѣтло.

Князь Ѳедоръ Касаткинъ-Ростовскій.

ПАМЯТИ НЕСТЕРОВА.

Есть высшій смыслъ въ освобожденнѣ
Отъ предрѣшеннаго конца
И въ этомъ жертвенномъ паденнѣ
На смерть венарившаго бойца.

Пусть, ноломавъ стальные крылья,
Погибли оба летуна, —
Надъ вѣщимъ прахомъ ихъ беспилья
Живая истина ясна.

У одного былъ ястребинный,
Жестокій, медленный расчетъ,
А у другого лебединый,
Свѣтло-восторженный полетъ.

И если смерть ихъ поравняла,
То не сравниваетъ ихъ поэтъ:
У пѣсни вѣчное начало
И для поэта смерти нѣтъ.

Все такъ же царственно спокоситъ
Просторъ безмѣрно голубой,
Крылатый былъ его достоинъ
И увѣнчалъ своей судьбой.

А. Рославлевъ.

ПѢСНЬ О НЕСТЕРОВѢ.

Въ безбрежности неба, въ безкрайности ясной пустыни
Сражались лишь птицы и гибли лишь птицы донынѣ.
Такъ птицѣ подобный, полетъ свой направивъ могучій,
Унесся пилотъ легкокрылый за темныя тучи.
А тамъ, на землѣ, колыхаясь, знамена шумѣли,
И лязгали сабли, и пушки зловѣще гремѣли.
И пламенно богу войны посылали онъ молитвы;
И очи горѣли и звали и жаждали битвы...
Величіе духа въ равнинѣ обманчиво-зыбкой,
Презрѣніе смерти подъ свѣтлою солнца улыбкой...
Мольбы не напрасны. Велѣнію рока послушный.
Противникъ ужъ рѣшетъ кругами въ стихіи воздушной.
И дрогнуло сердце. Рука, какъ пружина стальная,
На руль налегла. Встрепенулась машина живая...
Чти, родина, память героя! Рѣшенье созрѣло.
Мгновенье—и врѣзался дерзко онъ въ хрупкое тѣло.
Пощады не знаетъ стихія. Побѣда наградой...
И пали противники грузной и страшной громадой...
Въ безбрежности неба, въ безкрайности ясной пустыни
Лишь птицы сражались и гибли лишь птицы донынѣ.

В. Черевковъ.

НА СМЕРТЬ ЛЕТЧИКА.

Предо мною образъ павшаго героя,
Не могу я думать ни о чемъ другомъ...
Онъ поднялся въ небо, въ небо голубое
Мощнымъ, смѣлымъ, гордымъ, пламеннымъ орломъ.

Онъ увидѣлъ: тѣнью черной, хищной птицы
Цепелинъ германцевъ надъ родной землей.
Вспыхнули отвагой зоркя зѣнцы...
Онъ взметнулся легкой, грозною стрѣлой.

И не стало въ небѣ черной, хищной тѣни...
Не вернулся больше къ родинѣ герой.
Хочется невольно преклонить колѣни
Предъ какой-то грустной, трепетной мечтой.

Г. Галина.

БѢЛАЯ ОДЕЖДА.

Въ ночь скорбей три дѣвы трехъ народовъ
До разсвѣта не смыкали вѣжды:
Для своихъ, для навшихъ въ ратномъ полѣ
Шли дѣвы бѣлыя одежды.

Первая со злобой ликовала:

„Та одежда плѣннымъ пригодится,

Шью ее отравленной иглою,

Чтобы ихъ страданьемъ насладиться!“

А вторая дѣва говорила:

„Для тебя я шью, о мой любимый!

Пусть весь миръ погибнетъ лютой смертью,

Только бѣ ты былъ Господомъ хранимый!“

И шептала тихо третья дѣва:

„Шью для всѣхъ, будь другъ онъ или ворогъ,

Если кто, страдая, умираетъ,

Не равно ль онъ жалокъ намъ и дорогъ!..“

Умилилась въ небѣ Матерь Божья,

Тѣ слова предъ Сыномъ повторила.

Третьей дѣвы бѣлую одежду

На Христовы раны положила.

„Радуйся, вопетину Воскресшии!

Скорбь Твоихъ страданій утолится, —

Нынѣ сшита кроткими руками

Чистая Христова плащаница“.

Н. Тэффи.

МАТЬ

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНЬЕ МАТЕРИ.

Мой сынъ, прости за эти слезы!
Прости, что плачу я теперь!
Вѣдь плачутъ о вѣтвяхъ березы,
О дѣтяхъ плачеть всякій звѣрь.

И какъ не плакать мнѣ, мой милый!
И какъ не плакать, не рыдать?
Гдѣ взять мнѣ твердость, гдѣ взять силы?
Вѣдь я... пойми, мой сынъ... я мать!

Мы все отдать должны отчизнѣ
Движеньемъ собственной руки,
И даже то, что краше жизни,
Хоть рвется сердце на куски.

Я отдаю тебя, я тоже...
Ступай съ врагомъ въ смертельный бой...
Ступай!.. ты жизни мнѣ дороже!
Ступай, прощай, Господь съ тобой.

И. Гриневская.

М А Т Ъ.

Сходить ночи тѣнь...
Я не знаю сна...
У дверей весь день
Провожу — одна...
Злая грусть одна
Сердце жжетъ огнемъ —
Вспоминаю я
Все о немъ... о немъ!
Здѣсь послѣдній разъ,
У родныхъ дверей.
Капли жаркихъ слезъ
Онъ отеръ скорѣй...
Оторвалъ уста
Отъ родныхъ сѣдинъ...
Жизнь блѣдна, пуста
Безъ тебя. мой сынъ!
Ты умчался вдаль
На кровавый бой, —
Но моя печаль
И мольба — съ тобой!
Не могу съ тѣхъ поръ
Отдохнуть - заснуть...

Мой печальный взоръ
Видитъ дальнйй путь...
Видитъ громъ и кровь
Средь чужихъ равнинъ, —
Но моя любовь —
На тебѣ, мой сынъ!
И незримый щитъ
Материнскихъ слезъ, —
Онъ тебя хранитъ
Отъ кровавыхъ грозъ...
И тебя обнять
Ждетъ скорбй, скорбй —
Ждетъ старушка-мать
У родныхъ дверей, —
Гдѣ, крестя на бой,
Злую скорбь тая,
Зарыдавъ, — съ тобой
Попрощалась я!..

В. Вадимова.

* * *

И четыре сына въ мукахъ родила, —
Выросли четыре горные орла.
Какъ пожаръ неожиданный, вспыхнула война,
Напоила кровью землю допьяна.
И ушли два старшихъ со своимъ полкомъ.
Плакала я горше съ каждымъ новымъ днемъ.
Плакала, молилась. Вѣсти тутъ пришли:
Оба старшихъ сына въ полѣ полегли.
Третій просить-молить: „Отпусти меня.
„Хочется погрѣться въ сѣчѣ средь огня,
„Гдѣ кружатся пули — майскіе жуки.
„Какъ ежи щетинясь, высятся штыки...“
Какъ и два другіе, не вернулся онъ. —
Ночью я слыхала похоронный звонъ...
Поутру сегодня я въ окошко глядь, —
Младшій мой собрался, видно, воевать.
Вижу, чистить сбрую, ладить онъ коня.
И несмѣло молвить: „Отпусти меня!
„Отпусти, родная, я-то ворочусь:
„Постоять охота за святую Русь.
„Вѣрь, въ кровавой битвѣ спуску я не дамъ.
„Эхъ, ужъ справлю тризну по своимъ братьямъ!

Наталія Грушко.

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ.

И повѣдала Оринуска
Миѣ печаль свою великую.

Н. А. Некрасовъ.

Тамъ и тамъ — могилы братскія,
Тамъ и тамъ — печали жгучія!
Вновь Орина, мать солдатская,
Слезы льетъ свои горючія.
Черной ночью, непривѣтною
Смотрятъ будни деревенскіе.
И печалью безпросвѣтною
Истомилась души женскія.
Съ поля жаркаго сраженія
Не приходитъ вѣсть желанная.
Что ей рѣчи утѣшенія —
Если въ сердцѣ мгла туманная?
Злыя думунки — расходятся.
Не уймутся, окаянные!
Гдѣ-то, гдѣ теперь находятся
Наши соколы желанные?
Прежней лаской не согрѣтые.
Гдѣ кормильцы тратятъ силунки?

Можетъ, даже не отпѣтые
Снять они на днѣ могилушки?
И предчувствія тяжелыя
Давять грудь безъ сожалѣнія,
Сны проходятъ невеселые
Про кнпучія сраженія.
Вотъ — лежитъ сынокъ въ полянушкѣ,
Пораскинувъ руки въ стороны,
Русокудрому Иванушкѣ
Очи выклевали вороны.
Надъ сынкомъ шумить-качается
Пожелтѣвшая рябинушка.
И средь ночи просыпается
Неутѣшная Оринушка.
Снова бѣдной представляется
Голосъ Вани... Поступь смѣлая...
Отъ рыданій колыхается
На груди рубашка бѣлая...
Тамъ, гдѣ въ сердцѣ боль всечасная.—
Сонъ не служить обороною...
И рыдаетъ мать несчастная
До утра передъ иконою.
Умъ, печалью затуманенный,
За соломинку цѣпляется:
Можетъ, живъ Ванюша раненый.
Можетъ даже — поправляется?
Можетъ, выйдя изъ сраженія,
Спитъ сыночекъ отъ усталости?
Развѣ бѣднымъ нѣтъ спасенія?
Развѣ нѣтъ у Бога жалости?
Я ль предъ Господомъ преступница
За печаль свою постылую?

Охрани его. Заступница.
Защити Своею силою!
Вѣдь въ любой *известна* мѣстности
Тяжесть горя неполинскаго! —
Хуже горькой неизвѣтности
Нѣтъ для сердца материнскаго!
Сила таетъ, словно свѣченька,
Льется пѣсня похоронная...
.....
Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная!

Ал. Дрождининъ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Что спюю, дитя, тебѣ,
Сидя у кроватки?
Цѣлый миръ теперь въ борьбѣ,
Миръ весь въ грозной схваткѣ.
Ты растешь въ суровый часъ.
Въ часъ грозы кровавой...
Врагъ надвинулся на насъ
Злобный и лукавый.
Нѣтъ! не пѣнь „баю-баю“
Спѣть хочу младенцу...
Встань! за родину свою
Встань навстрѣчу нѣмцу!

* * *

Сокрушить насъ наглый швабъ
Мысль въ душѣ лелѣеть...
Погибаетъ тотъ, кто слабъ, —
Мощный одолѣеть!
Закружился старъ и малъ
Въ страшномъ ураганѣ...

Тотъ проснулся, кто дремалъ. —
Онъ на полѣ брани!
Стану ль пѣснь „баю-баю“
Пѣть теперь младенцу?..
Встань! за родину свою
Встань навстрѣчу Нѣмцу!

* * *

Крошка ты, — но что до лѣтъ?
Тѣхъ съ тобой мы встрѣтимъ,
У кого пощады нѣтъ
Женщинамъ и дѣтямъ.
Тамъ, гдѣ, злобою горя,
Рыцетъ швабовъ стая,
Тамъ мы крови льемъ моря, —
Это кровь святая!
Нѣтъ! не пѣснь „баю-баю“
Я спою младенцу...
Встань! за родину свою
Встань навстрѣчу Нѣмцу.

Бстедиктъ.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ

СЕСТРА.

Незнакомая, чужая,
У походнаго одра
Всѣмъ близка ты, всѣмъ родная,
Милосердія сестра.
Изъ столичной ли ты знати.
Или родъ безвѣстенъ твой,—
Ты къ больной, родимой рати
Входишь ласковой сестрой.
Гдѣ отъ вражьяго порѣза
Кровь струилася ручьемъ,
Гдѣ входило въ грудь желѣзо,
Ты стоишь съ своимъ крестомъ.
Свѣта блескъ, веселья звуки
Ты сумѣла позабыть
И изнѣженные руки
Въ раны тяжкія вложить.
Породила васъ невзгода,—
И богатыхъ, и простыхъ,

Всѣ вы—дочери народа.
Всѣ вы—сестры для своихъ...
Эти раны—ваши раны,
Эта кровь—и ваша кровь.
На одинъ вы подвигъ званы,
И у всѣхъ одна любовь.
Отъ жестокаго сосѣда
Мать-Россію отобьемъ,
Будеть русская побѣда
И съ желѣзомъ, и съ крестомъ.
Незнакомая, чужая,
У походнаго одра,
Всѣмъ близка ты, всѣмъ родная,
Милосердія сестра.

II. Вильде.

СЕСТРА.

Ты ушла свѣтло и смѣло
Отъ родимыхъ мѣсть.
На твоей одеждѣ бѣлой
Рдѣеть красный крестъ.
Подъ монашеской косынкой
Строгъ лучистый взоръ.
Не тебя ли „Нѣжной Инкой“
Звали до сихъ поръ?
Ты всегда любила, Ина,
Тонкій ядъ духовъ,
Томный рокоть пианино,
Мѣрный ладъ стиховъ.
И нѣжна всегда была ты,
И мечтала вслухъ...
Какъ же ты сковала въ латы
Свой дѣвичій духъ?
И зачѣмъ убрала гладко
Золото кудрей?
И откуда эта складка
У густыхъ бровей?
И откуда рѣчи эти,
Сродныя бойцу?

Развѣ ты готова встрѣтить
Смерть лицомъ къ лицу?
Слышнншь, ласковая Ина,
Сильная въ борьбѣ:
Стонеть бранная равнина
И зоветъ къ себѣ.
Тамъ, гдѣ сизый дымъ простерла
Грозная война,
Плещуть воющія жерла
Дождь изъ чугуна;
Груды тѣль вѣнчаетъ Слава,
Кровью Смерть пьяна...
Ты спокойна, величава,—
Ты сильна, сильна!
Ты къ бойцамъ на поле брани
Сходишь съ высоты
Приложить къ смертельной ранѣ
Хрункіе персты.
Ты безъ сна у шаткихъ коекъ
Вродишь до утра,—
Всѣмъ, кто воинъ, всѣмъ, кто стоекъ,
Добрая сестра.
Что въ послѣдній мигъ шептала,
Какъ смотрѣла ты,—
Если смерть бойцу предстала
Въ образѣ мечты?
Смѣлымъ символомъ надежды
Пусть горять окрестъ
Бѣлый цвѣтъ твоей одежды
И багряный крестъ.

Дм. Цензоръ.

О—ГА А—НА.

„Называйте *сестрой*, не высочествомъ!“
И за ватой ушла, за бинтомъ...
Сынъ войны, не страдай одиночествомъ:
Тотъ, кто возлѣ нея, — подъ щитомъ.

Въ каждомъ словѣ ея — утѣшеніе,
Въ каждомъ взглядѣ — не тѣнь ли Христа!?
Взоръ — печалей людскихъ угашеніе,
А улыбка, какъ небо, чиста.

Та рука, что углями и красками
Жизнь умѣла кидать на холсты,
День и ночь занята перевязками
Вдалекѣ отъ мірской пустоты.

Лазареть... Но два міра въ немъ сближены
Въ вихрѣ бранныхъ, воинственныхъ дней...
Мудрено, если жертва отъ хижины,
Но любовь отъ палатъ мудренѣй.

А. Мейснеръ.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

И каждый день въ косынкѣ бѣлой
Она приходитъ въ лазаретъ,
Чтобы стереть рукой умѣлой
Горячей крови яркій слѣдъ.
И всё такъ ждуть ея улыбки,
Ея движенья, нѣжныхъ словъ,
И знаютъ, знаютъ безъ ошибки
Чуть слышный звукъ ея шаговъ.
Налетъ изъ крашеной бутылки
И молвить тихо:— „Не робѣй!“
А тамъ ужъ новыя носилки
Стоять угрюмо у дверей.
Вчера ихъ лица были грубы,
Сурова каждая черта,
А нынче, обнажая зубы,
Улыбка сходитъ на уста.
И всё въ отвѣтъ. И проходитъ
Среди раздавленныхъ войной.
И каждый въ ней свое находитъ.—
Забытый образъ дорогой.

И мнится, изъ деревни дальней
Къ нему пришла родная мать,
Чтобы безмолвно и печально
Его глаза поцѣловать.
И, позабывъ о жгучей боли,
Онъ засыпаетъ тихимъ сномъ.
Онъ засыпаетъ. Снится поле,
Рѣка, деревня, отчій домъ.
Она не спитъ. Другихъ разпроситъ,
Утѣшить боль глухихъ скорбей..
А тамъ еще, еще приносятъ
И ждуть угрюмо у дверей.

А. Воинъ.

АНГЛІЯ

ПѢСНЬ БРИТАНЦА.

Насъ не сломить нужда,
Не согнетъ насъ бѣда,
Рокъ капризный не властенъ надъ нами!
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Англичане не будутъ рабами!

Въ нашемъ славномъ краю
Чтутъ свободу мою,
Домъ мой—крѣпость, законы—кольчуга!
За отчизну мою
Кровь до капли пролью.
Оторвусь и отъ книгъ и отъ плуга!

Пусть тевтоновъ орда
Снаряжаетъ суда
Въ тщетной жаждѣ царить надъ морями,—
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Имъ не быть въ нашемъ царствѣ царями!

Славенъ Англии родъ.
Живъ британскій народъ:
Старъ и малъ, всѣ идутъ подъ знамена!
Гей! враги у воротъ!
Англичане, впередъ!
Отбивайте атаки тевтона!

Врагъ силенъ? Не бѣда!
Пропадетъ безъ слѣда,
Коль желаетъ господства надъ нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Англичане не будутъ рабами!

Коль не хватить солдатъ,
Старики стануть въ рядъ,
Будутъ дѣти и жены бороться!
Адвокатъ и прелать,
И бѣднякъ, и магнатъ —
Всѣ, въ комъ сердце британское бьется!

Насъ не сломить бѣда,
Не осилить орда,
Только Богъ Всемогущій надъ нами!
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Англичане не будутъ рабами!

Василій Килзевъ.

ШОТЛАНДСКАЯ ПѢСНЯ.

Пѣсня, сложенная шотландскими полками, сражающимися на франко-бельгийскомъ театрѣ войны.

(Переводъ съ англійскаго).

Пляши, коли пляшешь, Вилли,

Пляши впередъ и вспять,

Зови танцоровъ, Вилли.

Мы не устанемъ играть.

Смотри, поклонись Парижу,

Смотри, не забудь Дувень.

Откружившись въ Рижскомъ заливѣ,

Вернись на Марну и Энъ.

А только ужъ будто просто

Плясать безъ перемѣнъ?

Пляши, коли пляшешь, Вилли,

Пляши впередъ и вспять.

Зови танцоровъ, Вилли.

Мы не устанемъ играть.

Что? Распустить музыкантовъ?

Э, нѣтъ, еще не конецъ!

Пляши ужъ, разъ пляшешь. Вилли,
Пляши, несчастный глупецъ!
Пляши до одури, Вилли,
Опять, и опять, и опять, —
Пока мертвымъ не грохнешься на-земь...
Мы не устанемъ играть!

А. Д'Актиль.

БЕЛЬГИЙСКІЙ НАЦІОНАЛЬНЫЙ ГИМНЪ.

Оковы рабства вѣкового
Страхнула Бельгія, какъ мракъ,
Завоевавъ отвагой снова
Свои права и честь, и стягъ.
Рукою гордой и державной
Народъ, отвергшій зло препонъ,
Внесетъ въ скрижаль отчизны славной:
Король, свобода и законъ!

Иди рѣшительной стопою
Къ успѣхамъ доблестнымъ впередъ,
Богъ неусыпно за тобою
Слѣдить, исполненный щедротъ.
Трудись: пусть трудъ обогащаетъ
Твои обиліемъ поля
И ореоль искусствъ вѣнчаетъ
Законъ, свободу, короля!

Всѣхъ старыхъ брагьевъ сблизимъ съ нами.
Съ кѣмъ были мы разлучены.
Батавы, Бельги, ставъ друзьями,
Не жаждутъ болѣе войны.

Пусть узы братства насъ скрѣпляютъ,
Какъ миръ согласіемъ скрѣпленъ,
И тотъ же кликъ объединяетъ:
Король, свобода и законъ!

О, Бельгія, мать дорогая,
Ты намъ близка, ты будешь жить!
Мы, кровь и сердце отдавая,
Клянемся родниѣ служить!
Ты будешь мощной и прекрасной
Въ своемъ единствѣ для временъ,
Девизъ твой въ кликъ громогласномъ:
Король, свобода и законъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

БЕЛЬГИИ.

Король-Баярдъ, безъ страха и упрека,
Отмѣченный для подвига судьбой,
На грудь свою, по грозной волѣ рока,
Ты принять первый, самый страшный бой.

Король-Баярдъ, ты, чей девизъ — „свобода“,
Чей благородный духъ неустрашимъ, —
Пошелъ ты смѣло во главѣ народа,
Чтобъ до конца испить всю чашу съ нимъ.

Войны кровавой мрачная страница
Полна неожиданной, свѣтлой красоты:
Вѣдь льва любить способна только — львица,
Не разлучить ихъ царственной четы.

Опасности, отчаянье, невзгону
Она съ тобою дѣлится пополамъ.
Вѣрны вы оба своему народу,
Какъ вашъ народъ остался вѣренъ вамъ.

Въ истории безстрастныя скривали
Священныя внесутся письмена,
О томъ, какъ слово вы свое сдержали,
И какъ за то погибла вся страна.

О, если бы опять она окрѣбла,
Минувшими страданьями горда,
Какъ фениксъ, снова возрождаясь изъ пепла
Для счастья и мирнаго труда!

Молва казнитъ злодѣевъ вѣроломство,
Героевъ — ждетъ и память, и почетъ:
Тебя — Великимъ назоветъ потомство,
Елизавету — Вѣрной наречетъ.

Вы заслужили лавры вѣчной славы,
И ты, король, и твой народъ-герой:
Но плачьте, плачьте, мощныя державы,
Надъ младшею прекрасною сестрой.

За васъ она пошла въ борьбу безъ стона.
За васъ всей кровью жертвуетъ родной...
Склонитесь же съ почтеніемъ, знамена,
Предъ маленькой великою страной!..

Т. Щенкина-Кутерникъ.

БЕЛЬГИЯ.

(Сонетъ).

Страна, достойная гекзаметровъ Гомера,
Иль Данте скорбнаго святыхъ терцинъ:
Страна, гдѣ отъ поденичка до мэра
Согласны все и каждый — гражданинъ.

Твой гордый духъ, твоя въ законность вѣра
Сильнѣе мощности твоихъ машинъ,
И твердости твоей отнынѣ мѣра --
И грозный Льежъ, и жертвенный Малинъ.

Еще мятутся битвы и пожары,
Но близокъ часъ неотвратимой кары
Надъ самовластьемъ горестно-смѣшнымъ.

Ты, Бельгия, — Европы факель бѣлый,
И твой король великодушно-смѣлый
Въ такой странѣ не можетъ быть инымъ.

Ал. Рославлевъ.

БЕЛЪГИИ.

На помощь Бельгii! Скорѣй!
Она въ бою изнемогаетъ.
Задушенъ крикъ ея дѣтей, —
Пощады слабымъ врагъ не знаетъ.

Всѣ силы въ жертву принесла.
За ближнихъ смѣло грудью встала.
Она въ бою изнемогла —
Всю кровь безъ стона отдавала.

Горить и гибнетъ край родной.
Водой изъ рѣкъ залиты нивы.
Стѣна пылаетъ за стѣной.
Карнизовъ рушатся извивы.

Святые храмы, города
Разграбить врагъ съ своей ордою.
Дворцы, лачуги, — безъ слѣда
Взорвалъ, сгубилъ, сравнять съ землею.

Цвѣтуцій край... Когда ты вновь
Еще воспрянешь къ мирной жизни?
Вездѣ тѣла твоихъ сыновъ.
И мародеровъ гнусныхъ тризны...

На помощь храбрымъ! Все впередъ!
За жизнь геройскаго народа!
Страна бельгийцевъ не умретъ, —
Живъ ихъ король, законъ, свобода.

И. Тимковскій.

БЕЛЬГИЙЦАМЪ.

Въ трудахъ вы мирно жизнь вели,
Трудомъ все создали народнымъ.
И каждый клинъ родной земли
Цвѣтущимъ сталъ и плодороднымъ.
Селенья ваши, города,
Заводы, фабрики и коши,
Какъ символъ мощнаго труда,
Служили образцомъ Европѣ.
Но вдругъ вашъ трудъ нарушенъ былъ.
Вы дождались много часа:
Врагъ вашу землю затопилъ
Волною пушечнаго мяса.
И, вмѣсто трудовыхъ знаменъ,
Вы развернули боевые.
Врагъ дерзокъ, хищникъ и силенъ,
Но вы — герои огневые.
Васъ не смутилъ набѣгъ врага.
Вы дружно, какъ одинъ, возстали.
Вамъ честь отчизны дорога,
А ваша доблесть крѣпче стали.
И врагъ усилилъ подло мечь,
Позоромъ заклеяетъ отнынѣ.

Онъ позабылъ и женщинъ честь,
И уваженіе къ святынь.
Все осквернилъ безстыдно врагъ.
И вы съ надеждою одною
Рѣшились на послѣдній шагъ,
На подвигъ дорогой цѣною.
Пусть гибнуть нивы и поля,
Пусть гибнуть города, селенья...
Пускай разорена земля
Цѣной отъ варваровъ спасенья!
Плотины взорваны. Вода
Сметаетъ варваровъ отряды.
Они спастись, но куда?
Кругомъ вода — и нѣтъ пощады!
Послѣдній шагъ — девятый валъ,—
И врагъ сметенъ стихіей водной...

.
Но край цвѣтущій нынѣ сталъ
Пустыней топкой и безплодной..
Бельгійцы! Суждено вамъ знать
Не только горе и печали.
Въ страданьяхъ за отчизну-мать
Вы радость подвига узнали.
Пройдутъ года. Потомковъ судъ
Спокойно прошлое разеудить.
Благословеннымъ былъ вашъ трудъ,
А подвигъ вашъ священнымъ будетъ.

Милій Стремимъ.

АНТВЕРПЕНЪ ПАЛЪ.

Антверпенъ палъ! Изнемогая,
Въ огнѣ великаго костра
Горишь ты, Бельгія святая,
Народовъ чистая сестра.
Твои оплоты и твердыни
Превращены въ холмы рунтъ.
Святой вѣнецъ твоей гордыни
Сорвалъ безумный властелинъ.

Антверпенъ палъ! Поникъ въ борены
Стъ грозой германскихъ батарей.
Какъ поникаетъ на аренѣ
Борецъ межъ алчущихъ звѣрей.
Въ его геройскія становья,
Въ дворцы искусства и труда
Нахлынула древневѣковья
Безчеловѣчная орда.

Антверпенъ палъ! Но духъ нетлѣнный
Не обезсилить, не падеть!
Еще подѣмлетъ мечъ священный
За честь поднявшійся народъ,
И три союзныя державы,
Чьихъ силъ стремительныхъ не счесть,
Несутъ знамена браунной славы,
А на знаменахъ слово: „Мечь“!

Дмитрій Цензоръ.

УТѢШЕНІЕ БЕЛЬГИИ.

Есть въ наивныхъ предвѣщаньяхъ правда мудрая порой.
То, чему повѣрять сердце, совершитъ народъ-герой.

Вотъ Сивилла развернула книгу темную судьбы.
И прочла одну страницу въ книгѣ той гадалка Тэбъ.

Прежде, чѣмъ весна откроетъ ложе влажное долины,
Будетъ нашими войсками взятъ заносчивый Берлинъ,

И, награбленной добычей поживиться не успѣвъ,
Злой народъ, который грабить, испытаетъ Божій гнѣвъ.

О, герой, народъ бельгійскій! испытаній часъ насталъ.
Вся земля взята врагами, и Антверпенъ крѣпкій палъ.

И спѣшать къ союзнымъ ратамъ утомленные полки.
Кто измѣритъ, сколько въ душахъ славныхъ рыцарей тоски!

А въ Берлинѣ ликованье, пѣсни, смѣхъ, колокола,
И толпа опять побѣдой и пьяна, и весела.

Но, я знаю, не трепещетъ духъ Альберта короля.
Онъ свободными увидитъ скоро милая поля.

Ужъ плететь ему побѣда вѣчный лавровый вѣнецъ.
Онъ торжественно вернется въ свой разграбленный дворець.

Только правда — путь къ побѣдѣ, только вѣрность —
вѣрный щитъ.
Такъ наивность предвѣщаній, такъ и мудрость говорить.

Федоръ Сологубъ.

АНТВЕРПЕНЪ.

Пусть это время далеко,
Антверпенъ! — И за моремъ крови
Ты памятенъ мнѣ глубоко..
Рѣчной туманъ ползеть съ верховій
Широкой, какъ Нева, Эско.

И надъ спокойною рѣкой
Въ туманѣ тепломъ и глубокомъ,
Какъ взоръ фламандки молодой,
Нѣтъ счета мачтамъ, верфямъ, докамъ.
И пахнетъ снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
Въ широко стелющемся дымѣ
Ужъ якоря готовъ отдать
Тяжелый двухмачтовый стимеръ:
Ему на Конго курсъ держать...

А ты — во мглу вѣковъ глядись
Въ спокойномъ городскомъ музеѣ:
Тамъ царствуетъ Квентинъ Масспсъ;
Тамъ въ складки платья Соломен
Цвѣты изъ золота вплелись...

Но все — притворство, все — обманъ:
Взгляни наверхъ... Въ клочкѣ лазури.
Мелькающемъ черезъ туманъ,
Увидишь ты предвѣстье бури —
Кружащійся аэропланъ.

Александръ Блокъ.

ТРИ КРЕСТА.

О. Бельгія, земля святыхъ смертей!
Ты на крестѣ, но духъ твой живъ и воленъ.
И передъ нимъ — что кровь твоихъ дѣтей
И дымъ и гарь воздушныхъ колоколенъ?
На Польшу, близкую сестру, взгляни, —
Нѣтъ изумительнѣй ея удѣла:
Безумемъ пылающіе дни
Ей два креста судили: на одномъ
Ея истерзанное тѣло, —
 Душа нѣмая на другомъ.
Но сочтены часы томленья,
Господь страданій не забудеть.
Голгоѳа — ради воскресенья,
 И вѣруемъ, — да будетъ!

3. Гунніусъ.

АНТВЕРПЕНЪ.

Надъ павшимъ городомъ лежала ночь устало.
По мертвымъ улицамъ куда-то шли враги...
И въ жуткой тишинѣ стариннаго квартала
Звучали мѣрные, тяжелые шаги...

Ползли, какъ призраки, орудій вереницы.
Темнѣли въ сумракѣ ряды чужихъ солдатъ,
И молча шли войска по улицамъ столицы, —
Шли за своей судьбой, чтобъ не притти назадъ...

И конница, звеня по плитамъ тротуара,
Безмолвно двигалась куда-то на востокъ, —
Туда, гдѣ ждетъ ихъ смерть, невѣдомая кара,
И местию сторожить невѣдомый имъ Рокъ...

Кругомъ нѣмая ночь стояла тьмой упорной,
Кралась всюду смерть, вперивъ тяжелый взоръ...
И шли войска впередъ, колеблясь массой черной. —
Шли за своей судьбой на гибель и нозоръ...

Вл. Краковецкій.

Д Б Е Ж Ъ.

Когда рабы слѣпой гордыни
Свою стотысячную рать
Вели на чуждыя твердыни
Побѣдоносно умирать,
И озвѣрѣлые отряды
У непредвидѣнной черты,
Презрѣвъ опасности преграды,
Пошли стѣною на форты. —
Тогда на льежские окопы,
На этотъ жертвенный очагъ
Лицо измученной Европы
Взирало съ ужасомъ въ очахъ,
И стономъ гулкаго набата
Печальной Бельгии сыны
Встрѣчали зарево заката
Своей поруганной страны.

.
Но часъ насталь. На полѣ брани,
Подъ несмолкаемое „hoch!“
Сошлись сверкающія грани
Мечомъ разсѣченныхъ эпохъ;

И къ исторической развязкѣ,
Кровавымъ жребиемъ горды,
Пошли сверкающія маски
Цивилизованной орды.
Взвилась сигнальная ракета,
Проснулась каменная твердь,
И мимо тяжкаго лафета
Прошла невидимая смерть.
Минуты шли... Форты молчали...
Взирая грозно на луга,
Они молчаніемъ встрѣчали
Непримиримаго врага;
И только въ сумрачныя дали
Дышали черные круги,
Да тихо дула осѣдали,
Слѣдя послѣдніе шаги.
Но вотъ надъ прусскими штыками
Метнулась гулкая волна,
И золотыми языками
Одѣлась черная стѣна...
Завыли радостныя дула,
Вздохнула грозная скала
И гуломъ буйнаго разгула
Смела кровавыя тѣла...
И пали дерзкіе отряды,
Огнемъ зажатые въ тиски.
И рвали жадные снаряды
Чужіе трупы на куски:
Живое зарево заката
Одѣлось облакомъ сѣдымъ.
И слава прусскаго солдата
Подъ нимъ разсѣялась, какъ дымъ.

И пали черныя тенета,
Вѣка сжимающія міръ,
И рухнулъ глиняный кумиръ
Подъ ношей собственнаго гнета...

.
Когда же смолкнули удары,
И черный геній отлетѣлъ,
И полевые санитары
Убрали горы мертвыхъ тѣлъ, —
Тогда на льежекѣ окопы,
На этотъ доблестный очагъ,
Лицо восторженной Европы
Взглянуло съ гордостью въ очахъ:
Зане на немъ разбилась слава
Двуличныхъ „братъевъ во Христѣ“,
Что „правомъ силы“ „силу права“
Распяли нагло на крестѣ.

Владимиръ Воиновъ.

ВЕЛЬГИЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Спи, малютка, спи, младенецъ...
Я съ тобой. Усни.
Бросилъ свой кинжалъ чеченецъ
Въ наши злые дни.

Не слыхать башибузука,
И хунхузъ молчитъ,
О разбойникахъ — ни звука
Свѣтъ не говорить...

Не слыхать и объ индѣйцахъ...
Баюшки-баю...
Я тебѣ о европейцахъ
Лучше проною.

* * *

Слышишь, дѣтка, всѣхъ сзываютъ?
Слышишь адскій шумъ?
Это нѣмцы въ насъ стрѣляютъ
Пулями думъ-думъ...

Нынче небо смотреть хмуро,
И вездѣ — набатъ:
Это прусская культура
Двинула солдатъ.

Сбросить Бельгя вериги
Вражеской земли,
Въ школѣ будешь ты... А книги
Нѣмцы всѣ сожгли...

И въ странѣ героической расы,
У цвѣтущихъ селъ,
Нѣмцы выстроятъ фугасы
Вмѣсто прежнихъ школъ.

А у лѣса, на опушкѣ
Гдѣ гуляли мы, —
Зачернятъ вражьи пушки
И фасадъ тюрьмы.

Но молись — другое время
Чтобъ пришло скорѣй:
Чтобы сгибло злое племя
Наглыхъ дикарей.

Твой отецъ и дѣдъ — герои:
Ихъ запомнить врагъ —
Всѣ легли на мѣстѣ боя
За родной очагъ.

Подрастешь — и ты возьмешься
Сразу за ружье, —

Тоже съ поля не вернешься.
Дитятко мое...

Спи, ребенокъ, будь спокоенъ...
Повернись ко мнѣ...
Я горжусь, что новый воинъ
Будеть данъ странѣ...

* * *

Пусть душѣ и сердцу жутко —
Лучше будутъ дни...
Сни, младенецъ, снн. малютка,
Я съ тобой — усни.

Арк. Буховъ.

БРЮГГЕ.

Тихій Брюгге, тихій городъ
Бѣлоснѣжныхъ лебедей,
Полусонныхъ водъ зеленыхъ
И безмолвныхъ площадей!

Наклонялся ликъ Мадонны
Въ полумракѣ строгихъ нишъ,
Гладь канала отражала
Черепицы острыхъ крышъ...

Укрывала сѣнь деревьевъ
Бѣлыхъ стѣнъ святой приютъ.
Пролетали безъ печали
Тѣни свѣтлыя минутъ.

Только женщинъ чистыхъ сердцемъ
Эти стѣны стерегли:
Были чужды имъ всея нужды
И волненія земли.

Тамъ въ покоѣ проходили
Безмятежные года...

Ихъ жилище было чище
Лебединаго гнѣзда...

Плавно лебеди скользили
По зеленой глубинѣ,
Ихъ движенья отраженья
Повторяли, какъ во снѣ.

Въ часъ вечерній надъ водою
Пѣли пѣснь колокола,
Пѣснь святая, пролетая,
Миръ торжественный несла.

Городъ, сказка кружевная
Несказанной тишины,
Какъ жестоко издалека
Налетѣли злые сны!

Отразился рядъ развалинъ,
Въ тихомъ „Озерѣ любви“,
Всѣ каналы—блѣдно-алы
Отъ пожаровъ, какъ въ крови.

Надъ печальнымъ разрушеньемъ,
Опустѣвшихъ площадей,
Улетая, плачетъ стая
Бѣлоснѣжныхъ лебедей.

О, куда имъ путь направить
Изъ родимаго гнѣзда?
Дымъ и пламя надъ лѣсами
И пылаютъ города.

Рвутся ядра, свищутъ пули,
Надъ водой звучитъ набатъ...

Всюду смута — нѣтъ приюта,
Цѣлый край огнемъ объять.

Лебедей невинныхъ стая
На лету поражена...
Стонъ печальный... Кликъ прощальный...
Пѣсня смерти — вотъ она!

Стая вороновъ зловѣщихъ
Къ страшной трапезѣ своей
Тучей смѣло налетѣла
Вмѣсто бѣлыхъ лебедей!

Нивы Фландріи несчастной,
Васъ жестокой ждетъ удѣлъ:
Лебедь чистый, серебристый,
Лебедь мира — улетѣлъ!

Стая вороновъ зловѣщихъ
Грозно кличетъ: „умирай“...
Нѣтъ! Ты встанешь, ты воспрянешь,
О безсмертный, смѣлый край!

Черныхъ вороновъ кровавыхъ
Ты прогонишь навсегда
Изъ родного, изъ святого
Лебединаго гнѣзда!

И услышишь, полонъ счастья
Новой жизни, новыхъ силъ,
Шумъ священный, неизмѣнный,
Лебедныхъ мощныхъ крылъ!

Т. Щепкина-Куперникъ.

ФРАНЦІЯ

ПАРИЖУ.

I.

О, городъ вольности. плѣнительный Парижъ!
Капризно-вычурный, но полный стройной мѣры,
Такой дурманящій, влекущій, какъ гашишъ.
Всегда загадочный, какъ странныя химеры.

Твой день исполненъ бурь. Твою ночью тишь
Волнуетъ сладкій грѣхъ утонченной Венеры.
Струится твой разсвѣтъ бѣлесовато-сѣрый.
И жмутся призраки у старыхъ стѣнъ и нишъ...

Святые призраки Іоанны, Демулена
И пышнаго Гюго, и нищаго Верлена..
Бойцы и гении, и все, чѣмъ ты царишь —

Что центромъ сдѣлалось всего земного лона,—
Великій санкюлотъ, народъ Наполеона.—
Все это Франція, все ты, Парижъ!

II.

Живя стремительно, касаясь хмельныхъ чашъ
Губами жадными, веселый горожанинъ,
Гамень и гражданинъ, ученый и апашъ,—
Ты обольстительно и ярко многограненъ.

Похожа жизнь твоя на красочный миражъ.
Твой взглядъ, изнѣженный любовью, затуманенъ.
Но кликнетъ родина, и, смѣлый парижанинъ,
Ты жизнь любимую безпечно ей отдашь.

Для дерзостей мечты, не знающей преграды,
Ты рушишь прошлое и строишь баррикады.
Велить отечество — и доблестная рать

Въ походы грозные выходить спозаранокъ,
Любовницъ превративъ въ отважныхъ маркизанонокъ.
Народъ, умѣвшій жить, умѣетъ умирать!

III.

Теперь, когда кипитъ всемирная война
И гибнуть въ пламени безсильные народы,—
О, Франція, купель священная свободы,
Да будешь ты судьбой навѣкъ сохранена.

Твою исторію кровавая волна
Взметаешь къ высотъ, гдѣ лучезарны своды,
И Кля строгоя запишетъ все походы,
Тебя на вѣчныя прославивъ времена.

И никогда, Парижъ, твой гордый духъ печалѣ,
На радостный Монмартръ и на ступень Версаля
Не ступитъ Пруссія—безчеловѣчный врагъ!

Всегда свободная, подъ звуки марсельезы,
За вьющійся Маасъ, за тихія Вогезы
Неси, о Франція, побѣдоносный стягъ.

Дмитрій Цензоръ.

ПАРИЖЪ.

Пришла бѣда стопой тяжелой,
Святыни древня въ огнѣ,
Но всталъ онъ, страшный и веселый.
Въ своей испытанной бронѣ.

Надъ разоренною Шампанью
Проходить вѣяніе грозъ...
Онъ, вѣренъ славному преданью,
Преобразился и возросъ.

Безумна схватка исполиновъ,
Ожесточенна и долга,
Но вотъ, отъ стѣнъ его отхлынувъ,
Уходятъ полчища врага.

И трубы вражескаго стана
Звучать все глуше, и грозна.
Грознѣй сѣдого океана
Встаетъ народная война.

Внемлите гнѣвному Парижу!..

Онъ говорить родной землѣ:

„Я битвы новыя провижу

„И путь побѣды въ кровавой мглѣ.

„Я поздней жалости не внемлю...

„Тому я гибелью воздамъ,

„Кто дерзко топчетъ нашу землю.

„Кто мечетъ бомбы въ Notre-Dame

„Одѣтъ, какъ встарь, въ огни и въ дымы.

„Я буду мстителемъ обидѣ...“

И въ часъ невзгоды онъ стоитъ,

Какъ Франція, непобѣдимый.

Д. Коковцовъ.

РЕЙМСКОМУ СОВОРУ.

Пусть нынѣ обликъ твой печаленъ:
Пусть онъ на прежній не похожъ...
Но въ грудѣ царственныхъ развалинъ,
Священный камень, ты—живешь!!!
Путь дней твоихъ такъ будетъ дологъ...
И въ жертву будущихъ временъ
Ты каждый сохранишь осколокъ
Своихъ разрушенныхъ мадоннъ.
Стоялъ ты семь вѣковъ... Не блекла
Краса твоихъ гранитныхъ кручь,
И сквозь расписанныя стекла
Ласкалъ тебя вечерній лучъ...
Пройдутъ вѣка... Промчатся рѣки...
Ты,—чудо всѣхъ чудесъ старѣй,—
Разкажешь о двадцатомъ вѣкѣ
И назовешь его звѣрей...

А. Мейснеръ.

РЕЙМССКІЙ СОВОРЪ.

(Спихотвореніе Эдмонда Ростана).

Онъ лишь безсмертнѣй сталь благодаря врагамъ,
И мръ, любуясь имъ, съ презрѣніемъ отмѣтитъ
Слѣды презрѣнныхъ ордъ.
Пусть Фидіасъ отвѣтитъ, пусть скажетъ намъ Родэнъ.
Не живъ ли Реймскій храмъ?
Твердыня павшая ужъ не нужна войскамъ,
Но храмъ израненный любовь двойную встрѣтитъ.
Да, кровля сожжена,—тѣмъ ярче небо свѣтитъ
Сивозъ кружево камней растроганнымъ очамъ.
Спасибо варварамъ: они французамъ дали
То, чѣмъ Эллады край одинъ былъ освященъ. —
Нетлѣнной красоты разбитыя скрижали.
Хвала губителямъ! Насилье—имъ законъ,
Имъ пушки—божество. И вотъ они создали
Себѣ въ вѣкахъ позоръ, намъ—вѣчный Пароенонтъ.

Перевелъ *Н. Минскій*.

ГИВНУЩАЯ СВЯТЫНЯ.

(Къ бомбардировкѣ Реймскаго собора германцами).

Старикъ, подъ куполомъ твоей священной сѣни,
Предъ славной памятью твоихъ далекихъ дней, —
Мечталъ я пламенно склониться на колѣни
Въ тиши молитвенной соборныхъ галлерей...

Мнѣ часто грезилось: органные напѣвы,
Огни лампадные, твой золотой алтарь,
Черты Спасителя, и ликъ Пречистой Дѣвы.
И сонмы ангеловъ, и псалмопѣвецъ-царь...

Я ждалъ, надѣялся... Но проходили годы. —
Мечта завѣтная такъ и была мечтой...
А грозы грянули, и вихри непогоды
Со всей ихъ силою вскипѣли надъ тобой!..

Явились полчища, и, въ громъ канонады,
Со стономъ колоколь поверженъ съ высоты,
И камни падаютъ, и рушатся аркады,
И гибнуть цѣнности высокой красоты...

И слезы некрятся въ святыхъ очахъ Мадонны,
И Богъ страдающій, распятый на крестѣ,
Скорбитъ, что пограны имъ данные законы.
Что людъ озлобленный томится въ темнотѣ...

.....

А ты все рушишься, спокойно величавый,
Вѣнчавшій царствовать французскихъ королей,
Священный памятникъ, во дни войны кровавой
Отсюду сдавленный толною дикарей...

.....

Приди же, Франція, какъ къ сыну дорогому,—
Къ собору древнему—онъ въ ранахъ изнемогъ.
Закрой глаза ему, разбитому, больному,
Прими молитвенно его послѣдній вздохъ.

Н. Архангельскій.

РАЗРУШЕНИЕ РЕЙМСКОГО СОВОРА.

(Сонетъ).

Когда на башни Реймскаго собора
Желѣзный падалъ дождь и рушилъ ихъ.
Въ дыму и пламени земного спора
Шель споръ извѣчный воинствъ неземныхъ.

Взирали ангелы, полны укора,
На демоновъ, чей богохульный стихъ
Вѣнчалъ хвалою зачинщниковъ раздора,
Виновника безумій міровыхъ.

Вопили камни, низвергаясь, грозно,
И то, что было въ созиданьи розно,
Единой грудью ждало: что Творецъ?

И Онъ судилъ спокойно и сурово,
И къ ангеламъ Его слетѣло слово,
Вѣщавшее Германіи: конецъ.

Александръ Рославлевъ.

СОБОРЪ БОГОМАТЕРИ.

Не тронь, гордецъ, святыхъ витражей.
Чугунъ на куполь не мечи,—
Тамъ ангелы—незримой стражей.
Подъ каждой аркой ихъ мечи.
Мадонны храмъ восьмивѣковъ
Рукою дерзкою не тронь,
На алтарь, Атилла новый,
Не погашай ея огонь!
Ужель въ твоей душѣ тевтона
Не пробуждаетъ ничего
Ни свѣтлоглазая Мадонна,
Ни древнѣй камень, ни Гюго?
Ужель къ созданьямъ вѣчнымъ духа,
Къ тому, что вѣетъ красотой,
Твое скупое сердце глухо
Подъ гогенцоллернской броней?

А. Липецкѣй.

РЕЙМССКІЙ ЗВОНАРЬ ¹⁾.

При реймскомъ соборѣ я — старый звонарь.
Всю жизнь прозвонилъ я, — бимъ-бомъ!
Ребенкомъ сюда поднимался я встарь, —
Соборъ, это — храмъ мой и домъ.

Широко глаза мои смотрять, — бимъ-бомъ!
Но тьма въ нихъ и въ солнечный день.
Зато я здѣсь съ каждой плитою знакомъ
И каждую знаю ступень.

Привычная сразу находить рука
Засовы желѣзныхъ дверей.
Надъ мѣдью ревущей работа легка. —
Нащупай веревку и бей!

Такъ, въ небо съ земли высоко взнесены,
Стоимъ и гудимъ мы, — динь-донть!
Слѣпому — и бискупъ, и нищій равны;
И всѣмъ одинаковъ поклонъ.

¹⁾ Во время разгрома Реймса старый звонарь билъ въ колоколъ до тѣхъ поръ, пока подъ бомбами не рухнула башня вмѣстѣ съ нимъ.

И звонницу, всю на желѣзныхъ связяхъ, —
Удѣль мой и жизни купель, —
Люблю я, какъ келію любить монахъ,
Ребенокъ — свою колыбель.

* * *

Спать старый соборъ, гдѣ клялись короли,
Надъ Реймсомъ мерцають огни,
И въ гулъ не слышны ни трепеть земли,
Ни звуки святыхъ литаній...

И общую колоколь думу гудеть:
„Какъ стары мы оба, — бимъ-бомъ!
„Какъ стары мы оба! Какъ скоро пробьеть
„Послѣдній ударъ предъ концомъ!..“

...Чтобъ вѣтеръ монахъ не разсыпаль костей.
Держась за перила, иду.
Никто не приноситъ слѣпому вѣстей, —
Но чую надъ Реймсомъ бѣду!..

Ужъ мѣсяцъ, какъ стонеть пѣвучая мѣдь,
И скрѣпы гудятъ въ вышинѣ.
Не хочетъ ли колоколь смерть прогремѣть...
Кому же, — себѣ или мнѣ?

* * *

Бимъ-бомъ! Исполать тебѣ, старый мой другъ, —
Я понялъ твой вѣщій языкъ:
— „За Реймсомъ все залито кровью вокругъ,
„И врагъ безпощаденъ и дикъ.

„Во Франци милой пожаръ и разгромъ.
„Вставай же! За сиротъ и вдовъ
„Мы мѣдное бросимъ проклятье, — бимъ-бомъ!
Насильнику въ роды родовъ...“

Я съ вами, и вплоть до доски гробовой
Я — вапъ гренадеръ на посту!..
И въ первый я разъ поднимусь, какъ слѣпой,
Хватая рукой пустоту.

Изъ мѣдныхъ я грудей исторгну хораль,
Гремящимъ орудіямъ въ ладъ, —
Я радость святыхъ воскресеній вѣщаль,
Такъ я же забуду и въ набатъ.

* * *

Пусть бьются гранаты въ коцунствѣ слѣпомъ
О мраморно-кружевный храмъ, —
Съ рыданіемъ мѣднымъ, сквозь пушечный громъ,
Мы будемъ кричать къ небесамъ:

„Проклятіе тѣмъ, къмъ сердца матерей
„Отнынѣ навѣкъ пронзены!
„Проклятье возрастившимъ средь бѣлыхъ лнлей
„Кровавые маки войны!..“

Изъ силъ выбиваясь, я буду гремять:
„Собору и Реймсу конецъ!“
И вмѣстѣ со мною о звучную мѣду
Ударить прапнели свинець.

И колоколъ вззоетъ, какъ раненый левъ,
И башни, стена, задрожатъ.
Въ послѣдний день Реймса, разинувши зѣвъ.
На землю обрушится адъ.

...Я понялъ, я понялъ нѣмой разговоръ, —
Ну, что жъ. умирать, такъ умремъ!
Пусть дѣтямъ разскажутъ, какъ старый соборъ
Со старымъ погибъ звонаремъ...

А. Измайловъ.

В Р А Г И

(ГЕРМАНИЯ)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВТОРОЙ.

Онъ долго угрожалъ, безумно смѣлъ,
Бренча мечомъ, онъ вызвалъ бурю мщенья.
Вокругъ своей страны сковать сумѣлъ
Вильгельмъ кольцо холоднаго презрѣнья.

На землю падаетъ кровавый дождь,
И многихъ рѣкъ отъ крови темны воды.
Жестокость и разбой! Безумный вождь!
На что же онъ ведетъ свои народы?

Въ неправедно имъ начатой войнѣ
Ему мечтается какая слава?
Что обѣщаетъ онъ своей странѣ?
Какая цѣль? Парижъ или Варшава?

Для прусскихъ юнкеровъ земля славянъ,
И для германскихъ фабрикантовъ рынки?
Нѣтъ, близокъ часъ,—и онъ, отъ крови пьянъ,
Своей имперіи свершитъ поминки.

Федоръ Сологубъ.

ТЕВТОНУ.

Есть гловный судъ онъ ждетъ...

М. Ю. Лермонтовъ.

Померкла слава Герострата. —
Ты превзошелъ ее, тевтонъ!
Кровавымъ заревомъ заката
Мохнатый шагъ твой освѣщенъ.
Бряцаая саблей, шумнымъ крикомъ
Ты мнишь вселить повсюду страхъ...
Ты вышелъ въ опьянѣнны дикомъ.
Какъ волкъ, скитавшійся въ лѣсахъ.
Твое дыханье вѣетъ смрадомъ.
Твой путь по трупамъ — черный путь.
Ну, что жъ, ликуй въ союзѣ съ адомъ.
И спи, коль можешь ты уснуть!
Есть грозный судъ... Кто мечъ неправый
Подниметь — гибнетъ отъ меча...
И ты пойдешь съ позорной славой
На судъ, свой жалкій мечъ влача.
Руины Реймскаго собора...
Антверпенъ... другъ наукъ Лувенъ...

Тевтонъ, какого жъ приговора
Ты ждешь съ развалинъ этихъ стѣнъ?..
Съ клеймомъ отверженца, съ нѣмою
Печатью смерти на челѣ
Пройдешь ты мертвою тропою
По обездоленной землѣ.
Пусть каждый шагъ, тобой пройденный,
Тебѣ несетъ все тотъ же стонъ:
„Ступай отъ насъ, во тьмѣ рожденный
И тьмою вскормленный тевтонъ!“

В. Умановъ-Каплуновскій.

ВИДѢНІЕ КАЙЗЕРА.

Ему не спится. Во мракѣ ночи
Онъ ждетъ забвенья отъ тревогъ.
Но сна послать ему не хочетъ
„Германскій добрый старый Богъ“.
Не спитъ безумецъ сухорукий.
Онъ къ ложу жаркому приникъ,
Онъ слышитъ битвы дальней звуки.
Онъ слышитъ чей-то страшный крикъ.
Тотъ стонъ идетъ на цѣломъ свѣтѣ.
Изъ разныхъ странъ, со всѣхъ морей:
Кричатъ обманутыя дѣти
У овдовѣвшихъ матерей.
Шлютъ императору проклятья
Невѣсты, матери, отцы.
Сцѣпившись въ смертныя объятя.
Кричатъ солдаты—мертвецы.
Надъ непломъ прусскаго позора
Въ краю, гдѣ тѣшился тевтонъ,
Съ развалинъ Реймскаго собора
Гудитъ зловѣщій перезвогъ.

А через кровь и лязгъ желѣза,
Сквозь трескъ германскаго костра
Звучить все ближе марсельса,
Грохочетъ русское ура.
Рычить голоднѣй людъ рабочій.
Встааетъ обманутый Берлинъ.

.
Онъ не уснетъ до поздней ночи,
Кровавый прусскій властелинъ.

Сергей Копыткинъ.

* * *

Подъ гнетомъ проклятій, при громахъ войны
Не вѣдаетъ кайзеръ покоя!
Преслѣдуютъ душу тревожные сны
Въ тиши и средь грохота боя...

Отъ запада призракъ грозящій встаетъ —
Съ нимъ слава побѣдъ и свободы...
Французскій орелъ горделиво впередъ
Летитъ, какъ въ минувшіе годы!

Вождя-императора грозная тѣнь
Среди ихъ побѣднаго стана...
И кайзера меркнетъ ликующій день.
И никнутъ знамена Седана...

Свои легіоны царица морей
Метнула изъ сѣрыхъ тумановъ...
Фаланги могучихъ летятъ кораблей
На гибель всемірныхъ тирановъ...

13*

Надъ Нѣманомъ русскій орелъ прокричалъ,
Имъ путь преграждая съ востока...
Другой здѣсь, сильнѣйшій, когда-то стоялъ —
И палъ по велѣнью рока.

И ужасъ, и гибель несутся во слѣдъ
Кровавымъ твоимъ легіонамъ...
Прикована слава великихъ побѣдъ
Къ священнымъ славянскимъ знаменамъ.

И съ ужасомъ жалкимъ на тускломъ лицѣ
Ты склонишь покорно знамена.
И ждетъ тебя въ огненномъ страшномъ кольцѣ
Презрѣнная смерть скорпіона.

Ф. Е. Заринъ-Несвицкій.

О ЧЕМЪ ПѢЛА ФЛЕЙТА.

Германцы на улицахъ разгромленнаго Антверпена устраиваютъ военные концерты.

(Изъ газетъ).

Играйте маршъ! Но самый бурный,
Такой, чтобъ топотъ конскихъ ногъ
Съ его прелюдией бравурной
Нигдѣ соперничать не могли!
Играйте маршъ! Но полный гнѣва,
Такой, чтобъ слышать не могли.
Какъ стонетъ женщина вль дѣва
Надъ тѣломъ, брошеннымъ въ пыли!
Играйте маршъ! Но маршъ побѣдный,
Чтобъ заглушить со всѣхъ сторонъ
Призывъ рокочущій и мѣдный.
Напѣвы жуткихъ похоронъ!..
Чтобъ дикій хохотъ сумасшедшихъ
И тѣхъ, кто вынужденъ страдать,
Вѣкамъ грядущимъ о прошедшихъ
Не могъ свой ужасъ передать!
И грянулъ маршъ!.. Гремѣли трубы,
Билъ барабанъ, ревѣлъ гобой!

И въ кровь окрашенныя губы
Смѣялись громко надъ судьбой!
Играйте марши! Всю мощь излейте!
Отваги—въ робкія сердца!
Но, чу!.. Вы слышите?.. На флейтѣ
Рыдаетъ кто-то безъ конца..
Флейтистъ! Безумецъ!.. Флейта стонетъ,
Рыдаетъ флейта среди трубъ!
Твоя мелодія не тронетъ
Того, кто дикъ, того, кто грубъ!
А ты заплатишь головою
За то, что въ этотъ страшный часъ
Огонь, твоей душой живою
Всегда владѣвший, не погасъ!
Но флейта въ звукахъ изливала
И скорбь, и жалость, и привѣтъ,
И на вопросъ души давала
Свой сострадающій отвѣтъ:
О всѣхъ, кто плачетъ въ эти ночи.
О всѣхъ, кто страждетъ въ эти дни.
О нѣжной дѣвушкѣ, чьи очи,
Смѣясь, позорили они!..
О томъ, что сладкаго возмездья
Наступятъ скоро времена,
О томъ, что кроткія созвѣзды
Увидитъ бѣдная страна!
...И, какъ ни силится литавры
Разбить мелодію тоски. —
Сама судьба вилетала въ лавры
Печальныхъ леплѣй лепестки!..

Донъ-Аминадо.

* * *

Вы можете разрушить башни
И осквернить святой соборъ,
Вы можете спалить всё нашии
И заповѣдный, старый боръ.

Въ дыму дворцовъ и библиотекъ
Спокойно и легко дышать,
Метнувъ въ Мадонну дерзкій дротикъ,
Не вскрикнуть, не затрепетать.

Позоръ вонтеля Омара
Предъ вашимъ нынѣшнимъ—ничто.
Средь стона жертвъ, въ огнѣ пожара—
Одно безумье разлито.

Пенелелайте, грабьте, жгите!
Презрѣнье вамъ отвѣтъ,—не страхъ.
Съ небесъ невидимыя нити
Возстановляютъ надшій прахъ.

И мраку косности тлетворной
Не затемнить на зло вѣкамъ
Свободный и нерукотворный
Сердцами строящійся храмъ!

М. Кузминъ.

ЗАБЫТЫЙ.

Нѣмецкія сестры милосердія
добиваютъ раненыхъ на поляхъ
битвы.

(«Matin»).

Луна чернить
Ночную тѣнь
И серебрить
Лѣсную сѣнь.
Луна шевелить
Груды тучъ
И стеблемъ стелеть.
Сонный лучъ.
Не шелохнетъ
Рѣчная зыбь.
Свой стелеть летъ
Надъ нею вынь.

По горамъ и по равнинамъ
Видишь груды тѣлъ простертыхъ?
Видишь павшихъ въ гнѣвѣ львиномъ?
Раненыхъ и мертвыхъ?

Бѣлы уста,
Темны глаза,
Но въ нихъ чиста
Горитъ слеза.
Взоръ, полный муки.
Глядится въ ночь.

И молятъ руки
Луну помочь!
Но--въ облакахъ
Лучи луны.
Мольба и страхъ
Имъ не видны!
И нѣтъ помощи,
И въ забыты...
Вдаль но дорогѣ
Ушли свои.

Чу, я слышу шелестъ острый,
Шелестъ ряски, шелестъ звонкій
Вонъ идутъ на помощь сестры,
Добрыя тевтонки.

Увидя ихъ,
Умолюсь сосѣдъ,
И съ нимъ затихъ
Немолчный бредъ.
Другой отъ счастья
Кричатъ навзрыдъ.
О, рай участья
Для всѣхъ открыть!
Все ближе шагъ,
Но страшно мнѣ.
Нѣтъ, вашихъ благъ
Не надо мнѣ!

Я знаю, что имъ кровь отерло
Моимъ соратникамъ окрестъ!
И не хочу княжала въ горло,
Чтобъ краснымъ сталъ вашъ черный крестъ!

Потемкинъ.

И видѣлъ я: въ плѣну, въ тоскѣ,
Въ тюрьмѣ враждебной изнывая,
Тамъ въ каждомъ каменномъ мѣшкѣ
Заклучена душа родная.

И часовой—сталь человекъ.
Мнѣ стало стыдно и неловко;
И ночь текла, и надалѣ снѣгъ—
И бросилъ я свою винтовку.

Да, въ караулѣ были мы—
Когда передъ тюрьмою спящей
Мою винтовку у тюрьмы,
Одну—нашелъ мой разводящій.

Танкредъ.

ВЪ МОЛИТВѢ.

«Императоръ Вильгельмъ большую часть своихъ досуговъ проводитъ въ молитвѣ».

Упорно и жарко молитва звучала:

„Побѣду пошли“... „Отче нашъ“...
Но мѣдная каска молиться мѣшала,
И путался длинный палашъ.

„Побѣду пошли намъ“... „Пройду ураганомъ“...
„О, Господи Боже, внемли“...
И тщетно онъ тычетъ о землю султаномъ,
Никакъ не достать до земли.

И звякають шпоры, желѣзные шпоры.
Совсѣмъ не молитвенный звонъ, —
Какъ будто бы въ Калишъ, свирѣпою сворою,
Нѣмецкій идетъ эскадронъ.

„Пошли намъ“... И снова онъ сталъ на колѣни.
Увы, — передъ Богомъ любви
Стоять впереди его блѣдныя тѣни:
Все люди... все люди... въ крови.

Вонъ женщины, дѣти. И скорбны ихъ лики,
И, — падаетъ сердце въ груди, —
Звучить ихъ молитва: „Спаситель Великій,
Спаситель Великій!.. Суди!..“

Танкредъ.

ЮМОРЪ И САТИРА

ПОДЪ ПОЛУМЪСЯЦЕМЪ БОСФОРА.

Въ хаосѣ общаго раздора
Ища спасительной звѣзды.
Подъ полумѣсяцемъ Босфора
Встають лѣнныя орды.

Прогресса золотыя узы
Отвѣдалъ воинъ-янычаръ.
Надѣвъ германскія рейтузы
Взамѣнъ турецкихъ шароваръ.

Когда-то жизнь текла безъ риска
Тамъ... въ царствѣ нѣги и тиши,
И танцевала одалиска
Въ гаремѣ сытаго паши.

А нынѣ, сынъ много свѣта,
Спитъ онъ, съ думой на челѣ...
Во рту — кальянь. въ рукахъ — газета.
Душистый кофе на столѣ.

Въ раздумьи хмуромъ повторяя:
„Французъ... бельгеецъ... бриттъ и россъ...“—
Онъ все рѣшалъ, не разрѣшая,
Свой политическій вопросъ.

Вдругъ молвилъ: „Перестрою землю...
„Урокъ нѣмецкій повторяю...
„Исламъ я даже овильгельмлю,
„Но четверть міра покорю!“

А. Мейснеръ.

ВЪ БЕРЛИНѢ.

Притихъ весь Дворъ... Самъ кайзеръ хмурый
Ходить по комнатамъ понурый,
Губы не сходилъ съ его лица...
— Что жъ о побѣдахъ нѣтъ гонца?

Но вдругъ возникшій было ропотъ
Прервалъ поспѣшный, громкій топотъ,
Сверкнулъ на солнцѣ аксельбантъ.
И появился адъютантъ.

— Побѣды есть?..—Онѣ громадны...
Съ врагомъ мы были безпощадны!
Стронтивыхъ уложили въ гробъ:
Разстрѣляны мальчишки, попъ

Да нѣсколько больныхъ туристовъ.—
Въ солдатахъ нашихъ нылъ неистовъ!
— А плѣнныхъ много есть?...— О, да!
Ихъ масса—цѣлая стада,

Притомъ отборнѣйшаго сорта,
Мы брали съ каждаго курорта:
Купцы, князья, профессора,
И съ ними вся ихъ дѣтвора...

Вели атаку всюду быстро,
Забрали даже и министра!
— Трофеи есть?..—Забралъ дозоръ
Одинъ у доктора моторъ!..

И, потрясая мощной шпагой,
Съ веселой доблестной отвагой
Въ честь войскъ воскликнулъ кайзеръ: „Noch!“
А эхо повторило: охъ...

Мистикъ.

СЕРЕНАДА.

Въ утѣшеніе дружинѣ,
Плотью бодрѣ и духомъ смѣлѣ,
Серенату герцогинѣ
Люксембургской кайзерѣ пѣлѣ:
„Герцогиня! Вы прекрасны,
Какъ цвѣты весеннихъ дней,
Но зачѣмъ же такъ опасны
Вы для армии моей?
Но зачѣмъ со мною союза
Не хотѣли заключить
И коварнаго француза
Не пошли со мною бить?
Шутка ль, вы своимъ моторомъ,
Дерзко ставши на пути
Предъ лихимъ моимъ напоромъ,
Намъ мѣшали къ вамъ войти!
Да и ваши волонтеры
(Цѣлыхъ двѣсти пятьдесятъ!!!)
Намъ хлопотъ надѣлать горы
Въ злобѣ дерзостной грозятъ!..

За такія преступленья,
Цѣлость войскъ моихъ храня,
Васъ я ввергнуть въ заточенье
Долженъ съ нынѣшняго дня!..
Да-съ! Довольно! Нагулялись,
Маршъ же въ замокъ подъ замокъ!..
Deutschland, Deutschland über Alles, —
Бойся, Западъ и Востокъ!“

П. Г.

УЧЕНАЯ АРМІЯ.

Нѣмецкіе университеты продолжаютъ подносить генераламъ ученыя степени.

(Изъ газетъ).

Надъ нѣмецкою арміей
Разразился недугъ:
Стало тѣсно въ казармѣ ей
Отъ ученыхъ заслугъ.
Всѣ нѣмецкіе воины
Получили дипломъ
И наградъ удостоены
Факультетскимъ судомъ.
За дѣла молодецкія
Весь ученый конклавъ
Далъ права факультетскія
Генералу Пифъ-Пафъ.
Кандидатъ богословія
Сталъ майоръ фонъ-деръ-Битъ.
И, теряя здоровье,
Катехизисъ долбитъ.
Лейтенанту фонъ-Фрессеру
За бельгійскій погромъ

Поднесли, какъ профессору,
Философскій дипломъ.
Трехъ сестеръ милосердія,
Добивавшихъ враговъ,
Возвели за усердіе
Въ санъ профессорскихъ вдовъ.
Сталъ соперникомъ Бебеля
Барабанщикъ Густавъ,
А четыре фельдфебеля
Кандидатами правъ.
Даже сиваго мерина
Лейтенанта фонъ-Бломъ
Наградили увѣренно
Факультетскимъ значкомъ;
А любимаго пуделя
Генерала фонъ-Шпруделя,
Много знавшаго штукъ,
Гордо назвали „Гекторомъ“
И назначили лекторомъ
Соціальныхъ наукъ...

Wege.

БАСЕНКА.

На полѣ битвы трупы обирая,
Австрійскій мародеръ
Столкнулся съ мародеромъ прусскимъ
И, наклонясь надо мертвымъ русскимъ,
Сказалъ товарищу: „Работа здѣсь большая,
Но я на то и воръ,
Чтобы обстричь до нитки быстро, ловко.
На все, мой другъ, нужна сноровка!..“
„Все это такъ, —
Въ отвѣтъ ему пруссакъ. —
Но жаль, что не знакомъ
Ты съ старшимъ кайзера сынкомъ.
Еще бъ ты больше наострился.
Когда бъ у нашего кронпринца поучился“...

М. Стремизъ.

НЕО-РУССКІЕ КЛАССИКИ.

Брожу ль по улицамъ Стамбула,
Иду ли въ Порту на совѣтъ.
Считаю ль старыхъ пушекъ дула,
Моей душѣ покоя нѣтъ.

Я говорю: пройдутъ недѣли, —
А, можетъ, меньше, я боюсь! —
Свою утратимъ въ этомъ дѣлѣ
Страну мы pour le roi de Prusse.

Гляжу ль на башню Ай-Софін.
И мыслю: не засѣсть ли въ бестъ?
Но нѣтъ! придутъ войска Россін,
И засяетъ снова крестъ.

Сынка ль наслѣднаго ласкаю,
Уже я думаю: малышъ!
Ну, что тебѣ я завѣщаю?
Рахатъ-лукумъ или кишмишъ?

Давно ужъ каждую годину
Я битымъ къмъ-нибудъ бывалъ.
Теперь, покорный лишь Берлину,
Судьбы я жду девятый валь.

Угодно гдѣ мнѣ дать судьбинѣ
Престоль? въ Багдадѣ? въ Скутари?
Иль буду въ Меккѣ и Мединѣ
Чинить зеленя драпри?

И хоть наслѣднику Османа
Равно вездѣ. гдѣ спать и лгать,
Я предпочель бы безъ обмана
Скорѣй судьбу свою узнать.

Но пусть въ день радостный Байрама
Не будетъ Сандерсъ вновь со мной,
И сумасшедшій изъ Потсдама
Вновь не нарушитъ мой покой!..

В. Барятинскій.

БАСНИ КРЫЛОВА.

(Для дѣтей старшаго возраста).

I.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

За картой сѣдя Ильина,
Замыслилъ мѣръ поправить Тришка.
— „Вотъ что-то тутъ мала страна,
А тутъ какъ будто есть и лишка!
Здѣсь краскѣ голубой лежать какъ разъ чередъ,
А здѣсь должно быть бѣло“...
Портняжны ножницы тутъ Тришка нашъ беретъ
И, руки засучивъ, — за дѣло!
— „Возьму-ка здѣсь расширю я Эльзастъ,
Сюда отъ Бельгii прирѣжу котловину“...
Хвать ножницами — р-разъ!
Анъ, отъ Галиціи отрѣзалъ половину!
Тутъ Тришка охатъ и вздыхать, —
Убавитъ тутъ, прирѣжетъ сбоку,
Сувалки съ Калишемъ готовъ къ дырѣ пригнать, —
Да нѣтъ ужъ никакого проку,
И карту бросили въ растопки у печи...

Ой, Тришка, молвлю безъ прониі:
Умѣло съ картой хлопочи.
А то, смотри, лишисья и колоній!..

II.

НАПРАСЛИНА.

Гранату въ сорокъ сантиметровъ
Усачь-майоръ,
Пустивь межъ облаковъ и вѣтровъ.
Влѣпилъ во мраморный соборъ.
Хрустя, посыпались осколки благородны.
Главою въ кепи покачавъ,
Его сосѣдъ, съ двуглазкой модной,
Майора укорилъ:—„Что за жестокий нравъ!
Коллега, ты не правъ!“...
Кусааетъ усь майоръ, горять съ конфуза ушки,
Майоръ и самъ не радъ:
— „Понуталь чортъ, камадъ!“...
Вдругъ, слышать, бѣсъ съ лѣсной опушки:
— „Не стыдно ли, — кричить, — всегда клепать на насъ!
Я самъ лишь у тебя учился сей же часъ
И, право, вижу въ первый разъ,
Какъ алтари гремятъ изъ пушки“...—

А. Измайловъ.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ ЛЕРМОНТОВУ.

Бѣлѣтъ крейсеръ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ.
Куда онъ держитъ путь далекій
И кто скрывается на немъ?
За нимъ британскій истребитель
Напрасно рвется и спѣшитъ:
Быстрѣй таинственный вонтель
Къ брегамъ спасительнымъ летитъ.
Надъ нимъ мелькастъ флагъ нѣмецкій,
И гербъ Германіи на немъ;
Свой путь онъ правитъ въ портъ турецкш,
Гонимый вражескимъ огнемъ.
Вокругъ шрапнель реветъ и свищетъ,
Команда въ ужасѣ дрожитъ.
Увы! спасенья крейсеръ ищетъ
И отъ сраженія бѣжитъ.
Его манитъ завѣтнымъ краемъ
Вдали нейтральныхъ водъ просторъ,
И представляетъ мирнымъ раемъ
Онъ онѣмеченный Босфоръ:
Здѣсь, въ этомъ морѣ только бури
И гулъ орудій боевой,
А тамъ, въ Босфорѣ, блескъ лазури
И обезпеченный покой.

С. Толстовъ.

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

«Австрийскіе полководцы—Морицъ фонъ-Ауффенбергъ и Викторъ Даниель награждены большими крестами ордена Леопольда съ мечами.

АУФФЕНБЕРГЪ—ДАНИЕЛЮ.

Мой славный Викторъ! Честь и слава
Тебѣ, вождю побѣдныхъ силъ!
Свой крестъ за бѣгъ отъ Ярослава
Ты по заслугамъ получилъ.
Я изумленъ: какія ноги!
Какъ разумъ твой великъ и зрѣлъ!
Ты все препятствія дороги
Душою львиною презрѣлъ.
А эти русскіе медвѣди
Остались съ носомъ позади.
Гряди, мой другъ! Гряди къ побѣдѣ!
Во славу Австріи гряди!
И знаешь новость? — Между нами —
Блеснетъ или нѣтъ российский флагъ
На дняхъ надъ вѣнскими стѣнами —
Все жъ намъ дадутъ — и такъ, и такъ.
Опять съ бичами — тьфу! — съ мечами!
Прощай! На Краковъ тороплюсь!
(Сидитъ противный за плечами!)
Смѣлѣе! Носи! Впередъ! Не трусь!

ДАНКЛЬ—АУФФЕНБЕРГУ.

Мой милый Мориць! Ты достоинъ
Креста славнѣй, чѣмъ Леопольдъ.
Ты нашей рати первый воинъ,
Побѣдъ и радости герольдъ.
Ты на исторіи скрижали
Поналъ. Твой бѣгъ быстрѣй мечты!
Куда бѣ и какъ мы ни бѣжали,
Всегда у старта первымъ ты!
Пусть косолапый русскій злится,
Что прошмыгнулъ ты черезъ Львовъ!
Да! Коль война еще продлится,
Не знаю — хватить ли крестовъ?
Поляки надки до измѣны:
Оставь на Краковъ скользкій путь
И, съ Божьей помощью, до Вѣны
Ты доберися какъ-нибудь!
Прощай! Пора! Отъ Перемышля
Я полечу быстрѣй орла.
(Медвѣди эти снова вышли!)
Нощ, Мориць! Наша, братъ, взяла!

Донъ Базилю.

ПОЖАРЪ.

Шумѣль-горѣль пожаръ военный,
Вездѣ кипѣль кровавый бой:
Народы къ славѣ дерзновенно
Упорной двинулись гурьбой.

Навстрѣчу нѣмцу и австрійцу,
Расчетовъ алчныхъ далеки,
Идутъ французы и бельгійцы,
Сплотились русскіе полки.

И англичанинъ вышелъ въ море,
Вдали простеръ японецъ длань,
И, гдѣ на радость, гдѣ на горе,
Враги съ врагомъ сошлись на брань.

За право въ битвѣ исполинской
Всѣ бились, кто и какъ умѣль, —
И лишь одинъ король румынскій
„Дипломатически болѣль“.

И лишь, косясь не безъ опаски,
На рой родныхъ нѣмецкихъ бандъ.
Росси кисло дѣлалъ глазки
Царь „византійскій“ Фердинандъ.

Да двѣ-три мелкія державы.
Въ тревогѣ сморщивши носы.
Не но державному лукавы,
Глядѣли зорко на вѣсы.

Глядѣли на пожаръ военный:
Гадали, выпятивши грудь.
Куда бы съ честью несомнѣнной,
Куда имъ съ *выгодой* примкнуть.

Гамкредъ.

* * *

Телеграммы—и картины:
„Взять у нѣмцевъ *призъ*“;
„Полетѣли цѣпелины“.—
Но не вверхъ, а внизъ.

Чу, звучитъ въ Нѣмецкомъ морѣ
Канонады гулъ,
Нѣмецъ бьется на просторѣ:
„Крейсеръ затонулъ“.

Съ каждымъ днемъ все войны, войны,
И съ „войной“ — тоска:
„У австрійцевъ, безпокойны
Чешскія войска“.

Быль австріецъ въ сербскомъ краѣ:
Чѣмъ же онъ смущенъ,
Что „оставилъ на Дунаѣ
Лишь одинъ заслонъ“?

Объявивъ войну „во время“,
Былъ Вильгельмъ не глупъ,
Но надулъ родное племя
Плутоватый Круппъ.

Францъ-Иосифъ жаждетъ боя
(Въ девяносто лѣтъ), —
Но невѣдомо, — не скрою, —
Живъ онъ, или *нѣтъ*.

Танкредъ.

DER POROTINO.

— Sag'mir. Parachen, вѣдь не даромъ
Берлинъ казѣкамъ и боярамъ
Случайно отданъ былъ.
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Ну, какъ-нибудь! Ну, хоть какія?
Не даромъ — Jesus und Maria! —
Смирилъ Вильгельмъ свой пылъ?
— „Да! Были люди въ наше время!“
Подъ каской ихъ пылало темя!
Echt пруссаки — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Глаза Европѣ намозоля,
Какъ зубы — эликсиръ Одоля, —
Не узрѣли Невы.
Мы все на что-то наступали, —
На что и сами мы не знали.
Ворчали старики:
— Что жъ! Шагъ впередъ, назадъ два шага:
Wo gehen wir, mein Freund, ich sage?
Гдѣ наша прежняя отвага?
Гдѣ Friedrich's пруссаки?

И вотъ нашли большое поле,
 Гдѣ раненыхъ легло не болѣ,
 Чѣмъ штучекъ zehn враговъ.
 У нашихъ—ушки на макушкѣ...
 Сестра Амалія — вотъ душка! —
 Взяла свой ножъ изъ-подъ подушки
 И раненый — готовъ!
 Стянулъ животъ я шарфомъ туго
 И думалъ: „Угости-ка друга!
 Я въ плѣнъ сейчасъ сдадусь...“
 Что тутъ хитрить? Не свой братъ — голодъ, —
 Я жить хочу, еще я — молодъ!
 Зачѣмъ испытывать мнѣ холодъ?
 Не за Вильгельма усь!
 Два дня мы были безъ сосисокъ,
 Предъ нами рядъ пустѣйшихъ мисокъ,
 Kein' Würstchen und kein Bier!
 Повсюду слышны рѣчи стали:
 Куда-нибудь дойдемъ едва ли.
 Всѣ генералы наши „пвали“.
 Und so — нашъ командиръ!
 Прилежъ вздремнуть я у лафета
 И слышно, что жуетъ тамъ гдѣ-то
 Майоръ нашъ фонъ-деръ-Какъ.
 Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
 Что намъ, что офицеръ былъ сытый!
 Мы знали — будемъ мы побиты,
 Придетъ къ намъ der Kosak!
 И только засвѣтилось небо,
 Мы, не поѣвши даже хлѣба,
 Сказали — „O! Wie schön!“

Майоръ фонъ-Какъ рожденъ былъ трусомъ —
 Онъ не повелъ sogar mit усомъ
 И молвилъ mit Geschmack, со вкусомъ:
 — „Пойдемъ, ребята, въ плѣнъ!
 „Тамъ жить намъ всемъ удобнѣй будетъ.
 „Никто насъ драться не принудитъ!
 „So wïrd es, Kinder! Ja!“
 За нимъ вослѣдъ мы побѣжали,
 Казакамъ ружья наши сдали, —
 За то осудить насъ едва ли
 Im Himmel der Судья!
 Ну жъ былъ денекъ! Труднѣй быть круче,
 Такую задали намъ взбучу —
 Vergessen werd'ich nie!
 Пѣхота въ сѣромъ со штыками,
 Verflucht Kosaken mit пиками
 Кричали, повстрѣчавшись съ нами!
 — Гони ихъ всехъ! Гони!
 Вамъ не видать такихъ сраженій!
 Изнемогали мы отъ лѣни,
 Und von dem Hunger auch!
 Звучалъ булатъ, ираншель пинѣла.
 Майоръ фонъ-Какъ въ траншеѣ засѣла.
 Es war sehr schlecht für unser тѣло.
 Für unser бѣдный Bauch!
 Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
 Что для слона пчелиный жало,
 Нашъ генеральный штабъ!
 Земля тряслась, тряслися все мы!
 Вамъ не видать такой дилеммы!
 Не знали мы, зачѣмъ мы, гдѣ мы...
 Гдѣ славянннъ, гдѣ швабъ.

Вотъ смерклось. Счастливы мы были,
Что подкрѣпить могли мы силы
Въ любезномъ намъ плѣну.
Онъ sehr gemütlich, garnicht тѣсенъ,
Намъ дали trinken, дали essen...
Ахъ! русский плѣнъ ist so чудесенъ —
Мы предалися сну!
Вотъ затрещали барабаны,
И мы пошли всё, какъ бараны,
Mit dem майоръ фонъ-Какъ.
Насъ размѣстили по вагонамъ,
Не глядя, кто — простой, кто съ „фон’омъ“,
Не взявъ ни гроша für „прогон’ен“...
Der русский ist дуракъ!
Да, были люди въ наше время!
Подъ каской ихъ пылало темя.
Echt пруссаки — не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Глаза Европѣ намозоля,
Какъ зубы эликсирь Одоля, —
Не узрѣли Невы!..

В. Барятинский.

ГОРДОСТЬ ГЕРМАНИИ.

Вильгельмъ [канцлеру]:

— Любезный Бетманъ, мнѣнъемъ свѣта
Мы не должны пренебрегать.
Цѣня нейтральную печать,
Прошу, не дѣлая секрета,
Мнѣ откровенно рассказать,
Чѣмъ занята въ Европѣ пресса?

Бетманъ-Гольвегъ [смущенно]:

— Нѣтъ, въ этомъ мало интереса!
А, впрочемъ, пре мажестетъ,
Я доложу вамъ откровенно,
Что вашъ кронпринцъ дивитъ весь свѣтъ
И отличается отмѣнно.

Вильгельмъ [довольный]:

— Да, я ручаюсь головой,
Что нашъ кронпринцъ большой герой,
И имъ довольны все берлинцы...
Но что же пишутъ о кронпринцѣ?..

Бетманъ-Гольвегъ [смущенно]:

— Увы! — нейтральная печать
На дняхъ рѣшилась написать,
Что, популярнымъ ставъ отнынѣ,
Вашъ уважаемый сынокъ
Забрался къ нѣкой герцогинѣ,
Залѣзъ въ подвалъ, взломалъ замокъ
И тамъ похитилъ все, что могъ!

Вильгельмъ [сияя]:

— Мой канцлеръ, вѣстью столь блестящей
Меня порадовали вы!
Онъ Гогенцоллернъ настоящи,
Все наши предки таковы!
Узнавъ объ этомъ, я спокойно
Могу отнынѣ умереть,
И, какъ наслѣдникъ мой достойный,
Онъ мой престижъ поддержитъ впредь.

Бетманъ-Гольвегъ [съ сомнѣнiемъ]:

— Конечно, это безподобно
И лестно, пре маѣстеть,
Но все же какъ-то неудобно
И удвѣляетъ цѣлый свѣтъ,
Что вы, какъ древнiй римскiй кесарь,
Ведете въ бой свои полки,
А вашъ сынокъ, какъ жалкiй слесарь,
Ломаетъ въ погребѣ замки,
Пуская въ дѣйствие отмычки...

Невольно всякій скажетъ тутъ,
Что столь плебейскія привычки
Сынку Вильгельма не идутъ.

Вильгельмъ [строго]:

— Любезный канцлеръ, вамъ, конечно,
Его души не оцѣнить;
Но я доволенъ имъ сердечно
И одобряю эту прыть:
Сегодня, стыдъ отбросивъ емѣло,
Замки ломаетъ онъ умѣло,
А завтра, дѣйствуя съ умомъ,
Онъ завоюетъ все кругомъ,
Ограбитъ полюсь и экваторъ
Для вящей славы пруссаковъ
И разгромитъ моихъ враговъ...

Кронпринцъ [входя]:

— Мое почтенье, либеръ фатеръ!
Я вамъ привезъ подарковъ рядъ...

Вильгельмъ [довольный]:

— Да, всѣ газеты говорятъ,
Что ты лихой экспроприаторъ,
И я, мейнъ либеръ, очень радъ!

Кронпринцъ [хвастливо]:

— Ты оцѣнилъ меня и понять,
И я не хвастаясь скажу,
Что въ замкахъ Франціи сломонилъ
Немало рѣдкостныхъ бижу.

Вильгельмъ [растроганный]:

Ты посланъ мнѣ на утѣшенье!..
Приди въ объятія мои!

[Нѣжно его обнимаетъ].

Бетманъ-Гольвегъ [прослезившись,
въ сторону]:

— Я ошибался, безъ сомнѣнья.
Нельзя не чувствовать почтенья
Передъ подобными людьми!..

Хафизъ.

Г У С И.

Бельгійцевъ четверо или пять
Вели десятокъ нѣмцевъ плѣнныхъ,
И, правду истину сказать,
Вели безъ почестей отпѣнныхъ.
Солдатъ ужъ я и не виню,
Но нѣмцы иначе объ этомъ толковали
И на охрану такъ промежъ собой пеняли:
— „Вотъ варвары! Любому пню
Не надобно внушать, что быть должны въ почетѣ,
Кто миру дали Шиллера и Гете!..“
— Ты Дессинга забылъ! — прибавилъ капитанъ.
— „А Фихте, Шеллингъ, Кантъ и Гегель?..“
— „А Шоненгауеръ не удивилъ ли миръ?..“
— „А Гердеръ, Заксъ, Новалисъ, Шлегель?..“
Услыша трескъ именъ, капитанъ
Невѣрнымъ языкомъ, но вѣрно имъ сказалъ:
— „Отцы и сыновья — какая перемена!
Да, ваши предки — соль земли,
Но рѣчь о нихъ вы здѣсь некстати завели. —
Вѣдь мы въ окрестностяхъ... Лувена,
И держимъ путь на... Шантильи!..“

А. Измайловъ.

КОНЕЦЪ ГЕРМАНИИ.

Прессъ настольный мой, чернильница,
Карандашъ, свѣча и мыльница,
Чемоданъ, портфель, — все съ знаками:
«Это сдѣлано пруссаками»,
«Это сдѣлано въ Германіи»...
Всѣ полны германоманіи,
Брали вещи съ этикеткою.
Изготовленной сосѣдкою:
Котелки, брюкодержатели,
Самокаты и учебники...
Моды пошлой подражатели,
Дикою Пруссіи нахлѣбники.
Брали мы по завѣщанію
Перлы прусскаго творенія
И прославили Германію,
Какъ промышленнаго генія.
Какъ страну цивилизаціи.
Какъ страну культуръ и знанія.
И кричали: „Вотъ такъ нація!
О, Германія! Германія!“

Преклоняясь предъ завѣтами
Канта, Момзена и Гегеля,
Предъ германскими поэтами
И предъ бонной изъ-за Прегеля,
Почитали мы святынею
Всю труху и пошлость Михелей
И вели Россію въ линію
По желанію Клейнмихелей.
Съ наслажденіемъ бредни дикія
Мы жевали ницшеанскія
И считали за великія
Всѣ идеи пангерманскія.
Но пришла пора, съ подкладкою
Мы освоились германскою,
Какъ напалъ на насъ украдкою
Кайзеръ съ бандой хулиганскою,
И, сверкнувъ стальной культурою,
Сталъ онъ жечь цивилизацію
И своею диктатурою
Задавить бельгійцевъ націю:
Палъ Лувенъ, Брюссель съ Антверпеномъ...
Край бельгійцевъ смятъ разбойникомъ,
Но, съ терпѣніемъ неисчерпаннымъ,
Этотъ край не сталъ покойникомъ.
Въ часъ рыданій, въ часъ мученія,
Въ дни сиротства безысходнаго
Два столкнулось нынче генія
Въ царствѣ подвига народнаго:
Геній крови, разрушенія, —
Геній дьявола Германи. —
Налетѣлъ стрѣлой на генія —
Обновленія мірозданія.

Съ высоты небесъ снарядами
Цепелинъ предалъ все пламени,
Не разрушивъ канонадами
Геронческаго знамени.
Такъ когда-то гунны дикіе
Стадной тучей въ міръ нахлынули
И, стубивъ края великіе,
Были прокляты — и сгинули.
Пусть орда явится прусская,
Лиходѣйствуетъ Германія!
Велика равнина русская,
И растутъ ея дерзанія.
Взвѣситъ рокъ всеенкупающій
Эти жертвы всѣ громадныя,
Этотъ міръ, въ огнѣ страдающій,
Эти слезы безотрадныя, —
Безпощаднымъ осужденіемъ
Заклеймитъ онъ силу грубую
И анаѹему ихъ геніямъ
Возгласитъ съ небесъ сугубую.

Омикронъ.

ЧТО ДУМАЕТЪ, ВИЛЬГЕЛЬМЪ II, КОГДА ЕМУ
НЕ СПИТСЯ?

Завязали мои батальоны,
Бездѣйствуетъ загнанный флотъ...
„Отдай мнѣ мои легионы,
„О, Варъ, Варъ!“ вопить весь народъ.

Полмѣсяца длится осада...
Фонъ-Бюловъ въ сраженьи убитъ...
Британскаго флота блокада
Голодною смертию грозить.

И все жъ отрѣшиться мнѣ трудно
Отъ прежнихъ хвастливыхъ химеръ...
А совѣсть злорадствуетъ нудно:
„Mein Liebchen, was willst du noch mehr?“

В. Мазуркевичъ.

ОБЫЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Надѣвъ стѣснительныя узы
На прусскій дерзостный наскокъ,
Въ Эльзасѣ храбрые французы
Бьютъ нѣмцевъ вдоль и поперекъ.

И, точно облитые варомъ,
Бѣгутъ тевтоны отъ враговъ...
Французской зеленью не даромъ
Всегда выводятъ *пруссаковъ*.

В. Мазуревичъ.

НИ БОГУ СВѢЧКА, НИ ЧОРТУ—КОЧЕРГА.

I.

«Кто не является вѣрующимъ христіаниномъ, тотъ не можетъ быть порядочнымъ человекомъ и прусскимъ солдатомъ».

II.

«И если пробѣтъ часъ, когда мнѣ придется приказать вамъ стрѣлять въ своихъ родственниковъ, братьевъ, даже въ отца и мать, тогда не забывайте о своей присягѣ» (23 ноября 1891 г.). (Отрывки изъ рѣчей Вильгельма).

Какъ трудно быть солдатомъ прусскимъ...
Ходить весь день, маршировать,
Быть стянутымъ мундиромъ узкимъ
И „научаться побѣждать“...

Топорщить при походкѣ плечи,
Переносить морозъ и зной
И каждый вечеръ слушать рѣчи
Изъ устъ Вильгельма!.. Боже мой!..

Возможно все для человека,
Но — рѣчи, рѣчи... О, мой Богъ!

Мнѣ кажется, что самъ Сенека
Отъ шихъ съ ума сойти бы могъ!..

Къ какой невылившейся школѣ
Примкнулъ вѣмецкій фантазеръ?..
Онъ каждый вечеръ въ новой роли,
Точь-въ-точь — ремесленникъ-актеръ...

Вчера громилъ развратъ и пьянство,
Сегодня бьетъ социализмъ;
Вчера онъ славилъ христіанство,
Сегодня же — милитаризмъ...

Бываютъ и на солнцѣ пятна
(Я самъ ихъ видѣлъ „сквозь очки“),
Но, право, что-то непонятны
Такие рѣзкіе скачки!..

Вчера лишь онъ твердилъ: „Солдаты,
Вашъ долгъ безропотно стрѣлять,
Хотя бы вмѣсто супостата
Предъ вами сталъ отецъ или мать“...

Сегодня жъ онъ твердитъ слейно
(Скажите, гдѣ же тутъ резонъ?):
„Ходите въ храмъ благоговѣйно
И чтите Божескій законъ!..“

Размыслилъ я надъ этимъ строго.
И стало какъ-то страшно мнѣ: —
Возможно ли молиться Богу
И слать улыбки — Сатанѣ?...

Яго.

ГЕРЦОГИНЯ ЛЮКСЕМБУРГА.

Согласно сообщеніямъ «Exchange Company» герцогиня Люксембургская выселена въ Германію и заточена въ замокъ близъ Нюренберга.

Герцогиня Люксембурга
Воспротивилась ярму—
Герцогиню Люксембурга
Нѣмцы бросили въ тюрьму.
Нѣтъ предѣловъ злобной мести
Грубой силы—правъ тевтонъ.
Такъ! Но... гдѣ же голосъ чести?
Гдѣ же рыцарства законъ?..
Голосъ чести?.. Экимъ вздоромъ
Ты насъ думать удивить!—
Развѣ можно мародерамъ
О безчестьи говорить?
Пль не видишь: племъ и латы
Тѣло смерда облекли,
И не рыцари—пираты
Счеты съ женщиной свели!

Василій Клязевъ.

НА ЗИГЕСЬ-АЛЛЕ.

Говорять, передъ войною
На берлинской Зигесь-алле
Все нѣмецкіе курфюрсты
Ровно въ полночь оживали,
Карлы, Фридрихи, Вильгельмы
И Оттоны въ блескѣ лунномъ
Собирались молчаливо
Передъ Бисмаркомъ чугуннымъ,
И толпою обсуждали,
Грозны, веселы и рьяны,
Кровожаднаго Вильгельма
Сокрушительные планы,
Громогласно прославляли
Доблесть прусскаго мундира
И въ добычу обѣщали
Побѣдителю полмира,
Толковали о побѣдахъ
Бравыхъ прусскихъ генераловъ
И потомъ вѣзали чинно
На верхушки пьедесталовъ,

И на мраморныхъ подставкахъ,
Бравымъ шуцманамъ на диво.
Цѣлый день стояли грозно,
Ухмыляясь горделиво...

* * *

Но промчались три недѣли,
И на славной Зигесъ-алле
Знаменитые курфюреты
Стали ржавѣть отъ печали.
Ровно въ полночь съ нѣдесталовъ
Сходятъ грустные Оттоны,
Карлы, Фридрихи, Вильгельмы
И пфальцграфы, и бароны
И толпою молчаливой,
Выступая въ блескѣ лунномъ,
Собираются уныло
Передъ Бисмаркомъ чугуннымъ.
И, сердито сдвинувъ брови,
Грозный канцлеръ съ видомъ мрачнымъ
Имъ толкуетъ безнадежно
О Вильгельмѣ Неудачномъ;
Грозный канцлеръ заявляетъ
Съ чувствомъ гнѣва и печали,
Что послѣдному Вильгельму
Не стоять на Зигесъ-алле;
И, кивая головами,
Безнадежно и сердито.
Возвращаются курфюреты
На подставки изъ гранита...

Wega.

ИЗЪ «СЕНСАЦІЙ» МАДАМЪ ДЕ-КУРДЮКОВОЙ.

...Понемногу я мирюсъ
Съ *карактэръ дю пѣпль руссѣ*.
Поставлять на всѣхъ привыкли
Мы сырые всѣ *артикли*,—
Рожь, овесъ, окорока,
Жили тихо *санъ фрака*.
Все твердили про *ля нэ* мы
И другой не знали темы:
Жаръ къ войнѣ въ себѣ убивъ,
Онъ э трэ миролюбивъ...
Но проснулось ретивое,
Насъ задѣло за живое,—
Съ пѣнъемъ, съ флагами зарю
Мы встрѣчали *сюръ ля рю*...
Полонъ духъ теперь подъема,
Ждемъ къ себѣ *руа Гильома*:
А ля герръ комъ а ля герръ,—
Жалуй запросто, *мейнъ герръ*.
Мы тебя честь-честью встрѣтимъ,
Чтобы памятна и дѣтямъ

Встрѣча вышла... Да смотри жъ.
Захвати съ собой *Отриши*.
Австріяки тѣ же швабы,
Различилъ ихъ кто едва бы:
Тотъ пль тотъ—*ля мемъ шозъ*...
Угостимъ васъ хорошо-съ!
Чѣмъ? Ну, право, *же не сэ па*...
Не гляди, *мейнгерръ*, свирѣпо.
Лучше вспомни *ля тирадъ*:
Чѣмъ богатъ кто, тѣмъ и радъ.
А судьбой дано *ришессъ намъ*
Въ единенъи нашемъ тѣсномъ.
И тебя, *руа Гильомъ*,
Встрѣтнмъ всѣ мы *комъ энъ омъ!*

Бенедиктъ.

ИЗЪ ТЕТРАДИ ПАРОДИИ.

(Гейне).

Г Р Е Н А Д Е Р Ы.

Въ Баварію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели—
Мотивы войны вспоминали
И вспомнить никакъ не могли.
Пришлось разгромить имъ бельгійцевъ,
Разрушить и Реймскій соборъ:
Метались съ востока на западъ—
Зачѣмъ?—не поймешь до сихъ поръ!
Печальныя видя картины,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: „Братъ!
„Не радъ я такимъ результатамъ,
„Картинамъ разгрома не радъ“.
„Другой отвѣчаетъ: „Товарищъ,
„Кому же по сердцу разгромъ?
„Кой чортъ насъ заставилъ Вильгельму
„Во всемъ подчиняться, во всемъ?
„И я жить съ семьею не бѣдно,
„Имѣя привычку къ труду...

„Теперь вотъ просить Христа-ради
„Съ женой и дѣтьми, знать, пойду.
„Исполни завѣтъ мой, коль скоро
„Окончу солдатскіе дни:
„Ступай ты въ Берлинъ и Вильгельма
„Въ глаза за войну прокляни.
„Ты въ подлыхъ обманахъ убійцу
„Предъ всею страной обличи.
„А орденъ за бой нодъ Лувенонъ
„Ногами предъ нимъ растопчи.
„И мирно и чутко я буду
„Лежать подъ родною землей.
„Наступитъ нора—и услышимъ
„Призывъ мы къ побѣдѣ нной:
„Свергается злой Гогенцоллернъ.
„Знамена свободы шумятъ!..
„И выйдетъ подъ нихъ разоренный.
„Обманутый нѣмецъ-солдатъ!“

Сэръ Гэй.

ТРИЗНА БОЛЬШИХЪ ПОХОРОНЪ.

(Покушение на Лермонтова).

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ Терека волны бѣгутъ,
Старинная башня стояла...
А, можетъ быть,—все это врутъ.

Но вотъ, что я знаю навѣрно—
Молва здѣсь соврать не могла бѣ:
Былъ домъ съ репутаціей скверной
И жалобной вывѣской „Штабъ“.

При главной австрійской квартирѣ
Тотъ домъ для чего-то стоялъ;
Въ немъ жилъ—и въ довольствѣ, и въ мирѣ—
Какой-то хромоу генералъ.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ золотой огонекъ,
Бросался онъ путнику въ очи,—
И путникъ бѣжалъ наутекъ.

И слышался голосъ унылый:
— Желаете правду узнать?..
Кого-то желанье прельстило:
— А мнѣ что... Пойду... Наплевать...

Въ солидно обставленномъ залѣ,
Въ парадную форму одѣтъ,
Сидѣлъ генераль, и стояли
Сотрудники вѣнскихъ газетъ.

Все были въ ужасномъ азартѣ,
Кто съ книжкой, кто просто съ листомъ.
И самъ генераль имъ на картѣ
Показывалъ что-то перетомъ.

— ...Здѣсь встрѣтили мы ихъ съ отвагой...
— Здѣсь русскіе сброшены въ ровъ...
— Здѣсь... Гм...—прикрывалъ онъ бумагой
То мѣсто, гдѣ значился Львовъ.

— Здѣсь русскіе будутъ напрасно
Пугать—не боимся атакъ...
— Здѣсь смертью погибли ужасной
Двѣ сотни... пфуй!—этихъ... casak...

Во все генеральскія мысли
Вшивались газеты врасосъ...
И уши у путника висли.
И бѣгалъ по кожѣ морозъ...

Хотѣлъ бы онъ выпрыгнуть смѣло.
Но зналъ, что настанетъ чередъ—

Его бездыханное тѣло
Домой часовой унесетъ.

И тихо покойничекъ ляжетъ.
Какъ пень, у крыльца своего...

И мать престарѣлая скажетъ:
— Навѣрно, заврали его...

Арх. Буховъ.

АВСТРИЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Австрийскій эрцгерцогъ отозвалъ
изъ армии въ Вѣну.

(Изъ газетъ).

Сни, эрцгерцогъ мой прекрасный,
Баюшки-баю...
Проливать тебѣ напрасно
Въ битвахъ кровь свою.
Я тебѣ о швабской каскѣ
Пѣсенку спою,
Ты жъ дремли, закрывши глазки.
Баюшки-баю...

Въ этой каскѣ, бравый съ виду,
Смѣло шель ты въ бой
И не дать себя въ обиду
Поклялся душой,
Грозно вель ты на Варшаву
Армію свою...
Сни жъ, забывъ быдую славу,
Баюшки-баю...

Но тебя разбилъ жестоко
Кровожадный врагъ,
Храбрыхъ швабовъ раньше срока
Напугалъ казакъ.
Ты сѣдельце боевое
Потерялъ въ бою...
Спи, дитя мое родное.
Баюшки-баю...

Прибѣжалъ, dospѣхи сбросивъ,
Ты пѣшкомъ домой,
И почтенный Францъ-Иосифъ
Планъ одобрилъ твой,
Отдалъ нѣмцамъ ты любезно
Армию свою...
Спи, эрцгерцогъ бесполезный,
Баюшки-баю...

Послѣ доблестныхъ сраженій
И неожиданныхъ бѣдъ
Отдохнуть ты можешь въ Вѣнѣ
Отъ своихъ побѣдъ.
Прусскій кайзеръ за сраженья
Будеть отвѣчать,
Ты же, швабовъ утѣшенье,
Можешь крѣпко спать...

Wega.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО ¹⁾

(ПѢСНИ И ЧАСТУШКИ).

I. МОБИЛИЗАЦІЯ И СВОРЫ НА ВОЙНУ.

1. На думалось --- пришлось
 Съ нѣмцемъ воевать.
 Не хотѣлося парнишкѣ
 Свою Параньку покидать.
- Нынче годъ пошелъ военный,
 Нѣмецъ хочетъ воевать,
 Мнѣ, молоденьку мальчишкѣ,
 Войны не мновать.
- Ванька, родный братецъ,
 Привыкай ружейцемъ брякать,
 Ружьемъ брякать и стрѣлять,
 Пойдешь съ нѣмцемъ воевать.

¹⁾ Наравнѣ съ интеллигенціей, съ профессиональными писателями и поэтами, и простой народъ далъ въ своемъ творествѣ отраженіи современной войны съ разныхъ сторонъ ея проявленія. Пока въ нашей литературѣ занесено еще немного изъ этого творчества, но тѣмъ не менѣе мы считаемъ пужнымъ и это немногое помѣстить здѣсь, дабы читатель могъ судить о чувствахъ и настроеніяхъ простого народа. Приведенные образцы народнаго творчества записаны на мѣстахъ въ разныхъ районахъ Россіи.

Не думай, тятя мой,
Что я пахарь полевой:
Вѣдь я, молоденькій мальчишка,
Солдатикъ боевой.

Охи-ахи, охи-ахи,
На насъ напали австрiяки.
Куда лѣзешь, бусурманъ,
На насъ, русскихъ крестьянъ.

На границѣ, вѣдь, не дома,
Сапоги, шинель готова.
Кашу грешневу варя.
Нѣмцевъ бить лишѣи веля.

Не плачь, моя ты женка,
Что я иду на войну,
Нѣмца убьемъ и расколотимъ,
Опять къ тебѣ приду.

Послѣ войны ужъ всѣ поъемъ,
Впередъ на нѣмца мы пойдёмъ.
Съ войны придемъ — жениться будемъ,
По пригоженькой возьмемъ.

Буду пить и веселиться, —
Все равно не сдобровать,
Буду нонѣшнюю осень
На отчаянность гулять.

Погуляемъ, сколько знаемъ,
Покутимъ, сколько хотимъ:

Послѣ первыхъ морозцевъ
Мы въ солдаты укатимъ.

У меня, у некрута,
Слезы льются, что рѣка,
Слезы льются и бѣгутъ:
Завтра — въ городъ повезутъ.

Ты играй, играй, гармошка,
Зеленые мѣхи,
Какъ сдадутъ меня въ солдаты, —
Разорву тебя съ тоски.

Не думалось — пришлось
Съ нѣмцемъ воевать,
Не хотѣлося парнишкѣ
Свою Параньку покидать. —

2. ФАБРИЧНАЯ.

— Засосало сердце больно,
Не берутъ насъ на войну.
Невозможно даже вольно
Намъ идти на нѣмчуру...
Съ горя радъ бы удавиться,
Раздавить бы стакачу...

.
Мнѣ ли слюни распушивать.
Будто нѣтъ и намъ названья.
Будемъ дѣлу помогать:

День и ночь сверлить гранатки
Нынче намъ всурьезъ велятъ.
И Россн. значить, маткѣ —
Что солдатъ ты въ жаркой схваткѣ.

.

3. ТЮРЕМНАЯ.

— Зоветъ гроза насъ боевая.
А мы сидимъ въ тюрьмѣ...
Судьбу неволи проклиная.
Горимъ, какъ всѣ, въ своей тоскѣ.

II. ВОЙНА.

1. Утромъ рано на разсвѣтѣ¹⁾
Повели насъ на атаку,
Чтобъ съ австрійцемъ долгоногимъ
Мы скорѣй вступили въ драку.

Подвезли къ лонцинкѣ рядомъ.
Гдѣ стояли батареи.
И настрого повелѣли.
Чтобъ тихохонько сидѣли.

¹⁾ Эта пѣсня сложена была въ окопахъ и распѣвалась поды звуки разрывавшихся гранатъ. Авторы ея, повидному, солдатъ Андрей Бандура и его товарищъ

Долго, долго мы сидѣли,
И нашло на насъ дремленье.
Вдругъ вой вражеской шрапнели
Разогналъ нашъ сонъ въ мгновенье.

Мы съ Бандурой окопались
И залѣзли въ ямку,
Стали слушать, какъ шрапнели
Тянуть свою ляжку.

Трахъ, трахъ, трахъ!—трещать шрапнели,
Трахъ, трахъ трахъ! У насъ въ сердцахъ
Точно шмели загудѣли,
Наводя ужасный страхъ.

Наконецъ, пальба затихла,
Наступилъ миръ, тишина,
Мы съ Бандурой, сидя въ ямкѣ,
Вспоминали времена.

Рузскій, бравый командиръ,
Штурмовой надѣлъ мундиръ,
За врагами—черезъ Санъ—
Мажетъ нѣмца по усамъ.

Нѣмцы храбро отступали,
Не взрываючи мостовъ,
Мы за ними поспѣшали
И вступили въ городъ Львовъ.

Почему тотъ Львовъ нѣмецкій?
Тамъ все русские живутъ.
Нѣмцы тяжко ихъ терзаютъ,
Больно мучаютъ и бьютъ.

ПѢСНЯ ¹⁾.

2. Изъ-за лѣса, лѣса копій и мечей
Ведеть сотня казаковъ да усачей...

Эй, говорить! —

Ведеть сотня казаковъ да усачей.

Передъ ними есауль да молодой
Ведеть сотню казаковъ да за собой...

Эй, говорить! и т. д.

А за ними все сибирскіе стрѣлки,
Все штыками, какъ щетиной, обросли...

Эй, говорить! и т. д.

Какъ въ Варшавѣ отстояли мы мосты,
Все красавицы бросали намъ цвѣты...

Эй, говорить! и т. д.

Подъ Варшавой мы стояли, какъ стѣна, —
Пуля сыпалась, жужжала, какъ пчела...

Эй, говорить! и т. д.

Будутъ дѣти, внуки долго поминать.
Какъ Варшаву отстояла наша рать...

Эй, говорить! и т. д.

¹⁾ Пѣсня эта очень популярна въ сибирскихъ полкахъ. Запѣвало словно бросаетъ первую строчку, а хоръ отзывается разомъ, и ему вдогонку летитъ короткій речитативъ: «Эй, говорить!» и разливанное заключеніе повторяетъ послѣднія слова.

Отъ Варшавы Нѣмца гнали предъ собой,
Что ни лѣсъ, что ни деревня, — славный бой!

Эй, говорить! и т. д.

Будутъ нѣмцы помнить долго про стрѣлковъ,
Про сибирскихъ нашихъ чудо-молодцовъ!

Эй, говорить! и т. д.

Какъ дойдемъ мы до Берлина-городка,
Не останется отъ нѣмцевъ и слѣдка...

Эй, говорить! и т. д.

А вернемся мы въ родимые лѣса,
Приведемъ домой Вильгельма за уса!

Эй, говорить! и т. д.

III. ЖЕНСКІЯ ЧАСТУШКИ.

Сдали Шурочку въ солдаты
И угнали на войну,
Не успѣли срисоваться
Съ нимъ на карточку одну.

Въ нашемъ полѣ восемь сосенъ,
А девятая-то ель;
Посмотрѣла бы на Шурочку —
Пристала ли шинель.

Я любила и люблю
Солдатика военного,
Ни за что не измѣню
Своего слова вѣрнаго.

Сдали, сдали дорогого,
Наживать велятъ другого.
И не буду наживать,
Буду съ солдатовъ дожидать.

Дождикъ, лей. дождикъ, лей
На меня и на людей;
На солдатика мово
Не капни разу одного.

Вари, матушка, яишню,
Въ городъ Галичъ Шуркѣ вышлю;
На десяту батарею
Ста яиць не пожалѣю.

Дни и ночи напролетъ
Дѣвушка горюеть.
Часты пѣсенки поеть.
По миломъ тоскуеть.

„Сдали, сдали, въ даль угнали,
Близко самъ не захотѣлъ.
Свился еизымъ голубочкомъ,
Въ городъ Галичъ полетѣлъ“.

„Скучаю, мленькѣй, по вамъ.
Какъ сѣра пташка по полямъ;
Какъ жива рыба по водѣ.
Такъ я, мленокъ, по тебѣ“.

Осень темна настаеть,
Въ роцахъ вѣтеръ дуетъ,
Дѣвка пѣсенки поеть,
По миломъ тоскуеть:

„Дождикъ, лей, дождикъ, лей
На меня и на людей;
На солдатика мово
Не капни разу одного!“

IV. САТИРА.

1. Нѣмецъ пивомъ облакался,
Съ пьяныхъ глазъ въ войну ввязался,
Думалъ голымъ рукамъ взять,
А пришлось повоевать.

Нѣмцу дома не сидится,
Понаскучилъ ему „бирь“,
Знать желаетъ нѣмецъ биться,
Коль нарушилъ съ нами миръ.
Будеть нѣмецъ долго знать,
Какъ съ Россіей воевать!

Ахъ ты, нѣмецъ-остроусъ,
Я усомъ-то не боюсь,
Меня усомъ не спугаешь,
Я россійскій, а не трусь.

Ужъ какъ наши-то ребята
Не боятся нѣмчуры,
Какъ поймають супостата,
Отчухрають за вихры.

2.

Вотъ такъ нѣмцы, ой-да ну.
Объявили намъ войну.

Русь, французы, англичане
Нѣмцамъ тѣмъ же отвѣчали.

Австро-венгры и пруссакъ.
Какъ попали вы впросакъ!

Францъ-Иосифъ, старъ и сѣдъ,
Ты надѣлалъ много бѣдъ

И пошелъ войной не къ году
На бѣду сваму народу.

И на дѣлѣ такъ и вышло:
Русскіе у Перемышля.

А когда возьмемъ Краковъ.
Ты тогда будешь каковъ?

Понемногу, въ перемѣну,
Мы взойдемъ къ тебѣ и въ Вѣну.

Бьемъ германцевъ, этихъ хановъ,
Они стали хуже хановъ.

Императоръ ихъ — вампиръ.
Пролилъ крови на весь міръ.

Его нѣмцы — звѣри, хамы.
Разбиваютъ древни храмы.

3. Шли въ Гумбнну мы на нѣмца.
Говорили, — нѣмецъ строгъ,
На него пошли въ атаку,
А онъ стонеть: „охъ“ да „охъ“!

Австриякъ, не зная броду,
Занялъ грозно городъ Броды.
И со веѣхъ нѣмецкихъ ногъ
Ломить къ намъ черезъ порогъ.

Туть, откуда ни возьмися.
На кобылкахъ казаки.
Шашкой, пикой и винтовкой
Сыплютъ нѣмцу тумакы.

Запѣвало ¹⁾.

4. Похлебали кашы съ щами.
Барабанъ ударилъ сборъ.
Будеть драка съ нѣмчурами,
Будеть съ нѣмцемъ жаркій бой.

Хоръ.

Сколько нечисти-то всякой,
Эфтихъ самыхъ пруссаковъ.
Словно разныхъ таракановъ.
Комарей али клоповъ.

Запѣвало.

Лѣзеть нѣмецъ на рожны.
Нельзя шашку класть въ ножны.

¹⁾ Поется съ гармоникой и съ хоромъ.

Австріяки на рожонъ,
Выну шашку изъ ножонъ.

Хоръ.

Здѣсь австріецъ, тамъ пруссакъ,
Мы ихъ этакъ, мы ихъ такъ.
Францъ-Юсифу по шеѣ,
А Вильгельма — по башкѣ.

Запѣвало.

Хотѣлъ нѣмецъ пообѣдать,
Шель спесиво на Парижъ.
Далъ хранцузъ ему отвѣдать
Изъ свинца и стали „фишъ“.
Мы подъ Ломжей угостили, —
Кушаньевъ — хотъ выбирай,
Хлѣбосолка мать-Россія,
Ужъ накормить, такъ и знай.

Хоръ.

Вотъ те каша, вотъ — бобы.
Вотъ — горохъ, вотъ — пироги.
Вотъ те сало, а вотъ — смалецъ,
Что жъ ты, ворогъ, пляшешь валецъ?
Мы его все хлопъ да хлопъ,
А ёнъ падаетъ въ окопъ.

5.

Закрутивши кверху усь,
Батюшки!
Нѣмецъ двинулъ на французъ,
Матушки!
Сыпетъ на городъ Парижъ,
Батюшки!

Ой, тамъ, нѣмецъ, угоришь,
Матушки!
За француза англичанъ,
Батюшки!
Поймалъ нѣмца на арканъ,
Матушки!
Нѣмецъ въ Гельбію идетъ,
Батюшки!
А гелбыецъ нѣмца бьетъ,
Матушки!
Съ колбасою австріякъ,
Батюшки!
А на нѣмцевъ сербіякъ,
Матушки!
А россейскій нашъ народъ
Батюшки!
И япошка гонитъ флотъ,
Матушки!
Колбасу гнутъ въ три дуги,
Батюшки!
Нѣмецъ пляшетъ въ три ноги,
Матушки!

6.

Нѣмчура совѣмъ зазнался.
Своей силою похвалялся.
Иха, оха, нха, оха,
Видно, будетъ дѣло плохо.
„Никого я не боюся,
До Россен доберуся“.
Иха, оха, нха, оха,
Дѣло будетъ больно плохо.

Сталь войною онъ грозиться.
А на эфто русскій злится.
Иха, оха, иха, оха,
Нѣмцу будетъ очень плохо.
До Россен онъ добрался,
Да въ однихъ порткахъ остался.
Иха, оха, иха, охъ,
Братцы, нѣмецъ нашъ подохъ!

7. Какъ пришли мы за границу
Въ Истербургъ тотъ городокъ,
А у нѣмца усъ — что спица,
Онъ кричитъ, что силы „охъ“.

Наши „бабушки“ чихнули,
Заперхалъ нашъ пулеметь,
Полетѣли съ ружьевъ пули,
Подвело нѣмцу животъ.

Руки кверху, морда кисла,
Инь не сладко воевать,
Будешь долго помнить Вислу
И россейску нашу рать.

8. Подобрали нѣмцы штаны.
Грѣхъ какой!
Побѣжали къ царю Францу:
Эхъ ты ну!
Побросали ружья, пушки,
Грѣхъ какой!
Растеряли всѣ онучки,
Эхъ ты ну!

9. Сучья дочь Германия
Съ древнимъ Австрiи хрычомъ.
Чорта съ два компанiя
Къ намъ попала стѣпачомъ.

Чай зѣйки залила пивомъ.
Не туда полѣзли вы..
Съ некрасивымъ очень видомъ,
Обернетесь послѣ вы.

10. Нѣту, нѣту фонаря
Вѣшать нѣмскаго царя;
Мы его возьмемъ живьемъ.
Ротъ-то проволокой зашьемъ.
Усы сбреемъ тесакомъ,
А чесать будемъ штыкомъ.

11. Государевымъ приказомъ —
Всѣ казенки къ шаху разомъ. —
Нѣтъ вамъ, пьяницы, вина, —
Теперь съ Германiей война!
Эхъ, какъ казеночку закрыли —
Всѣ пьянчуги завопили:
Изъ-за подлаго нѣмца
Не выпьешь рюмочки винца!
Какъ на наше нынѣ горе
Всѣ казенки на запорѣ,
Нѣтъ ни пива, ни вина.
Только съ Германiей война.
У насъ казеночку закрыли.

Я объ ней не заревлю,
Попаду когда въ солдаты —
Всѣхъ германцевъ изрублю.

Теперь казеночку закрыли,
Будемъ денежки копить;
Пойдемъ за родину сражаться,
Чтобы Германію побить.

ДОБАВЛЕНІЕ

БЛАГОВѢСТЬ БОЯ.

Я слышу, какъ въ пустыиѣ темной,
Гдѣ полночь ширить свой шатеръ,
Надъ бездной благовѣсть объемный
Заводитъ съ Богомъ разговоръ.

Водоворотное стремленье
Враждебныхъ полчищъ пронеслось, —
И выше грома пушекъ — пѣнье,
И ярче крови — росы слезъ.

Пусть Дьяволъ брани бьетъ въ свой бубень,
Багровя битву и пожаръ, —
Призывъ отъ Бога многотрубень,
И правый мечъ несетъ ударъ.

Надъ взбудораженною тучей,
Надъ миллионной грудой тѣлъ,
Я слышу колоколъ могучій, —
Онъ въ дни невзгодъ всегда гудѣлъ.

Кипи же, страшная стихія,
Въ войнѣ да выкипитъ весь ядъ, —
Когда заговоритъ Россія,
То громы Неба говорятъ.

К. Бальмонтъ.

ПЕРЕДЪ ГЕРМАНСКИМЪ ПОСОЛЬСТВОМЪ.

Оно вздымалось глыбой сѣрой
И въ бѣломъ сумракѣ ночномъ .
Казалось сказочной химерой,
Тяжелымъ и недвижнымъ сномъ.

Два гладіатора держали
Коней желѣзныхъ подъ уздцы
И терпѣливо выжидали
Побѣду, славу и вѣнцы.

Предъ ними высился Исакій.
На площади кипѣлъ народъ,
Мелькали съ пиками казаки,
Шель съ музыкой гвардейскій взводъ.

Царь - прадѣдъ въ шишакѣ крылатомъ
Какъ будто дѣлалъ ратямъ смотръ,
А тамъ, налѣво за Сенатомъ,
Летѣлъ съ подъятой дланью Петръ.

И лица дерзкія нахмуря,
Коней держали два врага
И ждали, что людекая буря
Затопитъ мутой берега.

Когда же вспыхнулъ пылъ военный
Въ сердцахъ, какъ миллионъ огней,
Они низринулись мгновенно
Съ надменной высоты своей.

Ихъ нѣтъ. Лишь царскій прадѣдъ мчится
Попрежнему въ сіяньи латъ.
Попрежнему Петра десница
Благословляетъ Петроградъ.

Нашъ исполнѣ, нашъ триумфаторъ,
Какимъ величьемъ блещетъ онъ!
Пади, германскій гладиаторъ!
Останови коней, тевтонъ!

Борисъ Садовской.

БОЛГАРАМЪ.

Болгары! Кровь зоветъ къ отвѣту...
Предательства не утаить.
Славяно-русскому завѣту
Ужель не быть?

Иль все забыто? И не виденъ
Со стѣнъ Софии Петроградъ?
И гнетъ Стамбула не обиденъ?
И Сербъ — не братъ?

Иль ваша честь врагамъ послушна?
И крови, пролитой за васъ,
Вы устыдились малодушно
Въ кровавый часъ?

Въ кровавый часъ пылаеть грозно
Россіи вѣщяя любовь.
Болгары! Братья! Будеть поздно.
Отметится кровь.

Сергій Маловскій.

ВОСКРЕСШИЕ БОГАТЫРИ.

Я видѣлъ сонъ...

Подъ гулъ громовъ

Распались древніе курганы,

И встали — жизнью осіяны —

Богатыри былыхъ вѣковъ.

Сыны сѣдой Руси былиши.

Могилъ овѣянные снами,

Поднялись тяжкими стопами

На вольный свѣтъ родныхъ долинъ.

Грозой имъ очи ослѣпило

На мигъ одинъ, но въ тотъ же мигъ

Въ глубь ихъ сердець огонь проникъ.

И въ нихъ зажглась живая сила.

Старикъ Пля, Алеша-младъ.

Потокъ Михайло, свѣтъ-Добрыня,

Съ тысячелѣтней выйдя скрыни.

На Русь родимую глядятъ.

Имъ не итти по раздорожью,

Предъ ними — древнихъ былей степь.

Въ нихъ та же удалъ, та же крѣпль,

Въ нихъ цѣло все во славу Божью...

Стоять конь-о-конь кони ихъ,
Бокъ-о-бокъ съ ними, бьютъ копытомъ
Да удила грызутъ сердито, —
Ждутъ новыхъ схватокъ боевыхъ.

На коней съли побратимы,
Колчаны стрѣлами полны,
Мечи по ножнамъ вложены,
И копыта ихъ непреломимы,
Изъ-подъ нахмуренныхъ бровей
Матёръ-казакъ снопъ молній мечеть,
Княжой охоты старый кречеть
Грозовыхъ черныхъ тучъ темнѣй.

— Неладно чтой-то, мнѣ сдается, —
Ведеть онъ самъ съ собою рѣчь: —
Не видно врага, а мечъ
Изъ ноженъ прочь вотъ такъ и рвется!..

— Откуда громъ — тамъ и враги! —
Къ Ильѣ Поповичъ держить слово.
— Съ заката онъ, — Потокъ сурово
Молвь молвить: — Богъ обереги!..

Добрыня — слѣдомъ: — Что жъ, съ заката,
Съ восхода ль врагъ — не все ль равно...
Поднялись мы — такъ суждено
Острастку дать намъ супостату!..

— Гей! — кликнуть Муромецъ съдой: —
Кто въ полѣ живъ изъ братьи нашей?!..
За нами — пить кровавой чаши
Въ честномъ бою за край родной!..

И, слившись въ откликъ перекатный,
Отозвалась на кличъ Ильи
Вся ширь, вся даль, вся глубь земли:
— Всеъ за тобой на подвигъ ратный!..

Глядитъ старикъ: полнымъ-полна
Вся воля-степь богатырями, —
Пройдутъ однѣ, звеня мечами.
Вослѣдъ—еще дружинъ волна:
Отъ ржанья конскаго и гула
Не слышно рокота громовъ, —
Ведеть на западныхъ враговъ
Самъ Селяниновичъ Микула
Всѣхъ, сохи бросившихъ, сыновъ.

Сонъ—въ руку: лютей врагъ съ заката
Родные рушить алтари;
Русь бьется съ нимъ... Богатыри,
Богъ помочь! Наше мѣсто свято!..

Аполлонъ Коринфскій.

У Т Ъ Ш Е Н І Е.

Самъ Михаилъ Архистратигъ
Его зачислилъ въ рать свою.

Н. Гумилевъ.

Вѣстей отъ него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
Въ объятой пожаромъ, скорбной Польнѣ
Не найдешь могилы его.

Пусть духъ твой станетъ тихъ и покоенъ,
Уже не будетъ потерь:
Онъ Божьяго воинства новый воинъ,
О немъ не грусти теперь.

И плакать грѣшно, и грѣшно томиться
Въ миломъ, родномъ дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику твоему.

Анна Ахматова.

Цѣна два рубля.

820

ЧИСТАЯ ВЫРУЧКА СЪ ИЗДАНИЯ—
НА ПОМОЩЬ ПОЛЬШѢ.